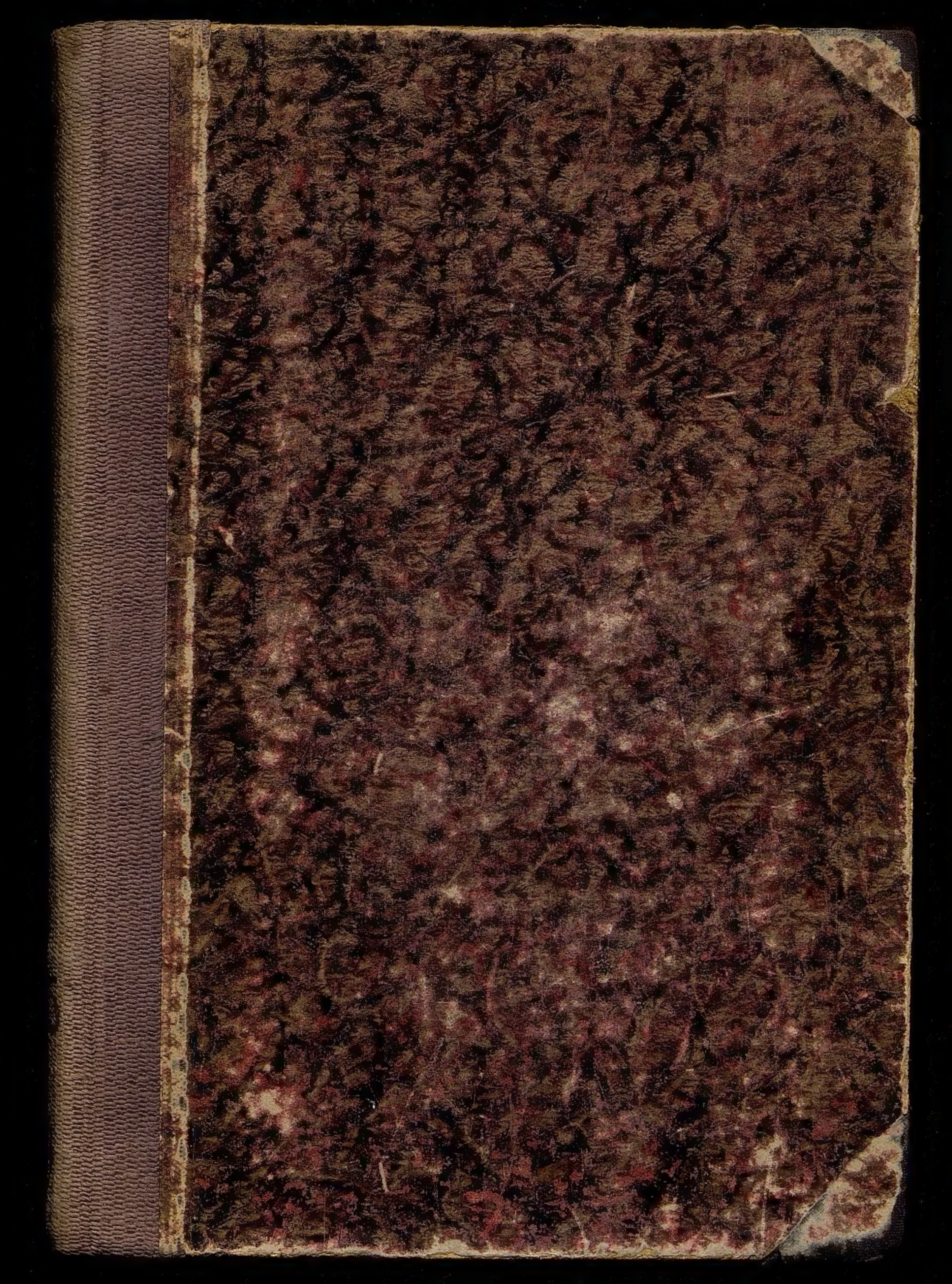
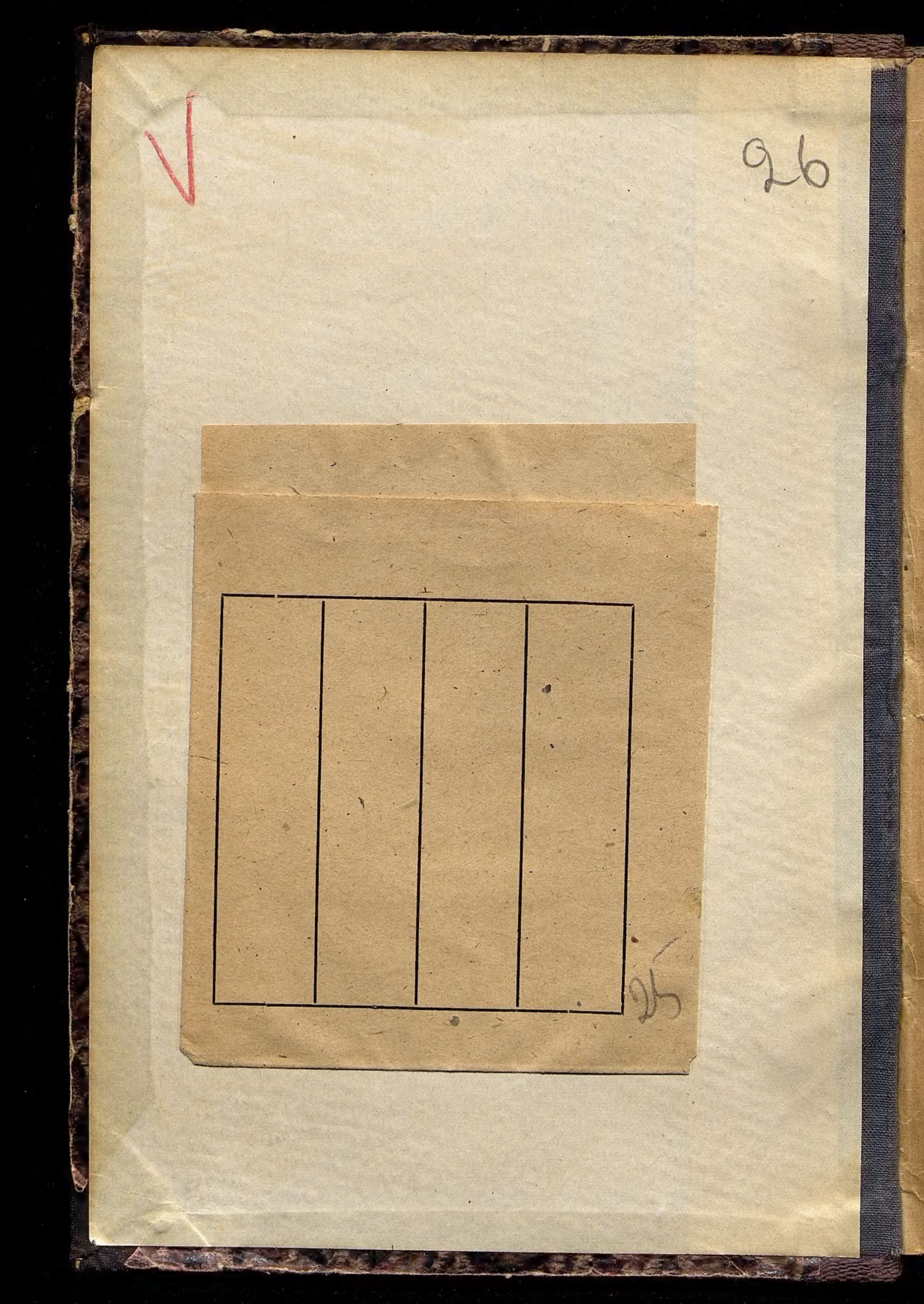
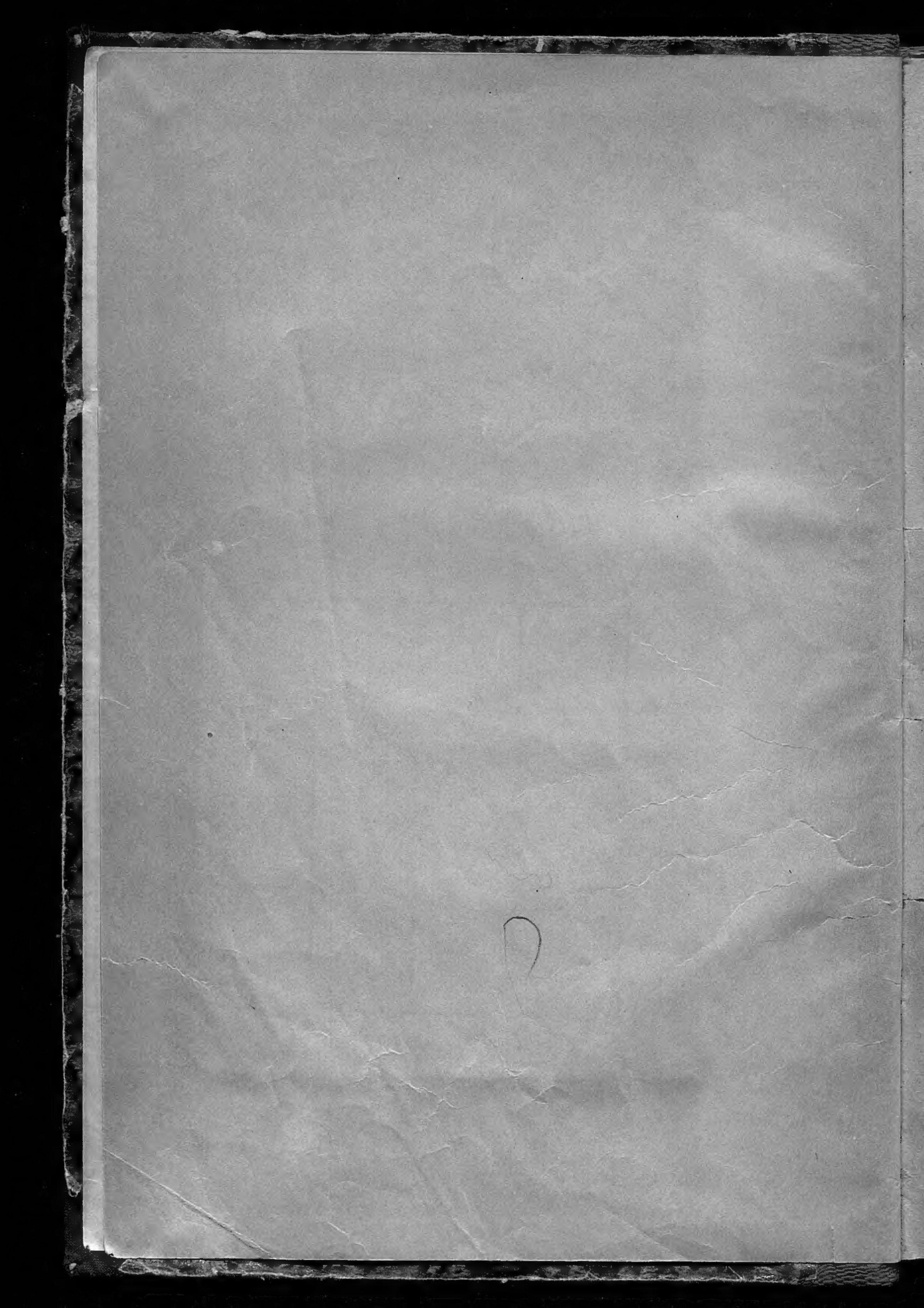
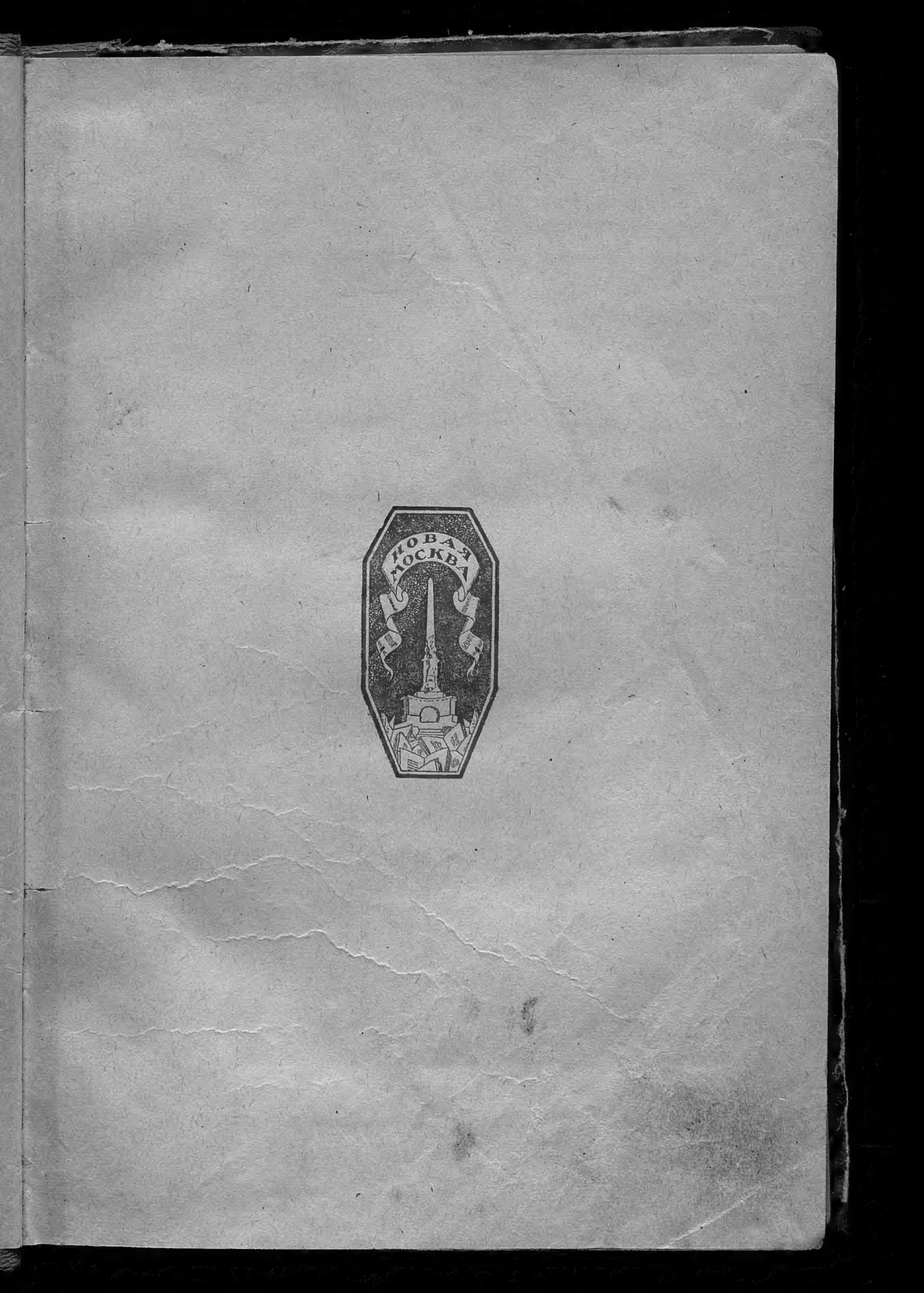

V
26
25

НОВАЯ
МОСКВА

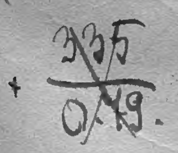
МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б.).
ГУБЕРНСКОЕ БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (ИСТПАРТА).

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

(в МОСКВЕ)

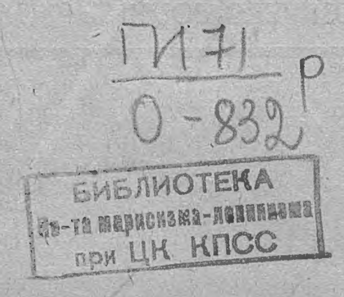
СБОРНИК СТАТЕЙ, ВОСПОМИНАНИЙ и ДОКУМЕНТОВ

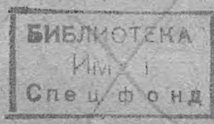
ВЫПУСК I

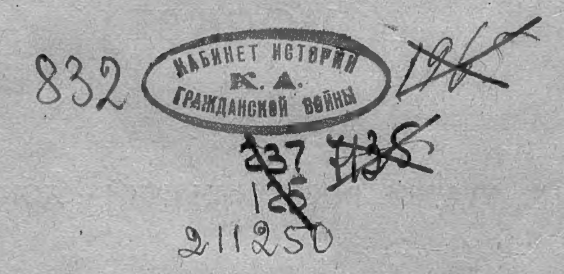

„НОВАЯ МОСКВА“ — 1923

Напечатано в 5-й типо-литогр. „Мосполиграф“ Мыльников пер., 14, в количестве 8000 экзем. Главлит. № 5364. Москва.

„Февраль был колыбелью, из которой вышел Октябрь, Октябрь будет колыбелью, из которой выйдет мировая революция“...

(Из речи т. Луначарского на Прохоровке (1921 г.).

ОТ ГУБЮРО ИСТПАРТА.

Февральско-мартовские дни 1917 года и последовавшие за ними незабвенные месяцы величайшего подъема сил пролетариата, своей твердой поступью шедшего к великому Октябрю—этот период революции окрашен такими яркими красками, полон такого захватывающего интереса, что писать о нем можно и должно бесконечно много.

Выпуская настоящий сборник, Бюро Истпарта делает лишь первые шаги в деле выяснения роли и значения пролетарской Москвы и ее организаций, за славное время подготовки титанической битвы, именуемой Октябрьской Революцией.

Основным материалом сборника послужили статьи—воспоминания активнейших участников Московского ОКТЯБРЯ;—сами воины великой битвы—авторы, часто помимо своей воли, не могут остановить рассказа на одном только подготовительном периоде и, говоря о феврале, неизменно упираются в ОКТЯБРЬ, отчего цельность впечатления от этих статей-рассказов только выигрывает. Некоторые авторы при самом подходе к февралю порою начинают, быть-может, слишком издалека, но зато они попутно рисуют яркие картины нашего революционного прошлого, придающие их статьям большую ценность.

Кроме статей-воспоминаний в сборник вошли: статья-исследование по документам всей подготовительной к ОКТЯБРЮ работы большевиков внутри тогдашнего меньшевистско-эсэровского Московского Совета, подробный обзор деятельности Лефортовского района за период ФЕВРАЛЬ—ОКТЯБРЬ, обзор деятельности Военного Бюро при Моск. К-те Б-ков, заметка-характеристика тогдашних настроений в армии на основании солдатских писем в Военное бюро при Московском Комитете большевиков, некоторые протоколы заседаний Моск. Комитета, извлеченные из сохранившейся после взрыва в Леонтьевском переулке книги протоколов за 17 год и другие документы.

Особый интерес представляет собою протокол заседания Московского Комитета от 25 октября, после чего в книге протоколов нет никаких записей до 9 ноября.

Наконец, чтобы напомнить историческую обстановку, непосредственно предшествовавшую февральской революции, редакция сборника нашла наиболее целесообразным поместить вместо предисловия отрывок из „письма издалека" т. Ленина,—короткая страничка лучше всяких длинных предисловий, рисующая эту обстановку—страничка, сразу ставящая читателя лицом к лицу с февралем — мартом 1917 года.

На долю редакции выпала довольно большая, несколько кропотливая работа по литературной обработке материала, в подавляющем большинстве своем полученного из рук т. т., гораздо более привычных держать молот или винтовку, чем перо.

Губбюро Истпарта.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

(«Письмо издалека». Полное собрание сочинений Ленина, т. XV, стр. 5 и 6).

„Всякий крутой поворот истории, в том числе всякая революция дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того, чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу—и всему миру—все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 г.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты", раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых,—этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров,—этих „первых среди равных" помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса „священной собственности".

Без Революции 1905—1907 годов, без контр-революции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное „само-определение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая великая революция 1905 года, осужденная как „великий мятеж“, господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к „блестящей“ „славной революции“ 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют „славной“, ибо она (пока) дала им власть,—то необходим был еще великий, могучий, всесильный „режиссер“, который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны—породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории, нужны были особенно крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться сразу.

Этим всесильным „режиссером“, этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война!..

В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОМИТЕТЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Введение.

Очерк составлен на основании протоколов заседаний Исп. К-та С.-Р.-Д. и совместных заседаний его с Исп. К-том С. С. Д. Для первой главы использованы также и воспоминания участников.

Однако, схематичность протоколов и полное отсутствие какого бы то ни было материала по некоторым заседаниям, в особенности в самый последний период пред октябрьским переворотом, обусловливает основные пробелы и недочеты этой статьи.

Она не может дать картину фракционной борьбы и фракционных взаимоотношений в целом. Работа свелась к выявлению отношений борющихся партий к возникавшим в ходе революции, наиболее крупным основным вопросам, которые вызывали временами сильное расхождение и временное сближение.

Детали борьбы и факты личного характера не были уловлены протоколами. Надо надеяться, что этот очерк, по необходимости неполный, послужит, именно благодаря своим недочетам, стимулом для непосредственных участников этих событий к тому, чтобы его дополнить и исправить, и таким образом, удастся быть-может, восстановить полную картину партийных отношений и трений в Московском Совете за период с февраля по октябрь.

Структура Исполнительного Комитета С. Р. Д.

Выборы в Московский Совет Рабочих Депутатов в первые дни февральской революции протекали чисто стихийно, партийная принадлежность кандидатов не играла роли, выбирали в первую голову людей известных массам. На тех предприятиях, где были нелегальные партийные ячейки, проходили их члены из числа наиболее влиятельных и известных рабочим, причем большевики голосовали за меньшевиков и эсэров и наоборот.

При том революционном энтузиазме и порыве, которые охватили и массу и вождей, трудно было ожидать правильно организованных выборов. Кроме того, здесь известное значение имело, вероятно, и то обстоятельство, что партии не отдавали себе еще отчета, какая именно роль предстояла Советам в дальнейшем ходе революции.

Там, где не было своих людей, выбирали посторонних, интеллигентов, известных рабочим по их легальной деятельности. Таким образом вводился мелко-буржуазный элемент, осевший в эсэровской и меньшевистской партиях.

Наконец, много выборов носило чисто случайный характер. Благодаря ярко сказанной речи, удачному использованию настроения масс, наконец, благодаря личным симпатиям, люди получали мандат, независимо от их политических убеждений.

Вот как, например, описывает рабочий с Красной Пресни выборы в Московский Совет: „с разных концов города приходили колонны рабочих с фабрик и сейчас же, здесь по предложению товарищей, выбирали представителей и посылали в Московский Совет". *)

Так же „внепартийно", как выбирался в революционном порыве Совет Р. Д. был выбран и его первый Исполком. Организационному закреплению партийных группировок препятствовала перегруженность практической текущей работой. Самая мысль об этом многим казалась тогда вредной.. В работе принимали участие представители всех трех партий, трения, иногда очень острые, происходили, но лихорадочная работа не позволяла на них останавливаться.

*) Из воспоминаний Андреева с 2-го кожевенного завода.

По мере того, как события входили в более спокойное русло, внося в работу Совета планомерный характер, Исполком занял принадлежащее ему место руководителя всей работой Совета, и тотчас же выявилась необходимость в более организованных выступлениях отдельных течений, что было возможно только после предварительного обсуждения вопросов в фракционных заседаниях. Таким образом оформились в Исполкоме и Совете три главных фракции: эсэровская, наиболее многочисленная, меньшевистская и большевистская, самая малочисленная. Все три фракции были сравнительно невелики, в Совете преобладали в то время беспартийные.

В начале апреля были произведены перевыборы Исполкома. По первоначальному проекту кандидаты выдвигались районами и должны были иметь рекомендации от партийных, профессиональных или других каких-либо демократических организаций. Но затем фракции сговорились между собой на принципе паритетного (равного) представительства. В Исполнительный Комитет вошли 60 чел., по 20 от каждой фракции, при чем кандидаты намечались каждой партией отдельно и утверждались Пленумом.

Такое соглашение имело целью избежать обострения фракционной борьбы и давало большевикам, быть может, несколько лишних мест в Исполкоме, а эсэры и меньшевики, имевшие благодаря блоку между собой прочное большинство, избегали таким образом неприятной для них перспективы борьбы с большевиками пред лицом беспартийных на пленуме Совета, где у большевиков были очень популярные ораторы рабочие. Этот принцип паритетного представительства от каждой из трех фракций, практиковавшийся с самых первых дней революции, был с тех пор как бы узаконен и стал применяться при всяких выборах, во всех комиссиях, делегациях и т. д.

Несколько позднее образовалась в Исполкоме четвертая фракция — объединенцев, очень малочисленная. Ее позиция была колеблющейся, она поддерживала то эсэров и меньшевиков, то шла с большевиками. Голоса объединенцев решающего значения не играли и в дальнейшем мы не будем, при изложении платформ главных фракций по отдельным вопросам, останавливаться на позиции объединенцев.

Исп. Комитет имел право кооптации, при чем она производилась также на паритетных началах для того, чтобы соотношение между фракциями оставалось без изменения. Выбывавших членов заменяли сами партии, к которым они принадлежали.

В таком приблизительно составе, увеличившись только численно за счет кооптации, Исп. К-т просуществовал до сентябрьских выборов. Вопрос о перевыборах Исп. К-та встал в сентябре в связи с тем, что большевики получили преобладающее большинство в С. Р. Д. и на Пленуме обоих Советов Р. и С. Д. 5/IX прошла их резолюция, после чего Хинчук в заседании Исп. К-та 9/IX сделал такое заявление: „Ввиду того, что последнее постановление общего собрания Советов Р. и С. Д. идет в разрез со всей политической линией, лежавшей раньше в основе их деятельности, я, как председатель Совета, избранный по соглашению всех фракций, не видя путей для проведения в жизнь политических лозунгов, принятых советами и считая необходимым предоставить президиуму с другим председателем возможность изыскать эти пути, слагаю с себя полномочия“. Представители фракций с.-р. и меньшевиков по тем же мотивам сложили также свои полномочия.

Из этих заявлений вытекала необходимость реорганизации Исп. К-та на новых началах, дающих возможность большевикам иметь также большинство в Исп. К-те для проведения в жизнь постановлений Пленума.

Самое естественное было бы перейти к принципу пропорционального представительства, но паритетность пустила такие глубокие корни, что первые попытки большевиков перейти к пропорциональности встретили дружный отпор со стороны с.-р. и меньшевиков. Так, при кооптации в Исп. К-т 10-ти новых членов с.-р. возражали против пропорциональности, ибо тогда по их словам нарушится соотношение между фракциями.

Все же перевыборы Исп. К-та С. Р. Д. 23/IX проходят по принципу пропорционального представительства и 60 мест в Исп. К-те распределяются таким образом: *)

---

*) Пленум Советов Р. и С. Д. от 23/IX.

Большевикам	32 места	—	246 гол.
Меньшевикам	16 „	—	125 „
Эсэрам	9 „	—	65 „
Объединенцам	3 „	—	26 „

Таким образом большевики завоевывают и Исп. К-т С. Р. Д., но в соединенных заседаниях с Исп. К-том С. С. Д. большинство остается попрежнему за с.-р. и меньшевиками, которые все усилия прилагают к тому, чтобы помешать перевыборам С. С. Д. и сохранить Солдатский Исполком, как центр для борьбы с наступающими по всему фронту большевиками.

Вопрос о войне и мире.

„Заем Свободы" Участие в Стокгольмской и Циммервальдской конференциях. Наступление 18/VI. Вопрос о поднятии дисциплины на фронте.

Первым крупным вопросом, вокруг которого особенно разгорелись страсти в Исп. К-те С. Р. Д., естественно был в обстановке того времени вопрос о войне и мире. С первых же дней февральской революции было ясно, что этот вопрос глубоко волнует самые широкие народные массы, которые связывали с революцией надежду на более быстрое окончание войны.

Петроградский Совет верно выразил желание всех трудящихся России, когда в своем обращении к народам всего мира предложил им „взять в свои руки решение вопросов о войне и мире" и „восстановить и укрепить международное единство".

При этом вся революционная демократия была как будто единодушна, но в ней уже тогда существовало определенное расхождение по этому вопросу, которое не замедлило сказаться, как только от слов надо было перейти к делу и определить свою тактическую линию.

С.-р. и меньшевики стояли на позиции „революционного оборончества" и считали допустимым уже в тех условиях защиту с оружием в руках завоеваний февральской революции, а в недалеком будущем перешли к еще более активной наступательной политике. Их не смущало то обстоятельство, что власть находилась в руках буржуазии, Вр. Пр-во не думало отказываться на деле от империали-

стических целей войны, и в ноте Милюкова от 18/IV подтвердило, что питает „полную уверенность в победоносное окончание настоящей войны в полном согласии с союзниками“ *).

Большевики при таких условиях не считали возможным какое бы то ни было участие в деле помощи продолжению войны и, резко отмежевываясь от всех соглашательских элементов, категорически заявили о том, что революционная война допустима лишь при условии перехода всей власти в руки трудящихся и полного их разрыва со своей буржуазией.

При таких условиях вопрос о поддержке „Займа Свободы“, выпускаемого Вр. Пр-вом, должен был вызвать и действительно вызвал сильную борьбу и расхождение между большевиками с одной стороны, и эсэровско-меньшевистским блоком с другой.

На Пленуме **) Моск. Совета Р. Д. 15/IV меньшевики***) заявив, что „заем отвратительное средство“ высказываются все же за его поддержку в виду того, что пока мир не заключен, надо поддерживать боеспособность армии в окопах, чего без займа мы сделать не сможем и рискуем восстановить армию против рабочих и помешать дальнейшему развитию и укреплению революции. Немецких же социалистов, по их мнению, вполне может удовлетворить отказ русского Пр-ва от анексий и контрибуций.

В таком же духе высказывается представитель ****) фракции с.-р., приводя, между прочим, мнение министра финансов Терещенко о том, что успех займа зависит исключительно от мелкой подписки, которая сейчас совсем не идет, а война не ждет и мы рискуем всей будущностью нашей революции.

И только фракция большевиков *****) находит, что поддержка займа есть разрушение интернационала, в особенности теперь, когда немецкие С.-Д. голосовали против

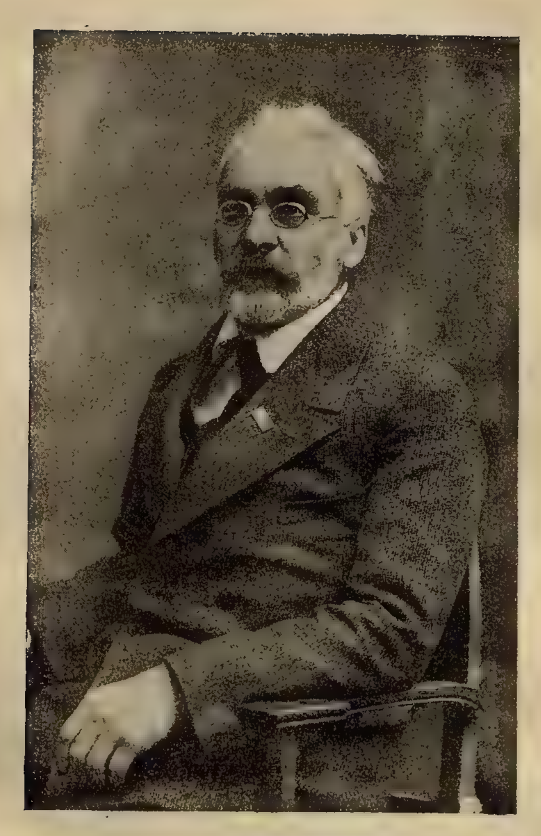
*) Нота Вр. Пр-ва от 18/IV.

**) Материалов Исполкома почти не сохранилось.

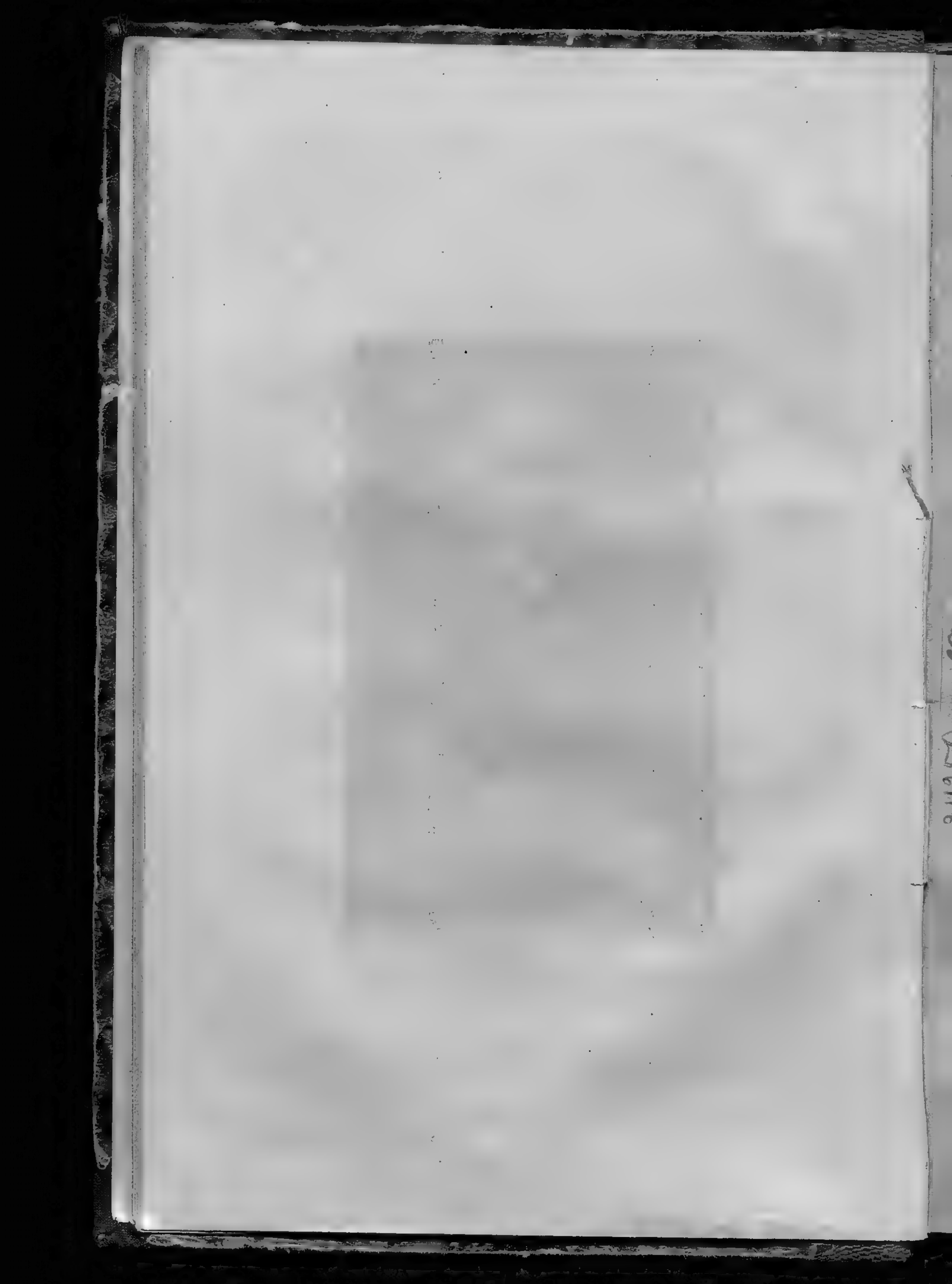
***) Исув.

****) Гаврилов.

*****) Боголепов б-к, старший преподаватель по кафедре финансов Московского Университета.

П. Г. СМИДОВИЧ.

военных кредитов. Далее большевики раскрывают карты буржуазии: мелкая подписка на заем, как показывает опыт Англии и Германии, никогда не покрывала больше 3—4%, обычно 95% займа распределяется между крупными капиталистами и банками. Все это хорошо знает и сам Терещенко, но ему нужен штемпель доверия, чтоб иметь гарантию, что рабочий класс будет уплачивать все те громадные налоги, которые предстоят в будущем.

Буржуазия требует таких огромных жертв со стороны рабочих и ничего не дает сама, она не только не выпускает беспроцентного займа, но „Заем Свободы" выпускается на более ростовщических условиях, чем при царе. Санкцией займа мы выражаем Вр. Пр-ву безграничное доверие, чего мы не сделали в нашей политической резолюции, ибо ни сроки, ни сумма займа, ни назначение его не определены.

Резолюция большевиков решительно высказывается против какой бы то ни было поддержки так называемого „Займа Свободы", „являющегося главным образом военным займом", между тем „война, как раньше, так и теперь носит империалистический характер".

Резолюция эсэров и меньшевиков, получившая большинство *) „решительно высказывается против политики займов", но после тысячи заявлений и бесконечных оговорок все же соглашается оказать активное содействие проведению „Займа Свободы".

Итак, Московский Совет дал деньги на продолжение империалистической войны. Это был первый шаг в сторону разрыва с интернационалом, но не последний. В заседании Исп. К-тов С. Р. и С. Д. от 25/V обсуждался вопрос об участии в двух международных конференциях Стокгольмской и Циммервальдской, посвященных вопросам о мире. Первую созывала так называемая „Голландско-Скандинавская группа"—правые социалисты Голландии, Швеции, Дании и Норвегии при поддержке Петроградского Совета. На нее приглашались представители всех течений в международном социалистическом движении от социал-империалистов до интернационалистов. На Циммервальдской конфе-

*) 242 голоса—за, 127 против и 16 воздержались.

ренции могли участвовать только представители тех социалистических партий, которые стояли на платформе Циммервальда и Кинталя.

Меньшевики *) и с.-р. высказываются за участие в обеих конференциях, при чем на Циммервальдской они намерены добиваться допущения на Стокгольмскую конференцию „всех отрядов международного социализма“. В случае отклонения их предложения они намерены „отказаться от права решающего голоса и участвовать в Циммервальдской конференции только для информации“.**)

Т. Бухарин от фракции большевиков высказывается против участия в Стокгольмской соглашательской, полуправительственной конференции, он отчетливо проводит грань между идеей международного социализма и социал-патриотизмом.

„Теперь существует два социализма, говорит он, социализм интернациональный и социализм национальный, правительственный, ведущий борьбу с первым. Первый социализм выдвигает идею международной революции, второй борется с этой идеей и поддерживает политику правительств“.

Т. Бухарин указывает, что „необходимо создать единодушно действующий интернациональный социалистический орган, объединенный общей платформой“, и так конкретно формулирует, кто может быть членом интернационала: „Циммервальд в целом имеет определенные политические лозунги: решительная борьба с гражданским миром; обострение классовой борьбы; отказ от голосования кредитов. И мы должны в организации интернационала действия придерживаться этих лозунгов, включать в интернациональное объединение лишь тех, кто идет за этими лозунгами“.

Далее т. Бухарин предупреждает Советы, что если они „претендуют на международное значение, они должны вести за собой те массы, которые теперь из меньшинства превращаются в большинство. Лозунг международной революции требует лозунга массовой борьбы“. Но именно эта-то клас-

*) Исув.

**) Резолюция большинства.

совая массовая борьба и страшила меньщевистско-эсэровский Совет, ибо знали социал-соглашатели, что массы пойдут не с ними, а против них.

Большевики в своей резолюции призывают „поддерживать всеми силами“ интернациональное объединение Циммервальдских товарищей и отказаться от участия в Стокгольмской конференции, представляющей „попытку предварительной дипломатической конференции, с которой у революционного социализма не может быть ничего общего“; кроме того „присоединение к ней органов русской революционной власти явилось бы ослаблением позиции деятельных борцов за мир и международную революцию и блоком с активными противниками ее“.

Исп. К-ты приняли резолюцию меньшевистско-эсэровского блока, предлагавшую участвовать в обеих конференциях.*) Предложение большевиков**) предоставить левому меньшинству право участвовать на Циммервальдской конференции с особым мнением, было также отклонено.

Таким образом Московские меньшевики и эсэры берут определенно курс направо, не останавливаясь даже пред возможностью разрыва с интернационалистами. И в то время, как в массах растет классовое самосознание и возмущение против кровавой бойни, они катятся все дальше по пути соглашательства вплоть до поддержки империалистического наступления Керенского и вплоть до попустительства восстановлению смертной казни для солдат на фронте.

18 июня Вр. Пр-во после 3-х месячного колебания снова бросило войска в наступление. По этому поводу состоялось экстренное заседание Исп. К-тов С.Р. и С. Д. от 21/VI, на котором с полной рельефностью обрисовалась позиция эсэровско-меньщевистского большинства.

Меньшевики ***) торжественно заявили, что они „никогда не мыслили борьбу за мир в виде сепаратного мира, или отказа от военных действий“. Однако вслед за этим, ясно формулированным заявлением, они все же хотят доказать, что в сущности они, т.-е. так называемая „революционная демократия“, тут не причем:

---

*) За—50 голосов, против—20.

**) Аванесов.

***) Кибрик.

„Мы должны установить, что политическая ответственность за наступление лежит на Вр. Пр-ве. Другие органы (Совет, фронтовые К-ты и др.) революционной демократии несут ответственность лишь постольку, поскольку они поддерживают Вр. Правительство“.

. . . . „Мы должны воздержаться от обсуждения целесообразности наступления, поскольку Вр. Пр-во пользуется полным нашим доверием“. Что же касается западно-европейского пролетариата, то по мнению меньшевиков, он должен проникнуться мыслью, что наступательные империалистические войны ведутся для его блага. „Мы не должны также бояться, что пролетариат западной Европы может использовать наше наступление, как отказ от политики мира“.

„Поскольку страна не выведена из состояния войны, постольку армия должна быть готова защищать революцию и свободу, ибо разгром России несет смертельный удар не только свободе внутри страны, но и международному движению рабочих“.

В конце-концов меньшевики не могут все-таки замолчать истинное настроение солдатских масс и вынуждены признаться, что необходим весь политический авторитет Московского Совета, чтобы двинуть их в бой.

„Необходимо определенно высказаться за поддержку наступления, ибо в противоположном случае, не удастся отправить из Москвы ни одной воинской части“.*)

Эсэры **) всецело поддерживали меньшевиков, заявляя, что „в данный исторический момент наступление необходимо для успеха русской революции“ и с неподражаемым лицемерием добавляют: „наше наступление обращено не только против Германии, но и против союзных правительств, которым оно покажет, что мы отстаиваем мир при помощи сильной армии“.

„Поддерживая нашу борьбу за мир без анексий и контрибуций военной силой, мы тем самым оказываем поддержку германскому меньшинству и наносим удар его большинству“.

---

*) Кибрик—м-к.

**) Розенблюм.

Содокладчиком от фракции большевиков выступает т. Бухарин. Он указывает, что наступление, диктуемое с одной стороны русской, с другой французской и английской буржуазией, оттянет войну и пагубно отразится на международном пролетарском движении.

„Поскольку Вр. Пр-во поддерживает наступление и поскольку большинство поддерживает в свою очередь это Вр. Пр-во—можно прямо и определенно заявить, что это есть удар по растущему международному движению рабочего класса". „Дело международного пролетариата в борьбе за мир до известной степени срывается фактом наступления".

„Массы, которые в Германии и Австрии стали приходить к сознанию необходимости революционной борьбы—еще не окрепли, могут пойти вспять и перейти на сторону Шейдемановцев". „Немецкие империалисты с полным правом будут указывать, что русская революция несет на империалистском штыке удар рабочему классу".

Содокладчик не представляет себе как большинство, „санкционирующее через Вр. Пр-во наступление русских войск, в то же время поедет договариваться о мире. Это психологически невозможно и будет всеми воспринято, как капитуляция пред российской и союзнической буржуазией".

В заключение он разъясняет при каких условиях революционное оборончество может быть приемлемо для рабочего класса, не делая его в то же время игрушкой в руках империалистов: „мы тоже считаем необходимым иметь боеспособную армию. Но революционную войну мы можем вести только при том условии, когда революционную армию поведет революционная власть, когда власть будет принадлежать Советам, а не Терещенко и другим капиталистам".

Другой большевик *) отмечает „расширение за последние 3 месяца пропасти, которая лежит между большинством русской демократии и ее меньшинством". „Большинство предпочло союз с буржуазией и министрами и тем самым отвело от себя массу рабочего класса".

Резолюция фракции большевиков, резко разоблачая тактику Вр. Пр-ва, подчеркивает, что „наступление на фронте... означает на деле наступление на все завоевания революции"

---

*) Смидович.

и противопоставляет ему „переход власти к Советам Р.С. и К. Д. и предложение от имени Полновластного Совета немедленного справедливого мира всем народам“. *)

Большинством принимается резолюция меньшевиков, **) которая, выражая полное доверие Вр. Пр-ву и санкционируя наступление, признает, что „революционная армия, защищающая на фронте революцию и свободу от внешнего натиска, должна получить самую энергичную и решительную моральную и материальную поддержку всех живых сил страны“.

Большинство Совета приложило свой штемпель к авантюре наступления, но буржуазии не долго пришлось упиваться победами на фронте: 6 июля разразилась катастрофа под Тарнополем. Произошло то неизбежное, что должно было произойти при слабости армии, ее неподготовленности к наступлению и ненависти солдатских масс к империалистической войне и неприятия ими ее целей.

„Прорыв и все пережитое,—говорит т. Ногин на заседании Исп. К-тов С. Р. и С. Д., результат определенной политики, которую нужно в корне изменить. Если теперь из сознания солдат не будут устранены сомнения, что война ведется не на пользу капитала, который ее начал, то вы делу не поможете“.***)

Но не так мыслили наши правые социалисты, по их мнению достаточно было возвратиться к старой дореволюционной дисциплине и смертной казни в армии, чтобы вернуть ей боеспособность, которую разрушила „большевистская пропаганда, ведущаяся на немецкие деньги“.

В своей резолюции ****) о поднятии дисциплины в армии и „неуклонном привлечении к ответственности за неисполнение приказов“ они, правда, не упоминают прямо о смертной казни, но, конечно, отсутствие протеста против приказа о смертной казни, есть ее молчаливое одобрение.

Фракция большевиков отказалась принять участие в голосовании этой резолюции и ее представитель *****) заявил, что

*) Отклонена—53 гол., за—18 и воздержалось гол. 5.
**) За—52 гол., против—24, воздержалось—3.
***) „Социал-Демократ“ № 105 от 12/VII.
****) Заседание Исп. К-тов С. Р. и С. Д. от 17/VII.
*****) Рыков.

ими будет внесена особая резолюция, в виду того, что фракция, признавая все пункты дисциплины (изложенные в предложенной резолюции), считает необходимым включить в нее осуждение закона о смертной казни, необходимость восстановления прежнего революционного порядка смены командного состава, которому армия не доверяет, как представителям черной сотни.

Кроме того фракция считает, что вопрос о дисциплине не отделим от вопроса организации власти.

Необходимо отметить, что в имеющихся у нас материалах вопрос о смертной казни отразился сравнительно бледно, на самом же деле он глубоко взволновал пролетарские и солдатские массы и послужил для последних огромным сдвигом в сторону большевизма.

В дальнейшем вопрос о войне и мире изолировано не поднимался и отошел на второй план, оттесненный вопросом борьбы за власть.

Вопрос о конструкции власти и политика Временного Правительства.

Вопрос о вхождении в Правительство и первая коалиция.—Июньские события в Петрограде.—Выступление Скобелева в Соединенном Заседании Исполнительных Комитетов С. Р. и С. Д.—Июльский кризис власти, образование второй коалиции.—Московское Совещание.—Вопрос о конструкции власти после выступления Корнилова.—Демократическое совещание в Петрограде.

Вопрос об организации власти был центральным вопросом, около которого раскололась так называемая „революционная демократия“ и по которому выявились наиболее острые и глубокие противоречия между большевиками с одной стороны, с.-р. и меньшевиками—с другой.

Нота Временного Правительства от 18/IV, вызвавшая такое единодушное возмущение среди рабочих и солдат, поставила вопрос о реорганизации власти, о создании гарантий против безответственных империалистических выступлений Вр. Пр-ва.

В Исполнительном Комитете С. Р. Д. от 26/IV меньшевики и с.-р., не втянутые еще в сферу „высокой политики“, делавшейся в Петрограде и только что пережившие стихийное массовое выступление Московского проле-

тариата, как-будто вполне искренно высказываются устами Исува против коалиционного Пр-ва, считая его „наихудшим способом разрешения вопроса“, ибо „спокойствие водворилось бы в стране на короткое время, авторитет Временного Пр-ва поднялся бы, между тем, как авторитет Совета стал бы с роковой неизбежностью падать“.

Его поддерживают эсэры, констатирующие *) что „Вр. Пр-во выдало лишь политические векселя“, „социальные же проблемы оно не в состоянии осуществить“.

Резолюция против образования коалиционного Пр-ва принимается единогласно, но отсюда не следует, конечно, что меньшевики и с.-р. исходили при этом из тех же предпосылок, что и большевики.

Последние были против коалиции во имя „доведения классовой борьбы до конца“ **) и перехода власти в руки Советов. Меньшевистско же эсэровское большинство стояло на принципиально противоположной позиции и один из меньшевиков ***) заявил, что нападки на Вр. Пр-во, как на контрреволюционное не основательны, „контр-революционными элементами скорее являются анархические элементы слева, которые слишком упрощено смотрят на стоящие перед нами задачи, а именно возможность перехода власти в руки революционной демократии.“

Для эсэров и меньшевиков лозунг „власть советам“ был более реакционным, чем империалистические выступления Милюкова. Они хотели во чтобы то ни стало заставить буржуазию самое делать буржуазную революцию, а свое участие ограничить ролью оппозиции, оказывающей давление на Пр-во извне. И только после манифеста Вр. Пр-ва от 26/IV о том, что оно настаивает на образовании коалиции, с.-р. и меньшевики вошли в Пр-во в меньшинстве и поскольку коалиция явилась необходимым условием для удержания у власти буржуазии, сделались ярыми сторонниками коалиционного Пр ва. В заседании Исполн. Комитета от 13/V они уже призывают в своей резолюции „всех рабочих и солдат гор. Москвы теснее сплотиться вокруг Совета, чтобы обеспечить

*) Руднев.
**) Аванесов.
***) Кипен.

ему возможность оказывать Вр. Пр-ву полную и действительную поддержку".*)

А с.-р. противопоставляют**) обновленное Пр-во старому, считая его „совершенно новым", способным осуществить те финансовые и экономические реформы, пред которыми оказалось бессильным первое Вр. Пр-во.

Будущее, однако, с несомненностью показало, что Пр-во с буржуазным большинством могло вести только политику защиты интересов имущих классов против натиска революции, а социалистическое меньшинство было бессильно провести в жизнь и то немногое, что обещало. Истинную подоплеку упорного желания буржуазии притянуть социалистов к участию в Пр-ве представитель большевиков ***) объясняет „необходимостью заставить армии двигаться, заставить пролетариат всех стран вновь истреблять друг друга. Для этого нужно было привлечь таких людей, которые своей авторитетностью, своей популярностью могли бы заставить их сделать это".

Резолюция, внесенная от фракции большевиков по этому вопросу заканчивается таким заявлением: „всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну, независимо от своих добрых желаний, станет соучастником политики капиталистов.

Партия пролетариата высказывается самым решительным образом против посылки Советами Р. и С. Д. своих представителей в коалиционное министерство. Партия предостерегает народ против попыток сосредоточить внимание населения на вопросе замены в министерстве одного лица другим, или одной группы буржуазных политиков—другой. Беспринципной борьбе парламентских клик революционная социал-демократия противопоставит борьбу классов и в особенности вопрос о коренной перемене всей политики Советов Р. и С. Д. и о переходе всей власти к ним".

---

*) Принята 60 голосами, против 11, при 21 воздержавшемся.

**) Розенблюм.

***) Ногин.

* * *

Июньские события в Петрограде, имевшие место во время первого Всероссийского Съезда С. Р. и С. Д. внесли большое обострение во взаимоотношения между фракциями исполкома и фракционная борьба сосредоточилась в частности вокруг назначенной большевиками на 10/VI вооруженной демонстрации, которая самим же ЦК.РСДРП (б.) была отменена после того, как съезд советов и Вр. Пр-во запретили какие бы то ни было, даже мирные демонстрации на три дня.

Эта попытка большевиков выступить самостоятельно в защиту своих лозунгов: „вся власть советам", „долой министров капиталистов" напугала московских эсэров и меньшевиков и дала повод к самым яростным нападкам на большевиков, несмотря на то, что последние держались миролюбиво и дали все требуемые от них заверения, гарантирующие большинство от неожиданных и сепаратных выступлений со стороны меньшинства.

В этом бурном заседании Исполнительных К-тов от 10/VI большевикам приходилось отстаивать самое право на существование политической партии, несогласной с политической линией большинства советов. Некоторые эсеры *) требовали „определенно и ясно сказать, что при существовании общественно-политического органа С. Р. и С. Д. и общей линии поведения, сепаратные выступления одной из фракций Совета недопустимы".

А меньшевики уверяли, что агитация большевиков и есть тот путь, по которому придет контр-революция, что надо перестать „быть молчаливыми свидетелями гибели наших завоеваний. Та часть, которая добровольно не подчиняется нам, должна быть подчинена нам в силу нашего влияния и нашей силы".

Агрессивное настроение против большевиков было так сильно, что принимается резолюция ***) против сепаратных выступлений, хотя никто к ним не призывал и прикладывается штемпель советов к травле, поднятой против части Советов. Большевики в виде протеста не приняли участия в голосовании этой резолюции.

---

*) Нестеровский.

**) Кипен.

***) За—56 голосов и 6 воздержалось.

* * *

Эта острая реакция московских меньшевиков и с.-р. на события в Петрограде была тесно связана с особенностями того момента, знаменовавшего перелом в ходе революции. Революционная демократия в лице с.-р. и меньшевиков уже капитулировала пред буржуазией, дав свою санкцию на наступление на фронте; в то же время, стихийно нараставшая волна революции поднималась все выше, но массы еще верили в возможность мирным путем притти к власти советов, т.-е. что те же с.-р. и меньшевики могут под давлением масс взять власть в свои руки.

Это противоречие наростало, создавая небывалое обострение фракционных взаимоотношений и было вскрыто в июльские дни в Петрограде, когда рассеялись все иллюзии и массы увидали на практике, кто идет с ними и чего они могут ждать от с.-р. и меньшевиков. Как показатель фракционных взаимоотношений и интересна своеобразная дискуссия, развернувшаяся в Исполн. Комитетах 17/VI между министром труда Скобелевым (м-к) и большевиками, задавшими ему целый ряд вопросов с целью выяснить отношение коалиционного Пр-ва и правительственных партий (к.-д., с.-р. и мень-ков) ко все углублявшемуся расколу среди революционной демократии, к травле большевиков, к роли буржуазии и т. д.

С речью Скобелева в конце заседания солидаризировались, как фракция меньшевиков, так и фракция с.-р., так что его заявления мы можем рассматривать, как их общее мнение.

Скобелев заявил, что большинство революционной демократии стремится „делать все в смысле политического убеждения, политического воспитания большевистских элементов, чтобы их поставить на социалистическо-демократическую почву и удержать всячески их попытку скользить по наклонной плоскости анархизма".

Ее (демократии) „методы и способы воздействия, конечно, демократические" поскольку меньшинство считается с большинством. В тот же момент, когда большевики станут нам угрожать насилием, они „перестанут быть частью демократии" и „мы обороняясь, будем защищать свое право большинства".

В июльские дни 1917 г. и позднее в период Самарской Учредилки „большинство демократии" показало какими способами оно борется с неугодным ей „меньшинством" и какое место при этом уделяется черносотенно-белогвардейским элементам.

В те же далекие дни Скобелев мог еще усиленно подчеркивать, что Вр. Пр-во относится совершенно одинаково, как к предложению лидера правительственной партии арестовать Ленина, так и к предложению Ленина арестовать несколько десятков буржуа-капиталистов, и считает „методы предлагаемые ими одинаково опасными для революции".

Далее Скобелев дает характеристику большевизма и его дальнейшей эволюции. „Ленин и ленинцы это еще лишь определенная идеология", „в ней слышится Бакунин", и она „находит приют далеко не во всем рабочем классе, а только среди низших слоев демократии, среди ее недовольной части". Это „идеология упрощенного политического мозга", доступная тем слоям, „которые не могут мыслить сложной классовой диалектики".

„Зрелость революционной демократии России настолько сильна, что мы можем позволить себе роскошь верить", что она справится с этой „очень ошибочной, очень пагубной идеологией", „основные посылки которой не соответствуют объективной обстановке нашей революции и демократии".

Поставив крест над „упрощенной диалектикой", лишенной по его мнению, всякой будущности в России, Скобелев переходит к классу, которому принадлежит это будущее: „мы предлагаем буржуазии единство действий, а не единство фронта, известный фактический метод действий с определенными буржуазными элементами. В этой стадии революции есть еще единство политических задач по укреплению завоеваний революции. Те, кто предлагают в отношении буржуазных элементов нападение, тем самым стимулируют процесс контр-революции, ибо на контр-революцию сейчас нападать не приходится. Ее нет". Но в то же время Скобелев не может отрицать, что роль буржуазии, чуждой будто бы контр-революционных вожделений и заинтересованной в укреплении завоеваний революции, сводится в области производства и хозяйственной жизни к „итальянской забастовке".

Причину саботажа Скобелев видит в том, что Пр-во еще не стало „сильной властью“, когда же оно „покажет буржуазии, что вводить социализм мы не собираемся, ибо считаем это самым ближайшим путем к контр-революции, так как к ней можно притти и через левые двери“ и „буржуазия убедится, что революция спасает, а не губит страну,“ она охотно „весь свой опыт принесет на алтарь революции.“

По уверению Скобелева даже сейчас продуманные, конкретные мероприятия, поставленные в реальной плоскости не встречали противодействия со стороны министров-капиталистов, которые только спрашивают: „А как это сделать“.

Итак буржуазии надо гарантировать неприкосновенность ее доходов и она будет с революцией. Но будут ли с такой революцией рабочие и беднейшие крестьяне? Этот вопрос Скобелев не ставит, предлагая таким образом свести великую русскую революцию к простому политическому перевороту, лишенному социального содержания.

Свой доклад он заканчивает такой фразой: „раз мы посланы революцией во Вр. Пр-во мы разойдемся с рабочим классом лишь тогда, когда не будем служить революции, а мы привыкли творить ее волю“. Скобелев не отдавал себе отчета, что он давно разошелся с рабочим классом, перестал творить волю революции, играл объективно контр-революционную роль, мешая свободному развертыванию классовой борьбы и переходу власти к Советам, которые одни только могли дать действительно демократический мир и довести революцию до конца.

* * *

Вначале июля, как мы знаем, кадеты вышли из состава Вр. Пр-ва и первая коалиция таким образом распалась.

Вопрос о конструкции власти снова встал пред революционной демократией и 10/VII обсуждался в соединенном заседании Исполнительных Комитетов С. Р. и С. Д. Докладчик *) большинства (с.-р и меньшевиков) пытался дать анализ движущих сил нашей революции и доказать всю опасность перехода власти в руки Советов и необходимость коалиции с „одним из слоев буржуазии“.

*) Исув.

В России война деклассировала пролетариат, массы распылены и легко поддаются любому лозунгу, „сегодня большевистскому, завтра анархическому, а после завтра всякому", ибо „нет в них противодействия поскольку нет организованности". Тут мы видим характерную для меньшевиков боязнь масс, отсутствие веры в их верный классовый революционный инстинкт.

„Если же буржуазия, продолжает докладчик, дезертирует" и „силой обстоятельств, нам самим придется встать у власти", то „это будет нашей последней ставкой", которая приведет к „ослаблению революции". „Мы твердо и решительно должны заявить, что при самой счастливой случайности, мы можем дать лишь уравнительный голод". Если война затянется, социалистическое министерство будет скоро свергнуто, появится другая власть, „а там уже недалеко и до диктатуры".

Таковы перспективы при переходе власти в руки революционной демократии. Выход из положения докладчик видит в коалиции, но с какими именно слоями буржуазии он не говорит, неопределенно заявляя, что „наша буржуазия империалистическая, но необходимо помнить своеобразие ее империалистических инстинктов", „ее аппетиты не шли дальше своей страны. Внешняя политика, проливы Милюкова не были еще ее девизом".

Также неопределенно говорится и в принятой большинством*) резолюции, что „Вр. Пр-во должно быть составлено таким образом, чтобы было обеспечено самое решительное и безотлагательное проведение в жизнь программы С. Р. С. и К. Д.". Но эти недоговоренности расшифровывает в своем выступлении один из меньшевиков**), заявивший, что „меньшевики всегда говорили, что при буржуазной революции необходимо сотрудничество с буржуазией. Откалывать буржуазию не следует, ибо одному рабочему классу не справиться с тяготами настоящей разрухи. Если левые кадеты согласятся проводить платформу Всероссийского Съезда С. Р. С. и К. Д., то не нужно отказываться".

*) За—50 голосов, против—4, воздержалось—4.

**) Трифонов.

И с.-р. и меньшевики не только не отказывались, но упорно искали сотрудничества с кадетами и благодаря этому затянули правительственный кризис на несколько недель.

В той же резолюции большинства выносится осуждение большевикам за „авантюристскую попытку вооруженного выступления против Вр. Пр-ва и решений Всероссийского Съезда Советов". А докладчик *) обвиняет их в том, что заговорщический характер их тактики и бунтарско-анархистские методы оттолкнули от революционной демократии промежуточные слои, ранее шедшие за ней. Хотя большевики, по его мнению, и являются кучкой, бессильной „строить новую Россию", но „кучка в состоянии разрушить ее" и „погубить революцию".

Таково заключение официального представителя большинства, а его сторонники идут дальше. Один из них **) требует от большевиков или столковаться с большинством и подчиниться ему, или уйти из советов, заявляя: „им здесь не место".

Дальнейшая работа с ними, по его мнению, невозможна, „все наше поражение, все нестроения на фронте объясняются агитацией большевиков".

Большевистская фракция в лице Смидовича высказывается против коалиции и за власть Советов, определенно заявляя, что „доверие к большевикам в районах не исчезло, так же, как в полках, сознательно шедших за лозунгами большевизма. Массы, как и вожди, остаются верными своим лозунгам и считают правильной свою тактику".

Большевики отказались принять участие в голосовании резолюции в виде протеста против осуждения их тактики, которое явилось со стороны эсэров и меньшевиков уступкой требованиям контр-революции.

Кризис власти, принявший затяжной характер, был разрешен наконец образованием второго коалиционного правительства с преобладанием в нем социалистов и без официальных представителей кадетской партии.

---

*) Исув.

**) Аносов с.-р.

В заседании Исп. К-тов С. Р. и С. Д. от 27/VII представитель*) большинства сделал информационный доклад об образовании Нового Правительства, весь проникнутый тоской по твердой власти и поздним сожалением о прежних увлечениях в сторону захвата власти советами и нарушении демократического принципа о разделении властей. Он призывает „усвоить наконец правильную тактику, которой надо бы придерживаться с первого дня революции: поддерживать власть, но не становиться на ее место".

И совершенно забывая о какой власти идет речь и теряя историческую перспективу он жалуется: „Советы на практике не укрепляли центральную власть, а ослабляли. Между тем никогда так не чувствовалась потребность в крепкой революционной власти, как в настоящее время". И далее: „Советы отвлекали живые силы власти" от текущей практической работы „для участия в бесконечных заседаниях". „Советы не организовали масс" и в то же время, отвлекая лучшие силы, ослабляли профессиональные и партийные организации. Итак Советы делали не то, что нужно, и всем мешали и только теперь, „передав всю полноту власти центральному Правительству, они развязали себе руки для свободной критики действий Правительства".

Покаянное настроение, однако не мешает докладчику выявить все преимущества вновь создавшихся взаимоотношений. Оказывается, что смущавшее многих отсутствие в декларации Ц. И. К. Советов обязательства министров-социалистов отчитываться перед советами можно только приветствовать. И хотя это явная уступка кадетам, но „это же обстоятельство делает нас, с одной стороны, свободными от ответственности за каждый шаг Пр-ва, с другой—предоставляет нам возможность все внимание сосредоточить на организации масс вокруг советов".

Из нужды здесь делается добродетель. Эсэровско-меньшевитское большинство хотело во чтобы то ни стало удержать в Пр-ве кадетов, без которых они не мыслили устойчивой власти и таким образом скатились до создания министерства формально независимого от Советов.

---

*) Исув.

Между тем, именно участие в Пр-ве буржуазии лишало его поддержки и доверия рабочего класса и тем делало власть неустойчивой, „висящей в воздухе“. Вр. Правительство чувствовало это и искало поддержки, но не среди рабочего класса, а в других слоях населения, среди всех так называемых „живых сил“ страны.

* * *

Идея созыва Московского Совещания принадлежала министрам-социалистам. Большинство на нем имела буржуазия, именно крупная. Одним членам 4-х Государственных Дум было предоставлено 300 мест, тогда как рабочие, крестьяне и солдаты имели все вместе всего 450 представителей, немного больше одной пятой всего совещания. Буржуазия в это время собирала свои силы, происходили съезды руководящих ее групп, Рябушинский в своей знаменитой речи грозил рабочим „костлявой рукой голода“, а кадеты и прочие „общественные деятели“ взяли определенный курс на Корнилова.

Вокруг Московского Совещания организовывались силы контр-революции, подготовлялось открытое выступление, Корнилов держал себя диктатором, буржуазия всячески его рекламировала. Обстановка была такова, что даже с.-р. и меньшевики забили тревогу. В заседании Исп. К-тов С. Р. Д. от 8/VIII они заговорили о необходимости „единства действий“ и „выявления демократией своей силы“.

Они предложили на соединенное заседание Исп. Комитетов С. Р. и С. Д. пригласить представителей от партий, районных советов Р. Д. и Ц. Бюро профессиональных союзов и „наметить общую линию поведения“.

Такое совещание состоялось на другой день 10/VIII. Оно началось с бурного столкновения представителей районов с эсеро—меньшевистским большинством. Первые ультимативно требовали предоставления им решающего голоса, вторые решительно отказывали им. После длинных прений, перерывов и сепаратных совещаний вопрос был решен отрицательно *), и представители районов, в большинстве своем настроенные большевистски, остались на собрании для информации с совещательным голосом.

*) 69 голосов против, 19—за.

Отношение большевиков к Моск. Совещанию было ясно формулировано в резолюции, оглашенной *) от имени 41 профсоюза г. Москвы (с 300.000 членов).

В ней указывается, „что самым созывом Московского Совещания организуется центр контр-революции“ и что оно имеет своей задачей санкционировать затягивание войны, срыв учредительного Собрания и преследование революционных рабочих и крестьян. На совещание надо пойти с тем, чтобы сорганизовать вокруг своих лозунгов все революционные элементы и, огласив свою декларацию, демонстративно удалиться. Кроме того, необходимо провести кампанию протеста против созыва этого совещания и объявить однодневную стачку протеста.

Официальный оратор **) большевистской фракции заявил, что протест против Московского Совещания есть „протест против политики Вр. Пр-ва“, которое „отказалось от поддержки Советов и ищет себе опоры в других слоях населения“. Политика с.-р. и меньшевиков привела к тому, что „советы, отказавшись взять власть в свои руки, откололи себя от низов. Силы революции ослабли, а силы контрреволюции окрепли, это новый фазис нашей революции.“ „Спасение в рабочем движении, только оно способно удержать от разложения и ряды остальной демократии“. Если советы не станут во главе движения рабочих, то „они умрут— самой позорной смертью—естественной“.

Позиция меньшевиков и с.-р. и их отношение к совещанию противоречивы и расплывчаты, отсутствует какая бы то ни было определенная линия. Их резолюция ***) констатирует, что „Московское Совещание по своему составу не может считаться „выразителем воли народа“ и не должно принимать никаких решений.

„Представители пролетариата и революционной демократии должны принять в нем активное участие“, требуя быстрого проведения в жизнь программы 9/VII и протестуя против репрессий, против левых течений и „недостаточно последовательной борьбы с контр-революцией“.

*) Познанский б.-к.

**) Смидович.

***) Получила 46 голосов—за ,18 против и 7 воздержалось.

Последняя часть резолюции направлена против призыва большевиков к однодневной стачке протеста: „ввиду того, что государственное совещание является делом Всероссийским, всякое выступление масс в связи с ним может быть предпринято только под руководством Ц. И. К. С. Р. С. и К. Д.".

Исп. К-ты Московского Совета Р. и С. Д.—заявляет эта резолюция—считают нецелесообразным устройство „всеобщей стачки протеста", и призывают „без особого их постановления не допускать никаких политических забастовок и демонстраций, откуда бы эти призывы не исходили".

Оратор большинства *) предостерегает против тактики большевиков, которые „призывают к таким действиям, которые должны усилить пропасть между нами и солдатскими и крестьянскими массами". А „уход большевиков с совещания превратил бы его только в триумф для контр-революции, ибо оставил бы представителей крестьянских советов, кооперативов и др. демократических учреждений без наиболее подготовленной части демократии". Другой меньшевик **) протестует против того, что большевики „заранее клеймят Московское Совещание, как контр-революционное" и предостерегает Московских рабочих против резких выступлений, которые могут „оттолкнуть в сторону контр-революционной буржуазии ту массу промежуточных, колеблющихся еще элементов, которые для успеха революции необходимо привлечь на сторону демократии".

В заключение надо привести характерный образчик меньшевистской фразеологии, долгое время вносившей большую путаницу в умы рабочих и создавшей иллюзии о революционности этой партии. Меньшевики хотят на Моск. Совещании дать „решительный бой буржуазии, заставить ее раскрыть свои карты пред всей страной, заставить снять маску с лица всех, так называемых спасателей России, напр., Родзянко и пр. и пр.". Едва ли были такие рабочие и крестьяне, которые считали бы Родзянко спасителем России, ясно, что меньшевики имели в виду не их, а все те же слои „левой буржуазии", которые они хотели за волосы притянуть к революции. Но буржуазия от революции открещивалась,

*) Исув.
**) Никитин—мин. почт. и тел.

а власть советов пугала меньшевиков не меньше, чем реставрация и вот у них создается настроение близкое к отчаянию, докладчик большинства в конце восклицает: „довольно споров, слов, бесплодных резолюций, когда все кругом рушится и гибнет. Мы должны наконец взяться за работу".

Совещание заканчивается выступлением представителей одиннадцати районов. 7 из них*) присоединились к резолюции Ц. Б. профессиональных союзов. Железнодорожный район занял еще более непримиримую позицию, он „считает недопустимым какое бы то ни было участие представителей рабочего класса в этом совещении и призывает Московский пролетариат своим пламенным протестом отучить контр-революционную банду от поездок в Москву."

3 Района**) поддержали резолюцию большинства.

Один***)—объединенцев, резолюция которых по существу совпадает с резолюцией большинства.

Таким образом собранию не удалось наметить общую линию поведения, напротив оно выявило глубокое расхождение между эсэро-меньшевистским центром и рабочими массами. Последние не только его не поддерживали, но активно шли за большевистскими лозунгами, даже вопреки постановлениям совета.

В стачке протеста в день открытия Московского совещания участвовало в г. Москве и ее окрестностях около четырех сот тысяч рабочих****).

Массы увидели на деле, что их представители в Совете не выражают их волю и вопрос о перевыборах делается очередным лозунгом Московских рабочих. Но меньшевики и эсеры не складывают оружия. В заседании Исп. К-тов С. Р. и С. Д. 17/VIII были заслушаны информационные сообщения представителей фракции меньшевиков*****) и с. р.******).

*) Городской, Замоскворецкий, Басманный, Бутырский, Лефортовский, Благушенский, Симоновский, Даниловский (подрайон).

**) Пресненский, Хамовнический, Рогожский.

***) Сокольнический.

****) Социал-Демократ № 134.

*****) Исув.

******) Черепанов.

Они удовлетворены результатами совещания, находят, что буржуазия „определенно почувствовала себя одинокой“ и убедилась, что те слои, на которые она расчитывала опереться в случае реставрации—пойдут „очень далеко, дальше чем нужно буржуазии“. В то же время „получился большой плюс в объединении широких слоев демократии вокруг Советов, вокруг декларации Чхеидзе“. „Теперь имеется деловая программа, на которой объединилась вся революционная демократия“, но несмотря на такие блестящие результаты с.-р. должны признать, что совещание не дало ответа на вопрос о власти, последняя, „как и прежде висит в воздухе“.

Получилась интересная вещь, демократия окрепла и сплотилась, а власть, опирающаяся на нее, попрежнему слаба и неустойчива и с.-р. и меньшевикам снова приходится ломать голову над ее укреплением, придумывая то демократическое совещание, то предпарламент, то еще что-нибудь. Ориентация на промежуточные, демократические слои привела к тому, что Пр-во не выражало интересов ни правых, ни левых и в октябрьскую революцию у него не оказалось сторонников, готовых выступить на его защиту.

* * *

Мелкая буржуазия под влиянием страха, внушенного ей выступлением **Корнилова**, в котором крупная буржуазия и в частности кадетская партия сыграла значительную роль, заколебалась в сторону пролетариата.

Меньшевистский ЦК потребовал удаления кадетов из министерства, Керенский не согласился, тогда меньшевики отозвали своих министров из Пр-ва, после чего Керенский переменил свое мнение о соглашении с кадетами, такова информация из Петрограда, сообщенная представителем меньшевиков на заседании Исполнительных Комитетов С. Р. и С. Д. от 2/IX.

Также решительно и определенно настроены и Московские меньшевики. При обсуждении в Исполнительных К-тах С. Р. и С. Д. от 1/IX вопроса о конструкции власти меньшевитская фракция вносит резолюцию, начинавшуюся с заявления, что „Мятеж Корнилова показал.., что кадеты и другие партии, выражающие интересы земледельческого класса, финансового капитала и крупной торгово-промыш-

ленной буржуазии... определенно отошли от революции". Эти группы не могут проводить программу 8/VII, последнее может сделать только Пр-во из представителей „организованной демократии и промежуточных демократических слоев населения, решительно отмежевавшихся от Корниловщины и ее политических вдохновителей".

Мы видим определенный сдвиг влево, но удерживаться долго на этой более левой позиции меньшевики не могли. Под влиянием страха перед властью Советов, которая, как организация классовая „не будет пользоваться поддержкой всего народа" и под влиянием стремления создать новую власть, опирающуюся не только на советы, „но в первую голову на демократические городские и земские самоуправления, избранные всем народом" меньшевики *) очень быстро повернули направо и ко времени демократического совещания снова скатились к коалиции с буржуазией.

Ориентация на самоуправления и кооперацию делает из меньшевиков ярых защитников мелкой буржуазии, которая должна „почувствовать себя участником власти и тогда власть будет авторитетна в глазах широких масс населения" **).

Если же „мы поведем с мелкой буржуазией борьбу, то она заключит блок с крупной буржуазией и не победим ни мы, ни они, что и приведет к разрушению страны". Поэтому наша тактика—„консолидация классов" была вполне правильной.

Наконец, тот же видный меньшевик, желая объяснить и оправдать традиционную меньшевитскую тактику соглашения с кадетами, уверяет, что „принцип коалиции имел в виду не соглашательство и подчинение, а изоляцию враждебных сил".

Эс-эры выступают по обыкновению солидарно с меньшевиками, их представитель ***) также заявляет, что „буржуазии нет места во власти, так как она не пожелала проводить платформу революционной демократии." Но в тоже время у с.-р. красной нитью проходит желание отмежеваться

---

*) Исув.

**) Кипен.

***) Черепанов.

от политики классовой борьбы, они уже вступают на путь защиты „общенародных“ интересов, на путь, приведший партию с.-р. к многолетней кровавой борьбе с Рабоче-крестьянской Россией.

Устами Черепанова с.-р. заявляют, что „мы можем вести классовую борьбу лишь постольку, поскольку она не сталкивается с обще-государственной задачей“. „Классовая политика может проводиться лишь в экономической борьбе. В политических условиях настоящего момента не может быть классовой линии, должна быть общенародная линия“. В тот момент под таким заявлением могли подписаться не только кадеты, но и более правые группы. Любопытный пример, как партия по существу контр-революционная под давлением масс, в моменты наибольшего подъема революции окрашивается в красный цвет и поддерживает революционные лозунги.

Представитель большевистской фракции *) защищал тактику, опирающуюся в революционной борьбе на „революционный пролетариат и крестьянство“, так как „промежуточные слои“ для этого „слишком шатки и склонны к соглашательству“. „Власть, опирающаяся на самоуправление (в них входят и Корниловцы) будет опираться именно на эти колеблющиеся слои“. „Ими выдвинута платформа Московского совещания, отличающаяся бледностью и отсутствием классовых принципов“. „Фракция большевиков окажет поддержку с.-р. и меньшевикам лишь постольку, поскольку они сами опираются на Советы“.

Резолюция фракции требует отстранения от власти не только кадетской партии и всех цензовых элементов вообще, но и изменения также „политики соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции“.

Собрание приняло за основу резолюцию меньшевиков и делегировало по одному представителю от каждой фракции в Петроград для сообщения Президиуму Ц. И. К. С. Р. и С. Д. и министрам социалистам мнения Исп. Комитетов Московских С. Р. и С. Д.

---

*) Смидович.

* * *

В половине сентября состоялось демократическое совещание, созванное Ц. И. К. Советов для решения вопроса о конструкции власти.

Состав его не соответствовал реальному соотношению сил в стране. Буржуазия формально представлена не была, но промежуточные элементы самоуправления, кооперации подавляли пролетарские организации, а среди последних, центральные органы — места, так кооперация получила 150 мест, а профсоюзы 100, Ц. И. К. С. Р. и С. Д.—100 мест, а все местные советы—50 и т. д. На совещании все же значительное большинство высказалось против коалиции с кадетами, но в то же время большинство в 80 человек отвергло однородное Пр-во.

Из создавшегося тупика выход был найден опять же в коалиции с кадетами, санкционированной предпарламентом, выделенным из состава совещания. После чего в него были введены и представители буржуазии—120 на 305, что по мнению меньшевиков *) представляло верное „зеркало социальной структуры России и имело огромное значение для классовой борьбы внутри парламента, для сплочения промежуточных элементов“.

Информационный доклад о ходе совещания в Петрограде сделал представитель большевиков **) в соединенном заседании Исп. Комитетов С. Р. и С. Д. от 26/IX и в заключении указал, что в предпарламенте „нет ни единства, ни сплоченности“ и что новое коалиционное Пр-во, ответственно перед ним „лишь морально, но не формально“, и что оно своей политикой будет без сомнения провоцировать гражданскую войну и для ее предотвращения необходимо, чтобы Съезд Советов не был отложен и для него не будет иного выхода, как взять власть в свои руки.

Содокладчик меньшинства *) (меньшевиков и с.-р.) находит, что созыв Демократического Совещания был необходим для более безболезненного изживания кризиса власти и что предпарламент „должен будет удерживать рабочий класс от максимализма, с одной стороны, с другой—дать исход для классовой борьбы пролетариата“.

---

*) Исув.

**) Ногин.

Далее оратор пытается доказать, что при положении, создавшемся на совещании, коалиция была все-таки лучшим выходом, чем личный режим Керенского, или „власть советов, которая не просуществовала бы и недели, так как мы имели бы власть изолированную".

По его мнению, „неустойчивость власти зависит не от позиции, которую занимает власть, а от увеличения предъявленных к ней требований. Чем левее будет власть, тем более будет недовольства, ибо уменьшение исполнения всех требований будут вызывать разочарование". „Настоящее правительство является более действительным, ибо оно будет встречаться с парламентом, его деятельность будет контролироваться. Опыт 3-ей Думы показал, как бороться за расширение прав и полномочий внутри парламента и мы знаем и готовы к конфликтам на этой почве".

Трудно найти более показательный пример безответственной болтовни и политического банкротства. За месяц до Октябрьской Революции, когда все кругом бурлило и кипело, меньшевистская партия, утерявшая классовый инстинкт и революционное чутье, договорилась до „опыта Государственной Думы" и „внутрипарламентской борьбы" в специально для этого выдуманном парламенте. Но карточные домики, воздвигнутые эсерами и меньшевиками, разлетелись, как дым, не задержавши ни на одну минуту победоносное шествие рабочей революции.

Перед Октябрем.

Репрессии против большевиков.—Уличные митинги.—Вопрос о вооружении рабочих.—Обсуждение Устава Красной Гвардии.—Закрытие буржуазной прессы.—Выступление текстильщиков.—Настроение солдат в тылу.—Отношение Московских рабочих к Ц.И.К. Советов Р. и С.Д.

После июльских дней большевики подверглись ряду репрессий со стороны Ц.И.К. Советов Р. и С. Д. и Вр. Правительства. Против них была также поднята бешеная травля со стороны буржуазной и социалистической прессы. Темные элементы натравливались на митингах, дело доходило до самовольных обысков, арестов и самосудов на улицах. Многим, вероятно, памятно также, как у рабочих систематически отбиралось все оружие, не смотря на то, что они имели удостоверения на право ношения оружия от Московского Со-

вета. или как меньшевик Никитин, тогдашний градоначальник, позднее министр Керенского, производил обыски в Городском районе, где им было конфисковано оружие, принадлежавшее Московскому Комитету Р.С.Д.Р.П. (большевиков).

Наглость справа все увеличивалась и скоро наиболее дальновидными из с.р. и меньшевиков была осознана опасность для самих Советов со стороны разнузданных элементов контр-революции. В заседании Исп. К-тов С.Р. и С.Д. от 10/VII раздаются голоса о том, что „выпады против большевиков опасны не только для них, но и для всей революции. Мы должны буржуазию поставить в рамки приличия и заставить замолчать о травле большевиков". *) „Травля, которая сейчас ведется против большевиков, обрушится всей своей силой и на социалистов других течений". **) Представители большевиков ***) также подчеркивают, что речь идет о самозащите против надвигающейся контр-революции: „защищая нас, вы защищаете и себя. При всяком выступлении против большевиков, вы будете бить те массы, которые идут за ними".

Исполнительные К-ты С.Р. и С.Д. приняли постановление выпустить и расклеить воззвания против обвинения большевиков в провокации и шпионстве и поднять в этом смысле кампанию в социалистической прессе.

Такая платоническая резолюция не могла, конечно, что нибудь изменить или смягчить, хорошие пожелания остались на бумаге, преследования большевиков шли своим чередом. Только раскрытие заговора в дни московского Совещания и угроза открытого выступления контр-революции заставила снять с большевиков некоторые ограничения, которым они подвергались. Так, им был разрешен на три дня свободный доступ в казармы для установления связи с солдатскими частями на случай выступления контр-революционных сил.

В заседании Исп. К-тов С.Р. и С.Д. от 19/VIII даже прошла полная отмена этого запрещения, но Президиум С.С.Д. все-таки не давал пропусков большевикам, объявив

*) Кузнецов—называл себя с. р., но формально в с. р. партию не входил.

**) И. И. Егоров—объединенец.

***) Сокольников.

голосование случайным и отложив решение вопроса, несмотря на энергичные протесты большевиков, до Пленума.

Выступление Корнилова ребром поставило вопрос о едином фронте с большевиками, о действительной отмене всех репрессий. Полевевшие в эти дни меньшевики в заседании Исп. К-та С.Р. и С.Д. от 28/VIII высказываются *) за отмену всяких репрессий против одной из частей революционной демократии, особенно в настоящий момент, когда должен быть единый фронт и единство действий в борьбе с контр-революцией. Необходимо освобождение арестованных и снятие запрета на печать.

В этом смысле была принята резолюция и в порядок дня ближайшего пленума С.Р, и С.Д. был внесен вопрос о прекращении репрессий против большевиков. Как проводилась в жизнь эта резолюция можно видеть из того, что Исполнит. К-ту С.Р.Д. **) от 9/X пришлось заниматься вопросом о голодовке 19 Двинцев ***) в Бутырской тюрьме, которых власти отказывались освободить, хотя все их товарищи были переведены уже в лазареты. При этом меньшевики были против активного вмешательства Исп. К-та в это дело, считая, что его надо передать „какой нибудь судебной власти, которая приняла бы меры к их освобождению".

После ликвидации Корниловского выступления с.-р. и меньшевики не прочь были бы, быть-может, восстановить против большевиков прежние рогатки, но ясно наметившийся революционный подъем и популярность большевиков не только среди рабочих, но и среди всего населения и солдатских масс, сделали это невозможным.

Еще после Московского совещания, когда определенно почувствовался перелом в настроении масс, большевики поставили в Исп. К-тах С.Р. и С.Д. от 22/VIII вопрос об отмене запрещения уличных митингов, находя, что именно открытые митинги дадут возможность бороться с антисемитской пропагандой и травлей со стороны буржуазии. Но соц.-революционеры и меньшевики энергично высказывают-

*) Исув.

**) с большевистским большинством.

***) Солдаты 5 армии, посаженные Керенским за протест против смертной казни и сочувствие большевизму в Двинскую крепость, затем переведенные в Москву.

ся против, боясь, что отмена запрещения приведет ко „всеобщему явному и равному погрому“ *) и будет использована для агитации против Вр. Пр-ва. При этом один из видных меньшевиков **) признается, что „создавшееся положение вещей долго продолжаться не может, скоро должно что-то произойти, что нас сдвинет, либо мы сдвинем и в зависимости от этого будет решен вопрос о митингах, пока же его надо оставить в прежнем виде“.

И его оставили. Но скоро нарастание революционной волны победило противодействие меньшевиков и в заседании Исп. К-тов С.Р. и С.Д. от 21/IX одни только эс-эры высказывались против отмены запрещения уличных митингов, ссылаясь на опасность контр-революции. Ее признавали и меньшевики, но ввиду выборов в районные думы находили, что Совет не может стать на путь „стеснения выборной кампании“. Запрещение было снято.

Таким образом была снята еще одна из рогаток, которыми эсеры и меньшевики пытались ослабить поступательный ход революции.

Но вот Корниловское выступление глубоко всколыхнуло народные низы, которые проявили много инициативы и энергии в борьбе с пытавшейся поднять голову контр-революцией. В заседании Исп. К-тов С.Р. и С.Д. от 31/VIII явились представители совещания фабрично-заводских комитетов и потребовали, чтобы в их присутствии были рассмотрены вопросы о вооружении рабочих и закрытии буржуазной прессы.

Были представлены 11 районов и все они требовали вооружении рабочих для защиты от буржуазии, которая стоит за Корниловым и для защиты рабочих организаций от разгрома. Обращалось внимание Совета, что если он не даст своей санкции, рабочие будут вынуждены действовать снизу помимо Советов.

Выступление Корнилова не было еще ликвидировано, угроза контр-революции висела в воздухе и никто в присутствии рабочих не решился открыто выступить против их требований. Один только представитель ***) С. С. Д.

---

*) Серапионов—с.-р.

**) Кибрик.

***) Маневич—м-к.

несмело заявил, что оружия не хватает и нельзя ослаблять солдат, вооружая рабочих. Меньшевики *) же, не возражая против вооружения, стараются его обезвредить и по возможности ограничить. Они понимают вооружение рабочих, видите ли, как усилие создать моральную силу для защиты от черной сотни, но не как создание армии параллельной, регулярной. Они предлагают создать при заводских комитетах вооруженную рабочую милицию из лиц, хорошо известных Советам и обучать ее при помощи инструкторов из Совета Солд. Деп., „поголовное же вооружение, по их мнению, неизбежно вызовет отправку рабочих на фронт взамен сорокалетних и т. п.“.

Вопрос для разработки передается в комиссию. 2/IX эта комиссия **) делает доклад в Исп. К-тах С.Р. и С.Д. и оглашает проект устава Красной Гвардии, который собранию предлагается принять.

Если более или менее неопределенное требование рабочими оружия не вызвало особенно резких возражений, то теперь, когда оно получило определенную формулировку и грозило вылиться в мощную организацию для защиты классовых интересов рабочих в начинающейся гражданской войне, мелко-буржуазная душа с.-р. и меньшевиков затрепетала от страха и они забили отбой, тем более, что Корниловская авантюра была ликвидирована и не было непосредственных свидетелей со стороны рабочих. которые их стесняли на прошлом заседании.

Меньшинство комиссии ***) заявило, что „Красная Гвардия нужна на случай развития контр-революции“, и что при наличии революционной армии нет нужды создавать еще параллельную армию.

Меньшевики и с.-р. очень резко выступают против организации Красной Гвардии, находя, что „такая классовая организация в данный момент не нужна, ибо мы не переживаем сейчас социальной революции“ ****) для них это „игра в солдатики“, которая может напугать буржуазию и вызвать

---

*) Исув

**) Ведерников б-к.

***) Гильман.

****) Маневич—м-к.

обвинения в открытии фронта и т. п. *). Назначение Красной Гвардии—„охрана революции в тылу, а не борьба с капиталом". **) В конце концов они „за вооружение, но не таком масштабе" ***)

Как раз меньшевики и с.р. хотели бы свести Красную Гвардию к простой игре в солдатики и помешать ей превратиться в армию пролетариата, являющуюся опорой его классовой политики. Фракция большевиков указывает, ****) что „критический момент революции" наступил и „мы большевики, независимо от решения этого вопроса здесь поставим вопрос о праве и обязанности рабочих вооружиться". „По принципу демократии никакого стеснения в вооружении народа не должно быть и все высказывающиеся против этого, хотят иметь армию над народом, а не для народа".

Исп. К-ты высказываются принципиально за вооружение рабочих и передают проект устава Красной Гвардии для окончательной обработки в согласительную комиссию. 3/IX Исп. К-тами С.Р. и С.Д., наконец, принимается устав Красной Гвардии, при чем отвергаются все поправки, внесенные большевиками с целью ослабить влияние центра и оградить самостоятельность районов. Принятый устав подлежал еще утверждению Пленума, но на ближайшем Пленуме 5/IX вопрос получил лишь принципиальное разрешение в смысле желательности и необходимости организации Красной Гвардии. Сам же устав получил утверждение только накануне октябрьского выступления, благодаря саботажу со стороны с.р. и меньшевиков, которые демагогически использовали недоверие солдат к новой организации и похоронили устав в Солдатском Совете, который все никак не мог закончить его обсуждение. Это мешало, конечно, практической работе, но на местах организационная работа все таки кипела и в Октябрьские дни все районы имели свои отряды Красной Гвардии.

Другой вопрос, поднятый представителями фабрично-заводских комитетов в Исполн. Комитетах 31/VIII был вопрос о закрытии буржуазной прессы. Он обсуждался в Исп.

* Исув—м-к.
**) Безель—с-р.
***) Кибрик—м-к
****) Рыков—б-к.

К-тах С.Р. и С. Д. лишь 3/IX. Представитель большевиков *) поддерживает предложение одного внепартийного рабочего **) закрыть в виду явной контр-революционной позиции буржуазной прессы в Корниловские дни „Руское Слово" и „Время", что послужит предупреждением остальным газетам. Начав с травли большевиков, они распространили ее и на Советы. Он указывает на призрак гражданской войны, „когда надо будет принять быстрые и решительные меры борьбы с буржуазной прессой вплоть до ее закрытия".

Меньшевики соглашаются с тем, что в момент „гражданской войны закрытие буржуазной прессы необходимо, но до того времени надо прибегать к закрытию с осторожностью" ***) Они предлагают мириться с закрытием буржуазных газет лишь в острые моменты ****) и „налагая репрессии на буржуазную прессу, нужно в то же время быть осторожнее самим, не допускать таких статей, как в Соц.-Демократе, где Керенский называется Корниловцем" *****).

Принимается резолюция, предлагающая „иметь тщательный надзор" за прессой, карая за статьи контр-революционного содержания от судебного преследования до окончательного закрытия революционной властью, без права возобновления под другим названием. Напуганные контр-революционным походом буржуазии против Советов—с.р. и меньшевики принуждены были признать необходимость закрытия буржуазных газет в „острые моменты" гражданской войны. Позднее, когда вся Россия стала ареной самой ожесточенной гражданской борьбы, те же меньшевики поднимали злобный вой всякий раз, как Советской Власти в целях самообороны приходилось закрывать их газеты за травлю, направленную против всех начинаний власти, в особенности против создания Красной Армии, без которой, конечно, не могло быть победы над окружавшими Республику врагами.

Но в Корниловские дни эсеры и меньшевики еще плелись в хвосте революции и революционный подъем и активность, проявленная рабочими при ликвидации выступления

*) Розенгольц.
**) Кузнецова—называвший себя с. р.
***) Шварц.
****) Егоров-Орлетинов—м-к.
*****) Рыбальский—м-к.

контр-революции, захватила и их. В то время в массах определенно обозначился перелом в настроении и их отход от эсэров и меньшевиков и постепенное присоединение к лозунгам большевиков. Так уже 22/VIII представитель *) Центр. Бюро Профсоюзов огласил в заседании Исп. К-тов С.Р. и С.Д. заявление Союза текстильщиков (110000 членов), в котором текстили, протестуя против явных и скрытых локаутов, проводимых фабрикантами, предъявляют между прочим требования: 1) установления действительного контроля над производством и распределением товаров при непосредственном участии профессиональных союзов и заводских комитетов; 2) взятие всей власти Советами Р. и С.Д.; 3) введения налога на прибыль и конфискацию сверх-прибыли и ряд других экономических и политических требований.

Представитель Ц. Бюро Профсоюзов находит, что в связи с локаутами среди рабочих масс растет недовольство, грозящее вылиться в стихийное движение. Если С.Р. и С.Д. не станут во главе этого движения и не примут всех мер к удовлетворению их требований, то будут сметены и сами советы и вообще все органы революционной демократии. Если советы в своем настоящем составе не отражают настроения масс и не в состоянии взять на себя руководство массой, то пусть распустят себя сами и назначат новые выборы.

От имени Ц. Бюро Профсоюзов он поддерживает требования текстильщиков и предлагает советам взять власть в свои руки, выпустить воззвание к армии и крестьянству, выяснив в нем роль буржуазии в хозяйственной разрухе и обеспечить профсоюзы помещениями.

Один из ораторов меньшевиков **), выступивший в прениях, находит, что Ц. Бюро Профсоюзов „плохо руководило экономической борьбой рабочих, не может само справиться с экономическими вопросами, но обращается за содействием к Советам, хотя последние являются лишь органами направляющими политическую борьбу". Другой меньшевик, Кибрик, предлагает отложить на следующее заседание рассмотрение

*) Познанский—б-к.

**) Егоров-Орлетинов.

вопроса, а сейчас ограничиться обсуждением неотложных практических мероприятий, выдвинутых в докладе Ц. Бюро Профсоюзов.

Мы видим, что в половине августа большевистские лозунги „Вся власть советам и контроль рабочих над производством" были усвоены рабочими массами, которые активно их выдвигали и с низов оказывали давление на Советы. Но с.-р. и меньшевики не ставят на обсуждение наиболее злободневные и волнующие массы вопросы, предпочитая их откладывать на „следующее заседание".

Одновременно происходит стихийное нарастание революционной энергии и среди солдатских масс, но оно не укладывается еще в определенные политические лозунги и прорывается чисто-стихийными взрывами.

22/VIII в Исп. К-тах С.Р. и С.Д. был заслушан доклад помощника командующего москов. военным округом о настроении воинских частей в тылу.

Он находит, что „мы стоим пред взрывом стихийной волны во всех гарнизонах". „Отовсюду (Коломна, Серпухов, Казань) приходят известия об анархических выступлениях отдельных гарнизонов, сопровождавшихся самыми зверскими расправами с офицерами, милицией и т. п.". Боеспособность Москов. гарнизона, по его мнению, очень невелика и достаточно двух кавалерийских дивизий и одной тяжелой батареи, чтобы привести к покорности гарнизон и весь город. „Необходимы решительные меры против развала, который угрожает всей стране".

Какие же меры предполагает сам докладчик *), партийный меньшевик? Он намечает два выхода: „во-первых, некоторые перемены в личном составе армии и сокращении численности ее и, во-вторых, в усилении репрессивных мер для поднятия дисциплины". Таковы меры, которые по мнению меньшевиков могут спасти армию от развала и вернуть ей боеспособность.

Исп. К-ты С.Р. и С.Д. отложили обсуждение и этого доклада до „следующего заседания". Когда состоялось это „следующее заседание" неизвестно, во всяком случае в протоколы оно не попало.

---

*) Шер.

В заключении маленький штрих, характеризующий отношение московских рабочих к эсеровско-меньшевистскому Ц.И.К. Советов Р. и С.Д. 24/VIII Исп. К-ты С.Р. и С.Д. заслушали доклад о праздновании полугодовщины февральской революции. В нем было между прочим предложение об отчислении рабочими полдневного заработка в пользу Ц.И.К. Советов.

Вносится предложение *) специальный сбор произвести не в пользу Всерос. ЦИК. т.-к. он не пользуется доверием масс, а в пользу Москов. Совета Р. и С.Д. с отчислением обычного процента в пользу ЦИК. Возражений такое предложение не вызвало и Исполкомы приняли по этому поводу компромиссное решение: „предложить рабочим отчислить полдневный заработок в пользу Моск. С.Р. и С.Д. и ЦИК. С.Р. и С.Д., не предрешая пока распределения сумм между этими организациями“.

Через полгода после начала революции верховный орган, созданный ею, потерял уже настолько всякий авторитет среди московск. рабочих, что нуждался в прикрытии Моск. Совета, тогда почти большевистского, чтобы выступить перед массами.

Мелкобуржуазные партии с.р. и меньшевиков, вынесенные наверх февральской революцией, потеряли к этому времени связь с массами и с революцией и повисли в воздухе.

В то же время с глубоких низов поднялся мощный вал большевистской народной революции и взмыв высоко, разметал все старое и водрузил знамя пролетарской диктатуры.

Р. Оболенская.

---

*) Игнатов—б-к.

ИЗ МОЕЙ РАБОТЫ В МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ.

Введение.

Ниже делюсь воспоминаниями о жизни Московской организации, начиная с июльских дней и кончая бурными октябрьскими. Даты возможно не совсем точны: так, напр., не помню, когда была избрана партийная Боевая Пятерка Московским Комитетом 25 или 26 октября, когда избрал Московский Совет Революционно-Военный Комитет — в тот же день, когда заседал МК или на следующий день.

Никаких документов у меня под руками не было, за исключением одного номера „Социал-Демократа" от 1 сентября 1917 г. Все острые моменты борьбы Московской организации мною написаны по памяти. На собраниях, о котором речь идет ниже, возможно присутствовали не все товарищи, которые указаны, или перепутаны имена, но факты переданы верно и точно.

Июльские дни в Москве.

Об июльском выступлении в Питере мы узнали в Москве только на следующий день. В аудитории № 1 Политехнического музея были собраны экстренно активные работники Областного Бюро, Окружного Комитета и Московской организации. Там были заслушаны доклады с мест о настроении среди рабочих и солдат и о состоянии партийных организаций. Насколько мне помнится, тогда было только решено быть готовым в районах к возможному выступлению в зависимости от развертывающихся событий, и всем районам и иным организациям было предложено мобилизовать силы.

Днем в Капцовском училище, на заседании МК были бурные прения: товарищи Бубнов, Ломов, Стуков и другие товарищи из Областного Бюро предлагали занять почту, телеграф, телефонную станцию, редакцию „Русского Слова" и т. п., но МК, состоявший из представителей районов,

которые были связаны с рабочей и солдатской массой, отклонял все вышеназванные предложения, ибо боевого настроения в массах в Москве еще не было. Было постановлено назначить вооруженную демонстрацию на Советской площади у Московского Совета, в 8 час. вечера, 4-го июля. (Московский Совет, состоявший тогда в большинстве из меньшевиков и с.-р., издал приказ, запрещающий всякие уличные митинги и шествии). Было определено, кто будет выступать и все комитетчики и ответственные работники разошлись по районам, казармам и фабрикам. Исполнительная Комиссия Комитета оставила меня в помещении Комитета, а все члены ее отправились на площадь и в Московский Совет, чтобы оттуда наблюдать, что происходит на площади и чтобы дать знать МК, какие районы пришли, какие нет и т. д.

Уже 8 час. вечера, а из Совета сообщают, что около Совета нет еще ни души, а между тем из районов имеются сообщения, что они уже вышли к Совету. Были сообщения и с Ходынки, что оттуда двинулись солдаты на демонстрацию, но почему их нет? Из Совета звонок за звонком по телефону с вопросом придет ли хоть какой нибудь район. Прибежали назначенные ораторы в Комитет выяснить причину неявки демонстрантов. Я сам передал дежурство в Комитете и побежал на площадь — там по сторонам стояла праздная публика, но демонстрантов не было. Я побежал по Тверской по направлению к Ходынке на встречу солдатам, но я увидел человек сто самокатчиков, которые направлялись к Московскому Совету.

Больше никого не было! Если бы я мог тогда провалиться сквозь землю, мне было бы легче, чем вернуться в МК. Меньшевики и с.-р. в Совете ликовали. Большевики провалились—рабочие слушаются Совета.

Так длилось целых два часа. Это были мучительные 2 часа для нас. В 10-м часу стали поступать сведения о прибытии районов. Прибыла из Лефортова осадная артиллерия вместе с районом, явились и солдаты, но по одиночке, а не целыми ротами. Демонстрация была не очень внушительная, но все же она не могла поместиться на площади—опоздавшие районы уже не могли войти, а были вынуждены стоять на Тверской улице начиная с Охотного ряда.

Демонстрация—митинг состоялся, но когда районы стали расходиться, на них напала буржуазия, офицеры, с.-р. и меньшевики, которые свистели, орали, старались обезоружить и выхватывать наши знамена. Знамя Московского Комитета принесли вооруженные товарищи Замоскворецкого района и то их преследовали почти до Капцовского училища. (С этого дня до МК очень часто доходили слухи о том, что черносотенцы звали собиравшиеся каждый день около памятника Пушкина и Скобелева летучие митинги итти громить Комитет большевиков).

МК расчитывал на более внушительную демонстрацию. На площадь явились даже не все члены Московской организации, но это объяснилось тем, что очень поздно районы были извещены о решении МК о демонстрации (откладывать было нельзя) и еще тем, что обыватели, под руководством с.-р. и меньшевиков, зная, что Совет запретил демонстрацию, нападали на демонстрирующие районы, отнимали и рвали у них знамена. Так что у демонстрантов бывали форменные сражения еще не доходя до Совета.

Колеблющиеся элементы, конечно, разбежались по дороге. Этим, между прочим, и объяснялось сильное опоздание демонстрантов, о котором я говорил выше. (После демонстрации Московский градоначальник — или как его там тогда звали, не знаю—меньшевик Никитин производил обыски и ему удалось конфисковать 50 винтовок в городском районе).

Демонстрация, по количеству участников, была не велика, но она была внушительна, ибо, несмотря на столько препятствий и столкновений, она все же состоялась. Это было боевое крещение для тех членов партии, которые видели, с каким остервенением на них набросилась буржуазия в „самой свободной республике" с.-р. и меньшевиков. Когда в июле началась гнусная травля против нашей партии, то они — участники демонстрации — не дрогнули и на своих плечах вынесли всю тяжесть этой травли.

После опубликования в газетах гнусного обвинения против руководителей нашей партии, Московская организация численно ослабла, но зато внутренно она сделалась более спаянной и боеспособной.

Бегство попутчиков из Московской организации в последние июльские дни и травля буржуазной печати подейство-

вали панически даже на некоторых членов Московского Комитета.

МК в одном из своих заседаний выразил полное доверие руководителям партии. Состоявшаяся в конце июля Общегородская Конференция Московской Организации целиком стала на эту же точку зрения и она поручила выбранным своим делегатам на съезд партии довести до сведения съезда мнение Московской организации, что мною и было исполнено при открытии 6-го партийного съезда.

VI партийный съезд в августе 1917 г. без руководителей партии.

В августе 17 г. состоялся партийный съезд в Петрограде.

Делегаты Москвы и Московской области ехали на съезд вместе, в одном вагоне. По дороге целую ночь обсуждали порядок дня и работ съезда. Тут же было условлено о совместных выступлениях делегатов всей Московской области и делегатов Московской организации. Настроение было бодрое и приподнятое. С вокзала мы отправились в ПК, на Выборгскую сторону. Там мы встретили тов. Свердлова, а когда выходили из ПК—встретили и тов. Сталина. Если я не ошибаюсь, съезд открылся в тот же день—недалеко от ПК, в Выборгском районе. На этом съезде наша партия объединилась с Межрайонной организацией, в которую тогда входил и тов. Троцкий. На этом съезде не присутствовали ни т. Ленин, ни т. Троцкий, ни т. Зиновьев, ни т. Каменев. Это был первый съезд, (не считая I съезда РСДРП.), на котором не присутствовал т. Ленин. Было грустно, но вынужденное отсутствие наших вождей еще больше сплотило всех делегатов съезда и он прошел очень дружно. Не то члены ЦК, не то члены Президиума С'езда решили не „дразнить гусей“ и провести съезд без демонстраций—деловито. Как только съезд открылся, предложили, конечно, всех руководителей партии выбрать почетными председателями съезда. Был заслушан доклад ЦК и военной организации, в котором был, конечно, затронут вопрос об июльских днях и гнусной клевете. Прения закончились принятием резолюции с выражением одобрения действий ЦК, полного доверия оклеветанным товарищам и презрения клеветникам. После принятия этой резолюции, под видом того, что съезд солидаризуется

с изменниками отечества, Керенский, как об этом узнал Президиум С'езда, хотел сделать набег на съезд партии. Поэтому Президиум предложил и съезд принял, раньше всего избрать ЦК, а потом сократить число участников съезда таким образом, чтобы каждые 5 или 10 делегатов (цифру не помню) выбирали одного делегата. Из выбранных таким образом делегатов составить конспиративный узкий съезд со всеми правами полного съезда. Все это было проведено, и узкий съезд имел два заседания в клубе Межрайонного Комитета за Нарвской заставой. После этих двух заседаний, там же вновь открылся полный съезд, который благополучно кончил свои работы. Хотя вопрос о программе партии был снят с порядка дня, все же съезд прошел без вождей партии деловито и хорошо, и решения его не задержали революционную борьбу, а наоборот, содействовали и ускорили наступление октябрьских дней.

Московское совещание и Корниловские дни в Московской организации.

Когда стало известно, что правительство Керенского собирается осчастливить Москву устройством в ней совещания всех „живых сил страны" Московский Комитет собрал в помещении Городского района, на Цветном бульваре, представителей всех ячеек, Районов и активных работников для решения вопроса: как достойнее устроить встречу высоким гостям. Были заслушаны доклады с мест, из которых было ясно видно, что Московская организация вполне оправилась от потерь после клеветы правительства Керенского, Чхеидзе и К°.

Обмен мнений о встрече был очень оживленный. Он длился целый вечер. Выявились три точки зрения: т. Землячка была за демонстрацию, т. т. Лихачев, Владимирский и я были за всеобщую забастовку, и тов. Овсянников был против демонстрации, забастовки и против всяких таких встреч. За предложение тов. Овсянникова были поданы несколько голосов, за предложение т. Землячки голосовала приблизительно $^1/_3$ собрания, а за забастовку высказалось огромное большинство собрания. Все дружно взялись за подготовку забастовки, которая прошла великолепно. Не было света, трамвая, не работали фабрики, заводы, железно-

дорожные мастерские и депо. Даже официанты в ресторанах бастовали. Перед открытием совещания, в Москву съехались из разных городов России представители Советов, Дум, Земств, Кооперативов и пр. члены нашей партии. Они все собрались в МК, где была выработана декларация от имени нашей партии. Я не помню, огласили ли они ее или нет. Кажется, что представителям нашей партии не дали совсем огласить декларации и они покинули совещание. Финал я смутно помню, ибо я в совещании не участвовал.

Появление на сцену генерала Корнилова поставило вопрос ребром об отпоре ему. Московский „Социал-Демократ“ превратился в те дни в грозный набат. Он требовал вооружения рабочих, ареста генералов, закрытия буржуазных газет, конфискаций типографий и передачи их рабочим организациям. Революции партийных организаций были в таком же духе. МК стал собираться нелегально в начале (такое собрание было на сцене электро-театра, около Курского вокзала, где временно помещался Железнодорожный район). С.-р. и меньшевики в Московском Совете не на шутку испугались корниловцев и они заговорили об отпоре им. Они предложили МК координировать свои действия. МК не отказался от координации настоящих боевых действий, поэтому он выставил целый ряд требований, о которых шла речь выше. К этому времени МК уже заседал в здании Совета. Не помню кем, была выдвинута идея создания девятки, которая должна была осуществить власть в Москве и губернии, в которую и наши организации губернии должны были послать своих представителей, и осуществилась ли эта идея о девятке тогда или нет не помню. Зато помню заседание представителей всех партийных комитетов (меньшевиков, с.-р., интернационалистов), в котором я участвовал от МК. Там произвели подсчет сил. После того, как все Комитеты выложили—что у них имеется действительно боевого (его было у них немного) они обратились ко мне с просьбой информировать о боевых силах, которыми располагаем мы. От имени МК я им заявил, что мы не гарантированы, что с.-р. и меньшевики не арестуют отдельных наших офицеров и не раскассируют названные мною части; и что МК согласен координировать действия в том случае, если будут освобождены революционные солдаты и офицеры—члены нашей партии, которые

сидят в тюрьмах и гауптвахтах Московского военного округа. От имени МК я тогда им заявил, что если они действительно будут бороться с Корниловым и корниловцами, то бороться будем фактически вместе, ибо независимо от них, МК с корниловцами будет бороться, также как и вся наша партия. В эту ночь мы, большевики, собрались отдельно, где мы подсчитывали части, на какие можно расчитывать в борьбе против контр-революции и был выработан Военной организацией и руководителями Красной гвардии план мобилизации вооруженных рабочих. МК и все его органы развили небывалую агитацию в казармах, на фабриках, заводах и железных дорогах. Массы всколыхнулись и корниловские дни положили конец господству меньшевиков и с.-р. над рабочими и отчасти солдатами Москвы. Районные Советы, и вслед за ними Московский Совет были завоеваны нашей партией.

В это же время, не помню по какому поводу, были в Москве устроены Московским Советом (тогда еще не нашим) митинги и демонстрации от районов к ближайшим площадям. Они были устроены совместно с меньшевиками, с.-р. и интернационалистами. Митинги оказались огромными. Почти везде Президиумы на них были наши и резолюция МК была принята на всех митингах Москвы.

Пред Октябрем.

В ЦКРКП пред Октябрьской революцией были разногласия о времени выступления. Товарищ Ленин прислал письмо Московской организации с предложением начать выступление не дожидаясь Питера.

Мотивировалось в письме предложение, если мне память не изменяет, тем, что все внимание и военные силы Керенского направлены на Питер и что если правительство его ожидает выступления—то только в Питере.

Для обсуждения письма было созвано в конце сентября или в начале октября частное собрание в Мертвом переулке у т. Обуха. Там присутствовали т. т. Осинский, Ломов, Лихачев, Гусев (член Президиума Ж/Д Райсовета, которого я привел), Владимирский, я и еще несколько товарищей, кажется, Емельян Ярославский, Смидович и др. имена коорых я не помню.

Был очень оживленный обмен мнений: одни участники совещания думали, что хотя рабочее население Москвы поддерживает нашу партию, ибо на выборах в районные думы РКП получила 51—52% всех поданных голосов, однако, гарнизон Москвы не был боевым и плохо вооружен, и МК имел тогда с ними немного связей, а Исполком Солдатской Секции Совета почти сплошь, за малым исключением, состоял из меньшевиков и с.-р. Рабочие же были слабо вооружены, — а потому взять на себя почин выступлений нельзя, Москва может лишь поддержать выступление, когда оно где-либо начнется. К этому же течению принадлежал и я. Противоположного взгляда придерживались товарищи Осинский и, кажется, Ломов. Они думали, что если сорганизовать маленький боевой кулак, то при расхлябанности военных органов Москвы может что нибудь выйти. Собрание закончилось тем, что все согласились, что выступать мы сейчас не можем и что нужно сугубо усилить работу Военной организации и поднимать вопросы в печати и на широких собраниях, касающиеся широчайших слоев населения (если я не ошибаюсь, одним из таких вопросов был тогда намечен жилищный, должен был быть выброшен лозунг: рабочие, занимайте сносные квартиры, особняки и т. п.). В корниловские дни МК, Областное Бюро и Окружной Комитет в своей резолюции, напечатанной 1 сентября в номере № 145 „Социал-Демократа", на ряду с лозунгами вооружения рабочих, ареста контр-революционеров, закрытия газет и конфискации типографий, выставив пункт об улучшении жилищного и продовольственного вопросов, ибо продовольственный, топливный и жилищный вопросы еще при Керенском в Москве были очень остры.

Обсуждал-ли МК письмо т. Ленина на официальном заседании—я не помню, но МК делегировал меня на важное заседание ЦК в Питер. Так как я на заседание опоздал (на этом заседании обсуждался вопрос о выступлении и на нем присутствовали товарищи Троцкий, Ленин и, кажется, Зиновьев), то мне пришлось говорить с отдельными членами ЦК—товарищами Сталиным, Сокольниковым, Свердловым, Бубновым и с большими предосторожностями мне удалось повидаться с т. Лениным. Только на второй день после моего приезда в Питер, я мог узнать, где находится Владимир Ильич и пойти к нему.

Вечером первого дня моего приезда в Питер—это могло быть 12—13 октября—я нашел Надежду Константиновну Крупскую (Ульянову) в Районной Думе Выборгского района (она там заведывала, кажется, школьным отделом), которая мне дала адрес Ильича.

На следующее утро я отправился на Выборгскую сторону и в конце длиннейшего проспекта, кажется, Большого, я с большими предосторожностями нашел нужный дом, во дворе я сразу обнаружил квартиру, постучал как было условлено и мне открыл дверь сам Ильич. Очевидно, дома, кроме Ильича никого не было. Комната, в которую мы вошли, была завалена книгами и газетами. Было видно, что т. Ленин пользуется вынужденным сидением в комнате для литературной работы. Сейчас же, как я вошел, он попросил у меня газету. Как только он развернул ее, он воскликнул: „Питерский Совет за выступление—Совет выбрал Военно-революционный Комитет даже без прений, несмотря на то, что меньшевики и с.-р. требовали открытия прений".

Газету я прочел, но я не видел, чтобы Питерский Совет высказался за выступление—он только выбрал ВРК. Очень скоро я убедился, что Ильич был прав.

Т. Ленин очень подробно расспрашивал меня о Московской организации, соотношении сил в Совете Рабочих Депутатов, в Совете Солдатских Депутатов, Профсоюзах, Районных Думах и т. п. организациях. Речь зашла о выступлении. Я изложил мнение активных работников Московской организации о том, что Москва начать выступления не может, но что Москва поддержит сейчас же выступление, если оно где-нибудь начнется. Я затронул вопрос о том, удержит ли наша партия власть, ибо у нас сравнительно так мало активных и дельных сил. На это т. Ленин посоветовал мне ознакомиться с рукописью брошюры: „Удержат ли большевики власть", в тот же день я достал рукопись брошюры у Марьи Ильиничны и она—брошюра,—если мне память не изменяет, была напечатана тогда же МК в Москве.

От всего разговора с т. Лениным у меня в памяти сохранились только отрывки:—если нам удастся заключить мир с Германией, крестьяне будут с нами, Германия, наверное, потребует от России Прибалтийского края, который почти ими уже занят. В крайнем случае придется уступить,

в интересах спасения и отстаивания победы и завоеваний революции. Что касается людей, то они у нас имеются: можно будет разослать товарищей матросов по уездам и деревням. Они разъяснят крестьянам суть переворота. Им будет с чем подойти к крестьянам, ибо первым делом после победы будет издание закона о земле и о мире.

Тов. Ленин интересовался настроениями железнодорожников (я тогда работал среди них в Москве). Тогда закончилась забастовка железнодорожников—для последних ничем. Ильич заявил, что одним из первых мероприятий будет удовлетворение нужд железнодорожников (2/XII—17 ВЦИК второго созыва декретировал удовлетвроение всех экономических требований железнодорожников).

Вот, приблизительно, отрывок нашего разговора.

В течение нескольких дней моего прибывания в Питере мне пришлось быть у тов. Ленина несколько раз. Московская организация выставила тов. Ленина в Учредительное собрание. Для того, чтоб он мог быть выставлен в Москве, требовалось письменное согласие Ильича. Получив письменное согласие, я вернулся в Москву.

В Москве было созвано межрайонное совещание с участием активных работников Московского Областного Бюро и Окружного Комитета. На этом собрании мною был сделан доклад о моей поездке в Питер и В. Н. Яковлевой о заседании Ц К. После этого был очень горячий обмен мнений. Собрание происходило в помещении Железнодорожного Района, на 1 Бретской ул., 15 или 27, оно кончилось тем, что стали подсчитывать боевые силы и обсуждались методы усиления работы в слабых местах. Собрание кончилось очень поздно. Несмотря на то, что после обмена мнений выяснилось, что боевых сил у нас мало,—для всех участников было ясно, что сегодня-завтра выступать нужно будет, а потому каждый член партии напрягал все силы и уменье, чтобы работать и работать для выступления.

Октябрьские дни.

26 Октября по старому стилю утром мы узнали из газет о перевороте. МК сейчас же собрался и наметил Революционный Военный Комитет, который прошел на Пленуме Совета, далее, он выбрал двух членов в боевую пятерку

(т. Владимирского-Камского и пишущего эти строки). Боевая пятерка составилась таким образом: два от МК, два от Областного Бюро (Варвара Николаевна Яковлева и Стуков) и один от Окружного Комитата (В. И. Соловьев). На Пленуме Совета не чувствовалось, что надвигается буря. Шли доклады, содоклады и бесконечные прения. Была даже создана Согласительная Комиссия из представителей большевиков, с.-р., меньшевиков и интернационалистов для согласования резолюций. Был выбран ВРК, куда вошли большевики и интернационалисты (последние очень скоро ышли из РВК).

После Пленума, ночью заседали боевая пятерка и большевики, члены РВК, принятые решения должны были после быть проведены через собрание ВРК, где заседали и интернационалисты. Последние много говорили по поводу предложенных мероприятий—этим оттягивалось исполнение решений. Когда вызывались воинские части, в первый день, то они являлись с большим опозданием и то приходилось агитировать их, чтобы они шли туда, куда их посылали. В помещении Совета еще сидели с.-р., и меньшевики и они вели контр-агитацию. Словом, первый день, 27 октября прошел очень вяло. Белогвардейцы на второй день заставили взяться энергично за организацию сил для серьезного отпора и наступления, ибо они окружили Совет со всех сторон и начали сжимать кольцо вокруг него.

27 вечером был созван Московский Комитет в виду того, что в боевой Пятерке и в Революционном Комитете были разногласия по вопросу о переговорах с Рябцевым и Рудневым. МК большим большинством запретил вести переговоры с белогвардейцами.

28 утром я отправился в Викжель для установления телефонной связи с Питером. С большим трудом удалось мне связаться с Питером и узнать какое создалось правительство и его состав (два члена Совета Народных Комиссаров были в Москве—Ломов, член —ВРК Наркомюстиции и И. И. Скворцов-Степанов—Нарком Торговли и Промышленности). Когда связь с Питером была установлена, я и тов. Зимин, 29 утром, отправились с Каланчевской площади в Московский Совет. Перестрелка шла уже на всех улицах. Нам пришлось уже

пробираться переулками и с большим трудом мы добрались до Совета.

Ближе к Совету, была уже не перестрелка, а шла кругом него пальба. Когда мы вошли в Совет, мне бросилась в глаза полная перемена (я целых 24 ч. не был в Совете, а сносился с боевыми органами только по телефону). Совет был наполнен войсками и вооруженными рабочими, ВРК перебрался в заднюю комнату и шла лихорадочная работа. Нам даже не дали времени оглянуться. Нам заявили, что мы должны немедленно удалиться, ибо постановлено разделить боевые органы: ВРК должен остаться в здании Совета, а Пятерка должна заседать в другом месте на тот случай, если Совет будет взят, чтобы борьба не прекратилась (с этого момента до заключения договора с Рябцевым и Рудневым 2/9 — 17 г. оба органа находились в разных местах. На важные заседания ВРК ездили представители Пятерки). Мне был дан адрес, где вечером будет заседать Пятерка, и я с Зиминым удалились из Совета. Выйдя из него мы попали под обстрел из пулемета. Обстреливалась Скобелевская (теперь Советская) площадь, где помещался МК (Дрезден) и Московский Совет. Я направился по Тверской и опять попал под обстрел. Стреляли из магазина Пате и из Гнездниковского пер. и по Тверскому бульвару у Страстной площ. По Тверской улице, между Садовой улицей и Страстной площадью, артиллеристы-солдаты везли большую пушку (очевидно с Ходынки). Везли ее почти без прикрытия. Вслед за пушкой, гонясь за ней, двигался отряд конных казаков в 5—7 человек. Вот они налетают на артиллеристов, последние останавливаются, отгоняют казаков и едут дальше. Казаки отъезжают в сторону, через переулки опять выезжают на Тверскую и опять столкновения. Так продолжалось до тех пор, пока пушка не проехала Страстную площадь. Там уже стояли советские патрули.

Вечер того же дня был жуткий. На улицах не было фонарей, дома не освещались, а в воздухе над головами летали с шумом из Лефортова в Хамовники светящиеся снаряды и трудно было разобрать наши они или вражеские Когда стало темно я и Егоров, заведывающий тогда типографией и изданием „Известий Московского Совета“, отправились через Миусскую, Екатерининскую площади и мно-

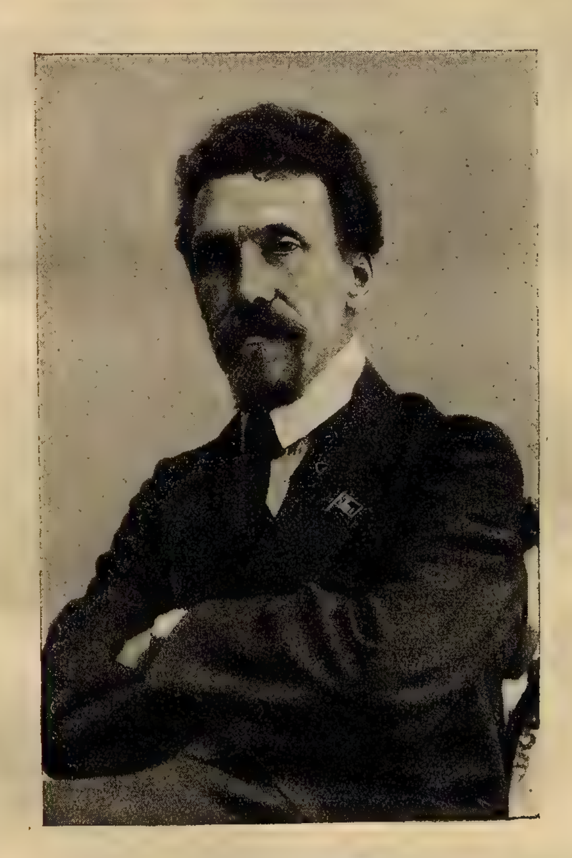
жество переулков на Цветной бульвар и там мы с трудом нашли Троицкую улицу. Попав туда, уже не трудно было найти союз Металлистов, где уже находилась Московская боевая Пятерка. Я уже застал всех в сборе. То и дело приходили и уходили представители районов, которые информировали нас о положении дел и получали от нас скудную информацию о том, что делается в центре. Но мы могли информировать одни районы о том, что делается в других районах. В этот вечер Пятерка направила несколько товарищей, знающих военное дело, для усиления работы в районах (помню, что тов. Моисеев Зефир был послан в Рогожский район) и были даны поручения нескольким членам Пятерки объехать районы. После ознакомления с положением в районах, было постановлено центр тяжести борьбы перенести в районы, передавая им инициативу действий. Я считаю, что это решение имело громадное значение: в каждом районе боевые органы его старались очищать свою территорию от белогвардейцев, после чего освобождались силы для штурма Кремля, Арбата и еще немногочисленных улиц, которые еще держались юнкерами.

На этом же собрании было определено место нахождения Пятерки—Замоскворецкий район (Замоскворечье легче было защищать, в случае нужды, так как там почти сплошь живут рабочие и к тому же рабочие там были недурно вооружены). Все районы были извещены, что завтра 30/X Пятерка будет в Замоскворечье и мы разошлись.

Рано утром я отправился по Садовой к Смоленскому рынку. До него я более или менее добрался сносно. Кое где была перестрелка, но двигаться можно было. Но дальше, по Новинскому бульвару, ближе к Крымскому мосту, пулеметная и ружейная стрельба была настолько велика, что пули ударялись в стену и сыпались по тротуару, по которому я шел. Я не знал, что делать. Деться было некуда, ибо ворота и парадные двери были закрыты. Я просто прислонился к стене. Но тут я сразу сообразил, что когда двигаешься—то труднее попасть, и я пустился бегом. Перебегая Пречистенку я наткнулся на патруль, бледного, как смерть, рабочего с винтовкой. Он потребовал от меня пароля, которого я не знал. К счастью, он удовлетворился моими мандатами, и я скоро очутился на Крымском мосту, где стояли вооруженные

рабочие, охранявшие мост. То и дело летели пули, ударяясь о перила моста, но на мосту хоть видно было, куда стреляют и откуда летят пули, — и становилось весело. На Новинском же бульваре летали пули, но откуда они появлялись не было видно.

Вокруг Замоскворецкого Районного Совета толпились рабочие и солдаты. Внутри кипела жизнь. Во всех комнатах находились вооруженные рабочие, изредка слышались выстрелы в комнатах — это ружья сами стреляли, ибо не все рабочие знали, как с ними обращаться. У товарища Ильи Цивцивадзе (член МК) я узнал адрес Пятерки (она находилась в Коммерческом Институте). Там же находились, как члены Пятерки, так и члены Редакции „Социал-Демократа“ и „Известий Московского Совета“. Был организован выпуск газеты, кажется, в типографии Сытина. Районы сразу связались с Пятеркой, и последняя информировала ВРК и Районы, где что происходит, и она старалась доставить то, что не хватало тому или другому Району. С ВРК связь была постоянная: все время ездили члены Пятерки, а в Институте оказался телефон (кажется у директора), который работал все время, а в Совете тоже были два телефона, по которым, в крайнем случае, мы разговаривали. Сколько было заседаний, какие вопросы обсуждались — я не помню, но у меня осталось в памяти одно утро. Это могло быть 31 октября, когда Замоскворецкий Районный Совет нам заявил, что у них вышли берданочные патроны, а Центральный Штаб требовал от нас трехлинейные и итальянские патроны. Где мы могли бы их взять? День был критический. Вдруг является представитель Железнодорожного района с извещением, что на Казанском вокзале при осмотре вагонов были найдены винтовки и патроны (как выяснилось после, патронов не оказалось), и что ближайшие районы извещены уже об этом, и что Сокольнический район уже оружие взял. Нами было об этом дано знать в другие районы. Из Замоскворечья тоже поехали за винтовками и в тот же день был привезен большой грузовик с винтовками. Почти в то же время нам сообщили, что красногвардейцами взяты симоновские пороховые погреба, где были патроны. Около 40.000 винтовок и патроны были в один день розданы. Ими вооружились рабочие — борьба закипела с невиданной до

А. И. РЫКОВ.

того времени силой. Было уже ясно, что победа останется за революционными рабочими и их властью—Советами.

1-го или 2-го ноября, рано утром, (борьба на некоторых улицах еще продолжалась) в Московском Совете появилась депутация попов с предложением прекратить кровопролитие. К ним выслали тов. В. И. Соловьева.

В этот же день стали появляться обыватели в Совете за разъяснением тех или иных распоряжений ВРК. На улицах домовладельцы и обыватели стали наводить порядок, возвращали оружие, как это требовал приказ ВРК.

Стало ясно, что население считает уже нас победителями.

По настоянию интернационалистов и еще каких-то партий, не участвовавших в борьбе, и по предложению Руднева-Рябцева начались переговоры о перемирии. От ВРК были делегированы т.т. В. Смирнов и П. Г. Смидович. Они пошли слишком далеко в уступках эсерам и юнкерам (если с.-р., кадеты и юнкера победили бы, они не пошли бы на переговоры, а разделались бы с рабочими, солдатами, ВРК и Советом так, как Колчак разделывался с рабочими коммунистами). Договор вызвал на совместном заседании ВРК и Пятерки сильное неудовольствие и большие прения. Наконец он был утвержден, и мне пришлось объехать несколько районов (Железнодорожный, Сокольнический, Лефортовский, Рогожский или Басманный), чтобы привести договор в исполнение. Во всех вышеназванных районах меня прямо взяли на штыки. Только, только районы развернулись—они подошли вплотную к Кремлю, Александровскому Военному Училищу (где теперь РВСР) и для каждого было ясно, что от белогвардейцев ничего не осталось бы. И вдруг, борьба прекращается. Все же районы подчинились и борьба прекратилась в Москве 3/11—17 г.

За прошедшие пять лет рабочий класс и Красная Армия России вели борьбу с врагом во всемирном масштабе, вооруженным по последней технике. Они применяли по отношению к Советской власти все способы борьбы, вплоть до таких, которые не применялись даже во всемирной бойне. Но если бы рабочие и солдаты не боролись в октябрьские дни, немыслима была бы последующая гигантская военная победа над белогвардейцами всего мира.

17/X—22 г. *Осип Пятницкий.*

ВОЕННОЕ БЮРО при МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ Р. С. Д. Р. П. (большевиков).

(с марта 1917 г., по апрель 1918 г.).

С первых же дней февральской революции наша партия обратила самое серьезное внимание на работу среди армии. В февральско-мартовские дни рабочий класс увлек за собой армию в революционный поток. Совершилось единение солдат и рабочих. Армия перешла на сторону восставшего пролетариата, и самодержавный строй, казавшийся твердым, как скала, сразу рухнул. Февральская революция обошлась очень дешево трудящимся массам. Этот опыт был учтен всеми партиями. И сейчас же после низвержения самодержавия между ними завязалась ожесточенная борьба за армию. Этой борьбой были окрашены первые месяцы революции. Все партии, оценивая армию, как физическую материальную силу, которая могла решить ход и исход революционной борьбы, стремились идейно овладеть ею, расширить и укрепить свое влияние над солдатами для использования их в своих классовых интересах.

Для нашей партии работа в армии имела и еще одно не менее важное значение. Представлялся крайне благоприятный момент через армию связаться с деревней, создать опору среди крестьянства. Наша армия состояла из крестьян, миллионы которых империалистическая война вырвала из деревни, поставила под ружье, бросила в города, где кипела ожесточенная классовая борьба. Деревня как-будто придвинулась к рабочему классу, который выступал организованно под знаменем социализма. Наша партия должна была использовать этот момент. Вырывая армию из-под влияния буржуазных партий, она в то же время укрепляла свои позиции в деревне.

Для разрешения вышеуказанных задач были созданы после февральского переворота военные организации при Московском и Петроградском Комитетах, а затем Военное Бюро при Центральном Комитете партии для руководства работой в армии в общероссийском масштабе.

Московский Комитет (большевиков) в первые же дни своего открытого существования решил создать Военное Бюро для работы среди солдат Московского гарнизона, по-

ручив его организацию Станиславу. Бюро приходилось строить сверху. По уставу военной организации, выработанному позднее, Военное Бюро выбиралось на собрании представителей партийных организаций воинских частей и учреждений. Но тогда еще не было не только военной организации, которую надо было строить заново, но и постоянных связей с воинскими частями. В распоряжении Московского Комитета находились только бланки и печать Военного Бюро. Станислав не вполне разделял тактическую линию Московского Комитета и расходился с последним по вопросу о войне. Московский Комитет и редакция „Социал-Демократа“ по этому вопросу заняли твердую позицию, заявив, что лозунг „долой войну“ и после февральской революции остается в силе. Станислав же тяготел к революционному оборончеству и не спешил приступать к работе.

В начале марте (1917 г.) я обратилась к секретарю Московского Комитета тов. Землячке, выразив желание работать в военной организации. Она предложила мне столковаться с Станиславом и указывала еще на двух товарищей, желающих работать в военной организации, т.т. Федора Крюкова и Сергея Лопашева (оба офицеры). Станислав в течение нескольких дней в Комитет не заглядывал. Между тем на уличных летучих митингах, быстро собиравшихся на всех площадях у всех памятников, кадетские ораторы призывали к войне до победного конца, до полного сокрушения врага. Борьба обострялась. Медлить нельзя было. Мы втроем *) решили начать работу. К половине марта Военное Бюро окончательно сконструировалось: в него вошли т. т. А. Аросев, Ф. Крюков, С. Лопашев, Г. Коган, Шкирятов, пишущая эти строки и тов. Швед **). Я выбрана была секретарем. Военное Бюро по своему организационному строению соответствовало району. Оно руководило партийной работой среди солдат Московского гарнизона и избиралось собранием представителей партийных организаций в воинских частях и учреждениях, при чем от 5 организованных посылался один делегат и от каждой самостоятельной группы не менее одного представителя. В своей внутренней деятель-

*) Ф. Крюков, С. Лопашев и я.

**) Позднее в Военное Бюро вошли В. Н. Васильевский (в апреле) и Н. И. Смирнов (в мае).

ности Военное Бюро было автономно. Но выпуск листков и брошюр от его имени для распространения среди солдат допускался лишь по одобрении их текста Московским Комитетом. Пред Военным Бюро с первых дней его существования встали две задачи: организационная — создание партийных ячеек и выделение из них исполнительных коллективов в частях—и агитационная. Следует отметить, что первые месяцы революции Московский гарнизон всецело находился под влиянием мелко-буржуазных партий—эсэров и меньшевиков, что наглядно доказывали выборы в первый Совет Солдатских Депутатов, в который прошло только 7 большевиков. Аросев (от 2-й школы прапорщиков), Г. Коган (от Земского Союза), Н. И. Муралов, Г. Шкирятов, Бухарин, Удалов и Плеханов, а всего в Солдатском Совете было более 400 депутатов. В составе Полковых Комитетов большевики тоже составляли ничтожный процент.

Эсэровско-меньшевистский Совет Солдатских Депутатов, стремясь оградить Московский гарнизон от большевистской заразы, затруднял доступ в казармы нашим агитаторам. Чтобы попасть в казарму, агитатору необходимо было запастись мандатом от Президиума Совета, что не всегда удавалось.

Несмотря на все преграды-агитаторы Военного Бюро проникали в казармы и вели там широкую агитацию. В Военное Бюро ежедневно поступали требования от солдат разных воинских частей о присылке агитаторов, при чем митинги устраивались солдатами-массовиками по собственному почину. В гарнизоне оказались бывшие рабочие *) большевики. Они и завязывали сношения с Московским Комитетом и Военным Бюро, устраивали митинги, приглашая на них большевистских агитаторов. При содействии этих солдат, старых большевиков, Военному Бюро удалось в короткое время создать Военную организацию и развернуть широкую агитацию в казармах **).

*) Тов. Шорин в 56 полку, тов. Павлычев в 85 полку, т.т. Крюков, Смирнов, Будзинский в 55 полку, тов. Демидов в мастерских тяжелой осадной артиллерии, тов. Блохин в автомобильной роте и в других частях также нашлись рабочие большевики.

**) Особенно часто выступали на митингах т.т. Аросев, Г. Коган, Шкирятов и Федор Крюков.

Одним из первых явился в Бюро тов. Демидов с требованием прислать агитатора, при чем заявил, что у них в мастерских тяжелой осадной артиллерии уже организована с.-демократическая ячейка, из которой потом образовалась очень сильная и наиболее тесно связанная с Бюро организация. Затем в 55 полку, где работал (погибший потом от туберкулеза) т. Сергей Крюков, партийная организация отличалась серьезностью и деловитостью.

В июне месяце уже во всех полках, артиллерийских бригадах, автомобильных ротах и других воинских частях уже существовали партийные ячейки *), представители которых принимали участие в выборах делегатов на Всероссийскую Конференцию военных организаций, которая заседала в 20-х числах июня в Петрограде.

Большевистские лозунги находили живой отклик среди солдат Московского гарнизона. 18 июня на Ходынке состоялся солдатский митинг, на котором присутствовало до 3000 ч. (были и рабочие Бутырского района). Была принята большевистская резолюция. После митинга состоялась демонстрация (в ней приняла участие только часть участников митинга). Впереди несли знамя с лозунгом: „Вся власть Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов". Затем следовало знамя Военной организации Р.С.Д.Р.П. и остальные знамена с лозунгами: „Долой 10 министров капиталистов". „Против политики наступления". Шествие остановилось у Скобелевской площади, где был устроен митинг **).

22 июня состоялся митинг солдат 1-й запасной артиллерийской бригады в количестве 8000 чел. Собрание, выслушав делегатов с фронта и представителей от всех политических партий, приняло большевистскую резолюцию с резким

---

*) К сожалению, весь архив Военного Бюро погиб во время взрыва в Леонтьевском переулке и нет возможности восстановить численный состав организаций по отдельным воинским частям, а также численность собрания, избиравшего делегатов на Всероссийскую Конференцию.

**) Московский Комитет после Петроградской демонстрации 10-го июня поднял вопрос об устройстве демонстрации в Москве и вел переговоры с Советом. Последний, предполагая, что демонстрация пройдет под большевистскими лозунгами, запретил устройство общегородской демонстрации, но разрешил районные демонстрации, а на самом деле сорвал демонстрацию. Шествие же с Ходынки было нарушением постановления Совета.

осуждением политики Временного Правительства. „В этот момент мы, рабочие и солдаты“, говорится в резолюции, „должны сплотиться в единую революционную силу, чтобы отбить всякое нападение наглеющей буржуазии. Мы должны создать собственную власть—власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“.

Итак, большевистские лозунги воспринимаются уже солдатскими массами. Но выборы 25-го июня в Московскую Городскую Думу наглядно показали, что Московский гарнизон далеко еще не освободился от гнета мелко-буржуазных коалиционных иллюзий. Подавляющее большинство его голосовало за эсеров и меньшевиков. Эсеры на этих выборах одержали блестящую победу.

Работа Военного Бюро для фронта.

Скоро Военному Бюро пришлось раздвинуть рамки своей деятельности за пределы Московского гарнизона. Пред ним выдвинулась другая не менее важная задача—удовлетворить настойчивые запросы фронта на литературу, устанавливать прочные связи с последним.

Волны революции медленно и глухо докатывались до фронта. Солдаты, сидевшие в окопах на передовых позициях, были плохо осведомлены о событиях, совершавшихся внутри страны, питались больше слухами, иногда наивными, а иногда злостными. К своему комадному составу они относились с недоверием. Буржуазные газеты, как „Русское Слово“, „Утро России“ их тоже не удовлетворяли. Наиболее энергичные и сознательные из фронтовиков под разными предлогами добивались командировок или краткосрочных отпусков в Москву, в Петроград, чтобы здесь найти ответы на тревожившие их вопросы и запастись литературой. С первых дней существования Бюро, солдаты—фронтовики сделались обычными ежедневными посетителями его. Часто они направлялись в Бюро из районов товарищами большевиками. Московский Комитет в то время помещался в Каппцовском училище и занимал одну небольшую комнату, в которой работали Секретариат Комитета, Финансовое Бюро, Московское Бюро, Соц.-демократия Польши и Литвы, и здесь же за небольшим столиком помещалось и Военное Бюро. Доступ в Комитет и Бюро был совершенно открытый, сво-

бодный. Никаких пропусков не требовалось. С утра до позднего вечера в комитете было тесно и шумно, особенно у маленького столика Военного Бюро. Иногда собиралось до десятка солдат с разных фронтов. Они информировали о настроении солдат в действующей армии, делились впечатлениями. Нередко завязывалась оживленная дискуссия. Фронтовиков больше всего и прежде всего интересовали вопросы о войне и мире, о наступлении, братании. Они заявляли, что армия устала, жаждет мира, но не знает, как добиться его. „Нас уверяют, говорили солдаты, что надо разбить германскую армию, а потом и мир. Правда ли это?“

Скоро в Военное Бюро и редакцию „Социал-Демократа“ стали поступать письма с фронта с требованием литературы. Вот что писал один фронтовик: „Товарищи, вы забыли действующую армию. Мы читаем только буржуазную прессу. К нам приезжают только кадетские ораторы. Дальше Смоленска и Минска не проникает социал-демократическая литература. Солдаты мало сознательны и осведомлены. Всюду сеется рознь между солдатами и рабочими. Товарищи, посылайте литературу, посылайте своих представителей с требованием посылать делегатов от каждой части в тыловые организации. Устанавливайте тесную связь, иначе делу свободы грозит величайшая опасность“. Другой товарищ с фронта пишет: „Просим вас выслать для наших стариков-ратников газету „Социал-Демократ“. Дайте же свет для нашей жизни, а то мы сидим во тьме, не знаем, что творится внутри дорогой нам родины“... Такие письма получались ежедневно.

Фронтовиков приходилось снабжать литературой бесплатно. Но в распоряжении Военного Бюро не было никаких средств, да и Московский Комитет располагал ничтожными денежными суммами. Очутившись в таком тяжелом положении, Военное Бюро обратилось за помощью к Московским рабочим, призывая их жертвовать на литературу в окопы. Московский пролетариат живо откликнулся на этот призыв и немедленно стали поступать пожертвования не только от рабочих Москвы, но и из области.

В 1917 году первое мая праздновали по западно-европейскому стилю, то-есть 18 апреля, но чтобы не причинить ущерба производству московские рабочие решили отрабо-

тать ближайшее воскресенье (16 апреля), а весь заработок этого дня отдать на красный подарок армии, на приобретение литературы в окопы. Большевистские организации передавали зароботок 16-го апреля Военному Бюро, но большая часть его была передана Совету. Касса Военного Бюро сразу пополнилась и явилась возможность снабжать фронт литературой бесплатно: начиная со второй половины апреля на фронт посылалось ежедневно в среднем не менее 30000 экз. газет („Социал-Демократ", „Правда", „Солдатская Правда" и более тысячи брошюр и книг *). Большая часть этой литературы передавалась непосредственно солдатам с фронта, делигированным своими организациями в Москву за получением литературы. Очень обильно снабжались литературой и маршевые роты, отправляемые из Москвы на фронт. Давали литературу и солдатам, возвращавшимся на фронт из отпусков и направляемым в Бюро партийными товарищами или районными организациями. Менее всего отправлялось посылками, так как они редко доходили по своему назначению. Запросы и требования, предъявляемые с фронта письменно, Военное Бюро удовлетворяло выпиской газеты „Социал-Демократ" по прилагаемым адресам, кроме того тов. Е. Ромас под руководством т. Н. И. Смирнова велась с фронтом оживленная переписка. Число солдат с фронта, посетивших Военное Бюро за время с 24-го марта по 11-ое июня (1917 г.) **) и снабженных литературуй достигало 838 ч. Снабжались литературой не только фронт, но и тыловые части, расположенные около Москвы—Тверь, Троицко-Сергиевский посад, Павловский посад и проч.

Скоро Военное Бюро при содействии солдат, приезжавших за литературой и маршевых рот, отправляемых из Москвы, установило прочные сношеня со всеми фронтами, за исключением Румынского и Кавказского, и поддерживало с некоторыми частями постоянные сношения. В письмах, присылаемых с фронта, солдаты заявляли, что они считали большевиков какими-то разбойниками, врагами народа, германскими шпионами, как их изображали буржуазные газеты, и только ознакомившись с большевистскими газетами

*) Отчет Военного Бюро при Московском Комитете (большевиков)— „Социал-Демократ".

**) Отчет Военного Бюро—„Социал-Демократ".

Московская военная организация большевиков по возвращении с первомайской демонстрации 17 года.

„Социал-Демократ“, „Солдатская Правда“ и с большевистскими листками, поняли, что такое большевики и чего она добиваются.

Рабочие очень дорожили единением с фронтом и стремились поддерживать и укреплять взаимное понимание. Рабочие завода Михельсона, пожертвовав Бюро значительную сумму на литературу в окопы, не ограничились этим, а решили направить на фронт делегацию от завода с литературой, собрав для этой цели более 4000 рублей. Попасть на фронт рабочей делегации да еще с большевистской литературой в то время было нелегко (в июне 1917 года). Надо было запастись всевозможными мандатами, добиться разрешения для въезда на территорию Действующей Армии, но товарищи-Михельсоновцы отличались упорством, настойчивостью и добились своего. Им удалось проникнуть на фронт, передать литературу непосредственно солдатам и вести там агитацию. Солдаты в своем письме, помещенном в „Социал-Демократе“ так выражают им свою признательность: „Комитет и все солдаты N отдельного полевого дивизиона, находящегося в действующей армии, глубоко благодарят революционный пролетариат завода Михельсона за пожертвованную литературу, которая многим тысячам солдат открыла глаза и принесла свет правды в освещении текущих событий переживаемой революционной эпохи“. Такие пожертвования (более чем на 4000 рублей) лишний раз показывают, насколько крепнет снова идейная связь между революционным авангардом пролетариата и революционной армией солдат: никакие происки и клеветы буржуазии не могут разъединить их пути в дальнейшем ходе революции. В сентябре и октябре, накануне переворота, Военное Бюро осаждалось делегациями с фронта, представлявшими резолюции с требованиями передачи всей власти Советам, решительной борьбы за мир и перемирия на всех фронтах.

Работа Военного Бюро для деревни.

Военное Бюро в начале своей деятельности направляло литературу в деревню через солдат, отправляющихся в отпуска, но эти посылки имели случайный характер. Вообще, в первые месяцы революции наша партия мало захватила деревню, в особенностив земледельческих районах, где кресть-

янство находилось всецело под влиянием эсэров. Громадные же массы крестьянской бедноты оставались совершенно неорганизованными. Между тем, приближались выборы в волостные и уездные земства. А затем в ноябре предстояли выборы в Учредительное Собрание. С работой в деревне надо было спешить.

Военное Бюро совместно с Областным Бюро (партии) решило использовать для организации деревни городских рабочих и солдат, объединив их в большевистские землячества, чтобы через них руководить работой в деревне. Рабочие и солдаты имели тесную связь с деревней, часто ездили туда в отпуска. Надо было придать этим связям и сношениям организованный характер. На общем собрании Военной организации 30 июля (17 г.) в докладе о волостном земстве был затронут и вопрос о землячествах, вызвавший серьезное внимание слушателей и решенный собранием в положительном смысле. *) Общий интерес вызвало выступление делегата с фронта—эсэра, который заявил, что все крестьяне еще считают себя эсэрами, но уже между крестьянами и партией эсэров образовалась трещина. Крестьяне недовольны, что партия затягивает разрешение земельного вопроса, убеждая крестьян не брать земли и дожидаться Учредительного Собрания. Солдаты, выступавшие на собрании, подчеркивали, что крестьяне под влиянием эсэровской агитации враждебно относятся к большевикам, но вопросы о земле, о власти решаются по-большевистски. На этом же собрании обсуждался вопрос об издании крестьянско-солдатской газеты. Была вынесена следующая резолюция: „Собрание признает выпуск газеты совершенно необходимым и поручает Военному Бюро немедленно войти в сношение с Московским Комитетом для окончательного утверждения проекта программы и организации издания. Но газета появилась в свет только 4-го октября под названием „Деревенская Правда“. Это была живая, интересная и доступная газета, которая пользовалась успехом не только среди солдат, но и московских рабочих. Организационную работу по изданию газеты вел член Бюро Н. И. Смирнов, а главным сотрудником и идейным вдохновителем ее был Емельян

---

*) По организации землячеств много работал тов. Чиненов.

Ярославский (тоже член Бюро). *) Аппарат распространения газеты был хорошо налажен. Заботились о том, чтобы газета скорее и легче доходила до читателя. Она продавалась и в районах у ворот фабрик и заводов и на вокзалах, где скапливалось много солдат и в значительном количестве раздавалась последним бесплатно. Потом, (кажется, в марте) „Правда" была переименована в „Бедноту".

Военное Бюро выполнило еще одну работу для деревни, снабдив ее литературой, **) в особенности в большом количестве декретами Совета Народных Комиссаров после Октябрьской Революции. В ноябре 17-го года началась частичная демобилизация Московского гарнизона и действующей армии. В Военное Бюро хлынул стремительный солдатский поток демобилизованных. Они требовали газет, листков, декретов и обращались за разъяснениями, что делать и как вести работу в деревне. В организационном отношении их не удалось использовать надлежащим образом. Они подавляли своим количеством. В ноябре, декабре и январе через Военное Бюро прошло несколько тысяч демобилизованных. Литературой они снабжались обильно.

Накануне Октябрьского переворота.

В августе месяце работа Военного Бюро оживилась. Оно пополнилось новыми работниками—Емельяном Ярославским, скоро завоевавшим популярность среди Московского гарнизона и В. Тихомировым взамен выбывших тов. Аросева, арестованного в Твери и т.т. В. Василевского и С. Лопашева, отправленных на фронт. Ежедневно устраивались митинги в казармах с участием агитаторов Военного Бюро, выносились большевистские резолюции с однородными требованиями: вооружения рабочих и революционных солдат, ареста царских генералов и буржуазных вождей конт-революции—Родзянко, Рябушинского, Гучкова, Милюкова, разгона военных контр - революционных организаций — Офицерского Союза, Военной Лиги, разгона Государственной

*) Позднее с конца января 1918 г. газету вела Мария Михайловна Кастеловская.

**) Распределением литературы для фронта и для деревни заведывала тов. Мария Драчева.

Думы и Государственного Совета, закрытия контр-революционных буржуазных газет „Русское Слово“, „Утро России“, конфискации типографий и автомобилей и передачи последних Районным Советам, немедленного провозглашения диктатуры революционной демократии, издания декрета о передаче всей земли в распоряжение крестьянских комитетов и проч. Резолюции с такими требованиями были приняты в 6 батарее первой артиллерийской бригады, в селе Богородском на тысячном митинге в составе солдат трех батарей дивизиона запасной артиллерийской бригады, в мастерских тяжелой осадной артиллерии, в Мызераевском гарнизоне, Генеральном Военном Госпитале и других воинских частях.

Совершился перелом в настроении широких рабочих и солдатских масс. Московское Совещание и Кадетско-корниловский заговор окончательно разоблачили настоящие замыслы и планы Временного Правительства. Смертельная опасность, угрожавшая Красному Петрограду в Корниловские дни, заставила прозреть и более отсталые элементы. Недоверие и возмущение против Временного Правительства росло с каждым днем. Общественная атмосфера раскалялась. Рабочие и солдаты резко реагировали на все события. На многотысячных митингах, устраиваемых Московским Комитетом и Военным Бюро, речи ораторов постоянно прерывались дружными, долго несмолкаемыми возгласами: „Долой Керенского“, „Долой Временное Правительство“, „Вся власть Советам“. Общее Собрание Военной организации 6-го августа призывало всех товарищей расширять и укреплять свои организации для подготовки всех сил к общему выступлению против контр-революционной буржуазии.

31 августа в Исполнительные Комитеты Советов Рабочих и Солдатских Депутатов явилась многочисленная делегация от различных фабрик и заводов с требованием немедленного вооружения рабочих.

Делегация заявила, что явится за ответом через три дня.

7-го сентября состоялся парад войск Московского гарнизона. Рабочие делегации на Красной Площади приветствовали революционных солдат, превратив этот парад в братание, в демонстрацию единения рабочих и солдат.

Тов. Аросев, член Воен. Бюро, арестованный в июльские дни в Твери, был переведен в Москву и содержался под стражей. В конце августа он объявил голодовку, заметка о которой появилась в „Социал-Демократе“. Задержание тов. Аросева вызвало взрыв негодования. Редакция „Социал-Демократа“ получила несколько огромных связок резолюций (97 листов), покрытых бесчисленным количеством подписей с требованием немедленного освобождения т. Аросева. Военное Бюро, осаждаемое множеством делегаций по этому делу, повело переговоры через т. Муралова об освобождении т. Аросева с Главнокомандующим войсками Московского Военного Округа и с прокурором. Тов. Аросев на 4-й день голодовки был освобожден.

За голодовкой тов. Аросева началась голодовка в Бутырской тюрьме, где сидели 860 революционных солдат 5-й армии, арестованных в июле и августе за протест против смертной казни на фронте и за большевистские взгляды. Они были переведены из Двинской *) тюрьмы за недостатком там места в Москву. Среди них находилось много членов ротных и полковых комитетов. По дороге были утеряны все их документы. Начальство обещало их освободить в Москве, но здесь они подверглись суровому режиму. Человек 200 „Двинцев“ в начале сентября объявили голодовку и прислали в Военное Бюро письмо с изложением обстоятельств дела. Письмо это было помещено в „Социал-Демократе“.

На общем собрании Военной организации 8-го сентября было принято предложение поднять широкую кампанию в частях войск, выносить резолюции с требованием немедленного освобождения голодающих товарищей, направлять делегации с резолюциями в Совет и выпустить листовку о голодающих. Снова посыпались резолюции и потянулись делегации и в Военное Бюро и в Совет, при чем делегации не ограничивались требованием освобождения „Двинцев“, а упрекали высшие руководящие органы в медлительности, нерешительности, заявляя, что довольно слов, пора перейти к делу, выражая свою готовность к борьбе и уверенность в победе.

---

*) После освобождения они стали называться „Двинцами“. Из них была образована особая команда Двинцев. В Октябрьские дни Двинцы проявили много мужества и стойкости, храбро сражаясь на баррикадах.

Для выяснения этого дела Совет создал комиссию для обследования мест заключения, которая нашла целесообразным освободить „Двинцев“. Постановление Комиссии было направлено Командующему Военным Округом на утверждение. 22-го сентября 593 „Двинца“ были освобождены.

Делегации с фронта, ежедневно посещавшие и Военное Бюро и Совет, указывали на катастрофическое положение фронта, подчеркивая, что армия четвертой зимней кампании не выдержит, требовали решительной борьбы за мир и даже немедленного объявления перемирия *) на всех фронтах.

19-го сентября состоялись перевыборы Исполкомов Совета Рабочих и Совета Солдатских Депутатов. Вот результаты их: в Исполком Совета Рабочих Депутатов прошло: 32 большевика, 16 меньшевиков, 9 эсэров и 3 объединенца.

В Исполком Совета Солдатских Депутатов: 16 большевиков, 26 эсэров, 9 меньшевиков и 9 беспартийных. В первый Исполком большевики получили абсолютное большинство, а эсэры позорно провалились.

На выборах в Районные Думы, происходивших 24 сентября, наша партия одержала блестящую победу. Почти весь Московский гарнизон (около 90%) голосовал за большевиков. В некоторых частях за большевиков голосовало боле 95%. Так, в мастерских тяжелой осадной артиллерии из 2347 поданных голосов большевики получили 2286, так что численное преобладание эсэров в Солдатском Исполкоме нисколько не соответствовало их влиянию на солдатские массы. Между партией эсэров и массами образовалась уже не трещина, а пропасть.

На 22-ое октября Военное Бюро созвало Областную Конференцию военных организаций. Из докладов с мест выяснилось, что гарнизон области крайне враждебно относится к Керенскому, к Временному Правительству, что настроение среди солдат приподнятое, боевое. Конференцию на другой день (23 октября) пришлось закрыть, не исчерпав порядка дня. События быстро развивались. Из Петрограда получались тревожные вести. Делегатам необходимо было спешить на места.

*) Резолюция делегации Румынского фронта „Социал-Демократ“ № 176—1917 год.

Вечером 23-го октября состоялось совещание с представителями из районов и воинских частей. Обсуждался вопрос о предстоящем вооруженном выступлении. Представители воинских частей без колебаний и сомнений утверждали, что время настало, медлить нельзя, момент благоприятен, чтобы поднять солдат на борьбу с оружием в руках. Представители мастерских тяжелой осадной артиллерии, Мызораевского гарнизона, 56 пех. запасного полка, N батареи запасной артиллерийской бригады (в селе Богородском) заявили, что их части выйдут по призыву Московского Комитета и Военного Бюро. Другие указывали на необходимость призыва со стороны Совета. При обсуждении вопроса о восстании выяснилось, что Московский гарнизон из рук вон плохо вооружен: в одних полках у половины солдат не было винтовок, в других—патронов. Предусмотрительное начальство постепенно и незаметно под разными предлогами разоружало революционных солдат Московского гарнизона. Тов. Пятницкого это обстоятельство очень смутило и он заметил: „Как же сражаться—голыми руками". Но и недостаток оружия не особенно беспокоил солдат. „Оружие найдется, лишь бы начать борьбу", говорили они.

Вооруженной борьбой в Октябрьские дни руководил Военно-Революционный Комитет и члены Военного Бюро работали по его заданиям.

Московский гарнизон оправдал возлагаемые на него надежды. Все его части принимали участие в борьбе, обеспечив ее успех. Правда, недостаток винтовок и патронов создавал критические моменты, но в конце-концов и оружие было добыто.

Ольга Варенцова.

15 ноября 1922 года.

ИЗ НАСТРОЕНИЙ В АРМИИ.

(По солдатским письмам).

В 17 году, мне пришлось работать в Московской Военной организации большевиков при М. К.

Наша организация создалась в первый же месяц после Февральской революции по инициативе М. К., который выделил товарищей для специальной работы среди войск, что особенно было необходимо в тот боевой момент, когда почти все молодые силы крестьянства и пролетариата были брошены на фронт империалистической войны.

Задачей военной организации было объединить и подготовить к предстоящей революционной борьбе как московские части, так и солдатскую массу из действующей армии, поскольку у Московской организации были с ними связи. С этой целью военная организация устраивала солдатские митинги, конференции, рассылала в войсковые части своих агитаторов и организаторов, издавала листовки и снабжала фронт литературой, приобретенной на пожертвования, которые в то время со всех сторон шли к нам от солдат, крестьян и рабочих.

В мае месяце, в бюро Военной организации входили т.т. Варенцова и Н. И. Смирнов [1]). С утра до вечера в помещении бюро Военной организации (сперва в „Капцовке", а затем в „Дрездене") толпились солдатские делегаты, приехавшие часто за тысячи верст, чтобы посоветоваться, разрешить какое-либо недоразумение и взять с собой инструкции и литературу.

Через посылку литературы сама собой завязалась переписка с фронтом. Мне под руководством т. Смирнова, при-

---

[1]) А раздачей литературы ведала тов. М. Драчева.

Лев Михайлович ХИНЧУК.

ходилось отвечать на солдатские письма, приходившие к нам частью непосредственно, а частью передаваемые из редакции „Социал Демократ“. Сейчас передо мною лежит около ста таких случайно сохранившихся писем; конечно, это только крошечная частица той огромной переписки, которая шла к нам со всех концов России, но и в ней ярко отразились настроения и вопросы, волновавшие тогда армию.

Почти все солдатские письма переполнены просьбами выслать брошюры, газеты, а главное программы политических партий. Вот, например, одно из многих писем: „Товарищи Социал Демократы, мы, солдаты 673 пехотного Прилуцкого полка, 8 роты, просим у вас программу, пожалуйста пришлите, потому что мы здесь сидим в окопах и между нами происходят споры. И мы не знаем, к какой партии примкнуть, потому что много ораторов и высказываются за различные партии. Мы и просим вас не оставить нашей просьбы. Пришлите нам программу свою, за которую мы должны голосовать“.

А вот отрывок из другого письма, рисующий полное недоумение: „Нам рассказывают, пишет солдат 11 пехотного Псковского полка, что где то в России имеются 24 партии, которые ужасно между собою спорят. Одна партия Ленина идет даже вооруженная“...

Некоторые из солдат, не довольствуясь литературой, просят прислать агитаторов или хотя бы „хороший учебник агитации“, для самостоятельных выступлений.

Некоторые из них, начиная разбираться в нашей литературе, настойчиво просят нас выслать „полезные для населения книжки“ в их родную деревню, часто на имя своих семейств.

Так солдат 55 Артиллерийской бригады пишет: „Прошу напечатать воззвание батрацкому сельскому населению и Старокостычевскому Волостному Комитету, пусть выпишут для темного населения брошюры и листки, которые укажут путь к лучшей будущей жизни“.

Солдатские письма полны самых трогательных наивноторжественных благодарностей за присылку литературы. Большевистскую газету они называют „рычагом нашей машины“ „неугасимым светильником“ и т. д.

Так, например, один из солдат пишет: „С торжественною радостью шлю вам, товарищи, от имени полка достойную благодарность за посылку мне вашей газеты, где только мы видим светильник нашего пути к жизни и видим также, что он ни на минуту не погаснет, а все более разгорается, так что близок тот день, когда этот светильник проникнет во все уголки нашей страны и других“.

Другой солдат, благодаря за литературу, пишет: „в особенности благодарю за речь т. Ленина, о которой я так жаждал и страдал, теперь же я в свою очередь с этой речью т. Ленина знакомлю товарищей солдат, особенно которые подрывали по своей глупости доверие, а в настоящий момент сожалеют, за что т. Ленин подвергался злым нападкам и клевете. В настоящее время наша нестроевая рота присоединяется целиком, а полк тоже самое большинство при соединяется к вашей партии и будут защищать от всех нападков со стороны кровожадных ворон и всех буржуазных отраслей, а также стремиться к распространению уважаемой литературы“.

Большевистская литература являлась в то время почти единственной искрой, которая, залетая в далекие окопы, говорила солдатской массе о начавшемся уже разгораться пожаре пролетарской революции. (Из газет мы посылали главным образом „Солдатскую Правду“, „Социал-Демократ“, „Деревенскую Правду“ и „Петроградскую Правду“). Часто по просьбе солдат военной организации приходилось высылать свою литературу из предосторожности в обложке буржуазных газет, которыми наводнялся фронт, но которых солдаты не хотели читать.

„Товарищи редакторы, пишут нам из 67 Старо-Русского Торутенского полка, мы вас просим, солдаты 17 девизии, присылать ваши газеты, которые нас сильно заинтересовали и в которых мы хорошо поняли, что у них печатается коренная правда. А проклятая буржуазия не допускает на фронт ваши справедливые газеты“ и т. д.

„... Даже нигде и одной газеты вашей не видать, жалуется другой. А только пользуемся слухом вашей газеты. Нас здесь засыпают бесплатными буржуазными газетами, носят их по фронту целыми пачками“.

Один солдат так заканчивает свою просьбу о высылке газет:

„... Если можно пришлите, я как больной, выписать средств не имею. Но за вашу партию помру“.

Конечно, правительство Керенского не только ограждало фронт от большевистских газет, но и в тылу закрывало их, и они, как при царизме, принуждены были выходить под другими названиями. Вот как описывает в „Окопном Набате“ от 6 авг. тов. Березовский появление нашей газеты в военно-морской тюрьме в Кронштадте, куда он был заключен временным правительством за большевизм:

„Товарищи, говорю я, кому не дорога была наша „Солдатская Правда“. Она родилась вновь. Я поздравляю вас с новорожденной. Имя ее „Рабочий и Солдат“. Прошу лелеять, любить ее и жаловать. Да здравствует „Рабочий и Солдат“! Ура! И троекратное „ура“ могучим дружным хором прокатилось под сводами камеры“.

Закрытие большевистских газет родит в массе возмущение.

Чтобы понять, какое значение имела большевистская литература на фронте, надо вспомнить сколько темных нелепых слухов родилось тогда даже в центре России, не только в далеких окопах...

„... А затем прошу выслать мне объяснение о вожде С. Д. П. Ленине, пишет солдат 61 артил. бригады, а то я всецело верю партии большевиков, но между нами многие отвергают призыв г. Ленина, говоря будто бы он куплен Германией“.

А вот письмо кубанского казака, после горячей благодарности за присланные газеты, он пишет: „Долго и долго мои товарищи думали, что большевики—это не борцы, а какие-то разбойники и негодяи, но теперь многие казаки поняли и прямо говорят, что самые верные борцы есть наши товарищи — только партия С. Д. фракция большевиков.

Вот сегодня, товарищи, ваши присланные газеты я роздал казакам и они так читают и друг другу передают их, а особенно их удивляют листочки „Долой большевиков“ и „О земле“ (Прим. Листовка, написанная тогда тов. Ярославским), просто удивляются, что вот справедливо до крайних

пределов. Еще товарищи я вас буду просить и умолять пошлите моей жене газеты" (следует адрес).

Заключает он свое письмо словами: „Ну будьте живы, здоровы, товарищи, боритесь смело и стойко за правое дело, я верю, что еще впереди предстоит трудная работа".

Мы видим, как большевистская литература разносила искры пожара, и там, где они падали, взвивалось пламя, грозя старому миру...

Но и там, где Временное Правительство, преградив доступ нашей литературе, наводняло фронт буржуазными газетами, сама жизнь где-то, в какой-то таинственной кузнице выковывала идеи большевизма.

Вот, например, что рассказывает писарь из 3-й тыловой мотоциклетной мастерской Таврической губ. „Часто в собравшейся группе солдат, после чтения фарисейской газеты „Русское Слово", солдаты ругают каких-то неизвестных большевиков и Ленинцев и тут же переходят к рассуждению большевизма: о немедленном окончании войны, немедленном отобрании земли, о немедленном отобрании у капиталистов награбленных ими денег" и т. д.

И на ряду с этим на фронте с каждым днем все ярче и ярче разгоралась борьба между старым командным составом и солдатской массой. В разговорах и письмах солдаты жалуются на офицерство, которое грубо издевается над ними, не признает их человеческого достоинства и, хватаясь за уходящую из его рук власть, сеет в их рядах раздоры, с остервенением ведя буржуазную пропаганду среди несознательных.

Описывая подобную контр-революционную агитацию офицерства, солдат 51 санит. батальона с негодованием обращается к своим товарищам. „Пусть буржуазия недовольна на большевиков, она знает чего недовольна, а вы, вы чего недовольны подлые люди, не зная даже чего партия большевиков желает и не зная ее программы"...

У многих солдат появляется недоверие к старому командному составу и в боевом отношении.

Рядовой 13 пехотного Белозерского полка, обвиняя офицерство в содействии прорыву фронта, пишет: „Нужно было бы убрать ставленников Николая II-го, устранив от командования, и было бы все в порядке. И наш комитет требует

немедленного опубликования тайных договоров, объединяется с прочими частями. Пока дело идет хорошо. Надейтесь, армия с вами".

А вот еще письмо, в котором автор пытается со всех сторон осветить характер старых руководителей армии.

— Я солдат, пишет он, 530 Васильусурийского полка, находясь в строю в первой линии окопов, нахожу нужным указать на действие командного состава...

Из следующих строк его письма мы увидим, что в солдате уже проснулся сознательный протест, он не хочет больше слепо повиноваться, он требует от офицера руководства, но не деспотических приказаний.

„В окопах, пишет он, вместо того, чтобы объяснить солдату расположение позиций, как своей, так и неприятельской, как и где спастись от артиллерийского огня, как отражать атаки, как самому действовать в атаке, офицеры собираются в тяжелый блиндаж, так что многие солдаты за свою стоянку и не увидят своего взводного офицера"...

Далее он рассказывает, что все старания командного состава по укреплению боеспособности армии сводятся к тому, чтобы дать солдату как можно больше нарядов, поставить его под винтовку, отдать под суд или „за слово правды снять с солдата голову".

Очень характерны для просыпающегося в солдате гражданского сознания следующие строки: автор письма жалуется, что офицеры „производят отдельные от солдат заседания, на которых вырабатывают меры, как привлечь солдата к той бесчеловечной каре и превратить его в немыслящую беззвучную массу"...

При этом, по словам автора, Корнилов обещает дать возможность командному составу „наброситься" на солдат и отомстить им за то, что они стали „равнодушно" обращаться с начальством и разговаривать с ним, как со старшим братом. „Все это Корнилов считает за оскорбление, а для солдат и это не считается оскорблением, если солдат простоявши 3 часа в секрете в зимнюю стужу, заявил, что он ноги приморозил, за что офицер выводит солдата на верх окопа и ставит на два часа под ружье, где простреливается солдат немецкими пулеметами".

Затем проводя параллель между материально обеспеченным, дорого стоющим государству офицерством и рядовыми армии, по выражению автора письма, „этими мучениками войны“ он останавливается на одном из многочисленных темных пятен нашей старой армии — на денщичестве

„В каждом полку, пишет он, командный состав выводит из строя более ста человек, которые лишают своих товарищей в поддержке и затрудняют в несении службы“. Главари жадной гидры, жалуется он, „стараются выделить из нашей среды класс людей, который признают за буржуазную прислугу“.

Из приведенных выдержек мы видим, что рядовой нашей армии уже научился критически мыслить и, следовательно, первый шаг уже сделан, первые искры классового сознания загорелись и близится день, когда революция мысли превратится в революцию действия.

Одной из могучих причин революционизирующей солдатскую массу — была жажда мира.

Отчасти это настроение выливалось в сознательный протест против ненужной пролетариату империалистической войны, отчасти просто в смутное недовольство утомительной кровавой бойней.

Вот письмо, в котором звучит отчаяние: „...хватаемся за слово мир, как умирающий с голоду за крошку хлеба“ пишут нам от 24 мая 1917 г. из 167 пехотного Острожского полка. „Нам опротивело валяться в берлогах, нас едят вши, мы изнемогаем... нам хочется жить“.

„Товарищи, скажите же нам более точно, определенно, что нам делать“.

А вот еще одно из многих подобных писем, которые сотнями приходили в нашу организацию. Написано оно не твердым безграмотным почерком. Сбивчиво и путано, но так страстно протестует в нем автор против войны и не только протестует, но и пытается формулировать мотивы своего протеста. Обращаясь к военному бюро при Московском Комитете, он пишет:

„...у нас есть ваша газета от 15 мая 1917 г., и больше нигде не видим ваших газет. Неужель вас на свете не стало, без вас мы жить дольше не можем. Всюду окружают нас и

ненавидят наши наставники и вожди, от них мы только и слышим одно: война до конца, до победного конца...“.

Далее автор письма нагромождает ряд сбивчивых отрывистых фраз, смысл которых заключается в следующем: солдат мог бы лишь в том случае надеяться дождаться победного конца, если бы вся армия была покрыта непроницаемой броней и он, солдат, был бы бессмертен...

Наконец, автор письма ощупью добирается до мысли, что империалистическая война — это ненужная бойня пролетариата между собой. „Кого мы будем убивать, спрашивает он. Мы думаем так: своих же братьев рабочих, у которых тоже должны остаться горькими и несчастными сиротами дети и жены“.

Протестуя всем существом своим против кровавой бойни автор выставляет против нее все запасы своих аргументов начиная с революционных лозунгов и кончая заповедями бога. Горячо восклицая: — „Товарищи, на концах штыков наша свобода“, он так продолжает свое письмо: „...и что же дала она нам всем—эта проклятая война, зачем же нам друг друга убивать, бог сказал 6-й заповедью: не убий.

Товарищи, дело в вас и на вас смотрит вся армия“,— таким обращением к Московской военной организации заканчивает он свое письмо.

Ненависть к империалистической войне была для солдат одним из первых и самых могучих стимулов к возмущению против того правительства, которое толкало на эту войну.

Из 13 железнодорожного баталиона действующей армии, посылая привет „защитникам солдатской жизни и интересов т. Ленину“, пишут нам от 13 мая 1917 г.:

„Товарищи! Со слезами на глазах просим вас, прикажите всему пролетариату кончить ненавистную проклятую бойню. Мы, солдаты, не верим тем прохвостам, которые убеждают за продолжение войны. Этим они хотят ввести Россию в положение Бельгии и Сербии, а потом уже буржуазия расправится с пролетариатом, как ей будет душе угодно“.

„Нас точно также опутывало Николаевское правительство, а теперь опутывает Керенский и компания. Но не удастся им. Скорей они пойдут на остров, где был Наполеон“.

Автор рассказывает, что раньше солдаты считали Керенского за товарища, но теперь большинство из них говорит:

„Да здравствует т. Ленин, долой буржуазное правительство, Керенского и компанию, долой войну, мир во что бы то ни стало, хотим жить, долой смертную солдатскую казнь, перенести ее на буржуазию“ и т. д.

Приведу целиком последние строки письма, весьма характерные для тогдашнего настроения: „...больше чем уверен, говорит автор, что в сентябре месяце ни одного солдата на фронте не будет и, если не свергнем Правительства настоящего и не примем более решительные меры к миру, то все пойдет на смарку и погибнет наша дорогая свобода. Просим, товарищи, вас—работайте с удвоенной энергией для заключения мира, иначе мы все погибли. Насколько можно мы вам поможем, и просим как можно скорее, уволить правительство буржуазное и главное Керенского, он только делает брожение умов и жаждет крови. Долой кровь“.

Корниловщина заставила армию еще сильнее насторожиться, еще резче почувствовать приближение решительного момента и невозможность соглашательства с буржуазией, которое проповедывают меньшевики и эсеры.

От 7 сентября нам пишут с западного фронта: „товарищи, в минуту данного кризиса, когда на карту ставится быть или не быть победе революции, просим вас, как никогда, провести наши требования — вся власть трудовому народу.

Знайте, товарищи, что за вами стоит вся армия, которая также стоит за этот принцип и поэтому на всероссийском съезде 12 числа, постарайтесь совсем обезоружить наших врагов революции—буржуазию и наших медовых властителей из социалистов-революц. и социал-демократов, которые после таких ударов по революции справа, еще настаивают совершить коалиционную глупость с той частью буржуазии, которая открыто идет против революции.

„Дорогие товарищи, не упускайте такой удобный момент настоящего времени, спешите его использовать“.

Описывая далее настроение фронта, автор требует от лица армии: „...Товарищи, настаивайте на применении смертной казни для изменников революции—генерала Корнилова и для его помощников. С проведением таких актов революция выиграет наибольшую силу, с казней генералов, Корнилова и компании, вы создадите твердую уверенность в

войсках и остановите контр-революционную работу высшего офицерства".

Итак, революционное настроение в солдатских массах с каждым днем выливалось все более и более в определенную форму. Наша организация получала от отдельных солдат, а иногда и от целых частей многочисленные просьбы принять их в партию большевиков, дать связи с центральными организациями, дать определенные директивы к дальнейшим действиям и сообщения о возникших фронтовых партийных организациях. Приведем для примера цифры.

Из ста писем в 26 заключается просьба выслать программу большевиков (иногда и других политических партий), в 6—просьба зачислить в члены партии большевиков, в 5—дать связи и директивы для дальнейшей революционной работы, в 3—сообщение о возникновении фронтовых партийных организаций, в 10—жалобы на отсутствие революционной литературы, в 11—возмущение старым командным составом, сеющим контр-революцию; в 5—протест против империалистической войны, в 3—требования немедленного свержения буржуазного правительства и т. д.

И несмотря на печальный исход июльских дней, несмотря на дикую травлю со стороны буржуазии, для людей, знавших настроение армии, было уже тогда ясно, что мы накануне великого переворота.

Недаром пишет солдат от 7 августа из Белозерского полка:

„Товарищи, еще покрепче сомкните свои ряды, армия с вами, пусть буржуазия торжествует, она этим готовит себе глубокую могилу со своими вожаками. Пусть торгуют они нашей свободой и продают ее кадетам, все дни для них сочтены. Мы громко заявляем: руки прочь, некоронованные разбойники. Первый наш лозунг—пора покончить с войной и передать всю власть народу, т.-е. Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

И не прошло трех месяцев, как сбылись эти слова.

Е. Ромас.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОЛДАТА.

В 1916—17 г. г. я был рядовым солдатом 193 пехотного запасного полка. Полк стоял в Москве, в Хамовнических казармах, я был в третьей роте, 1-м взводе. Когда я ознакомился с т. т. солдатами, то обратил внимание, как один солдат, пожилой, каждый вечер вел беседу с солдатами, имея среди них большую популярность. Он был сектант-баптист из Тамбовской губ. Я стал в беседах принимать участие и опровергать его. Во время таких бесед, как-то вечером, подошел ко мне солдат, Тамбовский сапожник и сказал, что нужно быть осторожнее. Потом мы узнали друг друга, как социалисты и сговорились с ним вести пропаганду. Так после занятий, на входной лестнице, один вечер я вел пропаганду, а другой вечер—он. Приходило много товарищей, садились и слушали, а когда шел офицер, то пели песни. Товарищ же вел пропаганду в это время в уборной, таким образом мы чередовались. Настроение с каждым днем становилось более приподнятое, все сильнее нарастало недовольство против существующего порядка, тогда мы стали говорить более открыто, что должно быть так: один за всех и все за одного.

Однажды взводный Новосильцев говорит мне: „будь осторожнее, язык держи покороче“, но, между прочим, просит сказать, что есть нового. Я ему стал носить прокламации, и он охотно читал и впоследствии был ярый противник войны и существующего строя. Работа пошла еще живее. Перед самой революцией стали доноситься слухи, что в нашем полку, во дворе в сарае, порят солдат розгами. Однажды после обеда я стоял внутри казарм и смотрел в окно, вижу ведут несколько человек, арестованных солдат, около сарая остановили, открыли сарай и впустили в него солдат, потом

и сами вошли, при этом был один офицер. По прошествии некоторого времени, раздался душу раздирающий крик из сарая. Я не помня себя бросился из казарм к сараю, машинально рванул дверь и, о ужас, перед моими глазами была возмутительная картина: лежал солдат на скамейке и 2 человека его пороли розгами (прутьями) по мягкому месту, так что были видны кровоподтеки. Он издавал ужасные крики. Когда я растворил дверь, то неожиданность эта поразила как офицера, так и порольщиков. Стоявшие в ожидании порки солдаты бросились бежать. Я не могу выразить, как это все произошло, помню только, что я схватил прутья, лежавшие для порки, и бросился в казарму. Когда я вбежал и крикнул: „Вот чем нас порят", то поднялось страшное возмущение и солдаты бросились к сараю, но уже он был закрыт и никого там не было. Розги не долго нам пришлось рассматривать, т. к. их моментально куда то скрыли и черносотенник фельдфебель (фамилии этого мерзавца не помню) строго крикнул: „Разойтись по своим местам"...

С этого времени началось открытое брожение в полках, как в 193, так и в 194.

Припоминаю такой случай:—один товарищ, ученик фельдшерской школы, за три или за два дня до революции хватает висящие на стене в роте портреты царя и царицы, рвет на куски, топчет ногами и говорит:—нам больше этот навоз не нужен, его слова покрыл общий хохот всех солдат. Взводный подбежал к нему и начал кричать: как ты смеешь, мерзавец, это делать и начал ругать товарища нецензурными словами, но увидев, что на него угрожающе стали наступать, поспешно скрылся в ротной канцелярии. Вечером собрались офицеры, во главе с ротным командиром и вызывают товарища, уничтожившего портреты. Товарищ побледнел, но его окружили солдаты и говорят: иди и мы за тобой, если что, то крикни и мы готовы... Товарищ вошел в ротную канцелярию, а солдаты, почти вся рота, нарочно сильно топая, направились к помещению канцелярии, тогда офицеры, видя это не стали даже опрашивать товарища, и он вышел из канцелярии под общий хохот, и офицеры моментально скрылись.

С тех пор, как в войсках стало замечаться брожение, каждый день приходили офицеры и вели беседы с солда-

тами на тему о том, что волнения народные делают громадный вред государству и ведут к нашей гибели на фронте. Но я, как живущий в Москве, ходил чуть не каждый день на квартиру к семейству и, конечно, приносил все новости о том, что делается в городе.

Однажды я принес письмо Родзянки к председателю Совета министров Горемыкину, все прочли его с большим интересом.

На улицах Москвы, в особенности в рабочих центрах, начались собрания и шествия с красными знаменами. Из нашей казармы с третьего этажа было видно в окно, как с одной фабрики (если не ошибаюсь Жиро) вышли рабочие с красными знаменами и пошли по улице. Сердца солдат забились, позабыли все и мысленно кричали: „Ура восставшему рабочему". Волнение это было замечено власть имущими и нас из казармы никуда не выпускали. Но волнение было настолько велико, что удержать было трудно. Каждый солдат рвался на улицу к своим братьям. Вот тут-то и начинается самое важное: офицеры приходят в роту целыми пачками и все говорят, что на улицах Москвы появились хулиганы, отбросы общества, которые хотят сделать только злое дело и что скоро вот усмирят эту сволочь, но уже теперь солдаты понимали слово сволочь обратно. Сволочь это вы офицеры, вышедшие из буржуазного класса, война вам нужна, а те, которые ходят с красными знаменами, наши братья—голодные, и мы солдаты должны быть с ними...

Нам объявили тревогу и одели в полное боевое снаряжение, но патрон боевых не дали, так мы не спали всю ночь. Товарищи уже сговорились между собой и уже было условлено ждать получения боевых патрон терпеливо, а как только получим, так „ура", за оружие и к своим братьям и один за всех и все за одного... И если будут офицеры препятствовать и ловить выдающихся, призывающих к бунту, стреляй в них... Последний день, не помню числа, был самым тревожным днем, офицеры были очень злы, каждую минуту мы ждали, что вот придут и возьмут несколько товарищей, которые были уже известны, как зачинщики. Офицеры бегали целый день, как угорелые и каждый старался доказать, что там, на улицах, ходят хулиганы. Перед вечером входит в роту целая пачка офицеров, во главе с ротным

командиром Оксаковым, вернувшимся с фронта, отъявленным черносотенником. Он обратился к солдатам с такой речью: „вот я недавно вернулся с фронта и видел лично государя и говорил с ним: это не человек... он лучше отца родного... как он обо всех заботится!.. Когда ни придешь в ставку, всегда он за работой, день и ночь работает для блага своего народа и, вы не знаете, как его любят солдаты на фронте и как его любит весь народ. Если вы, солдаты, не раздавите эту шайку хулиганов, эту сволочь, то придут фронтовые солдаты, перебьют всех хулиганов, ходящих по Москве с красными тряпками". Это он говорил так жалобно, что слезы у него самого на глазах выступили. Я, после речи его, попросил сказать несколько слов. Он очень охотно позволил, наверно расчет его был таков, что я буду говорить под его дудку. Я же обратился к нему с вопросом:—скажите, ваше благородие, вот вы говорите, что солдаты на фронте и весь народ любит государя и что он любит свой народ... Я думаю, что нет, если он любил бы народ, то, конечно, не было бы этой ужасной бойни.

При этих словах командир роты обалделый, схватился за шашку, но кто-то крикнул—„за оружие"!.. Все смешалось...

Когда полк вышел на плац, я не видел ни одного офицера. Два полка выстроились на плацу и хотели итти в город. Было уже темно. Вдруг несутся автомобили с какими-то людьми, не помню хорошо, но наверно среди них был Грузинов. Они поздравили солдат с революцией, похвалили за революционную энергию и стали просить не ходить в город, т. к. уже темно, а на завтра просили оба полка в порядке притти к Городской Управе, на Воскресенскую площадь.

Я пошел на площадь, и остался в городе. На второй день, на Воскресенскую площадь, стали стекаться со всех концов Москвы воинские части, в том числе и 193 полк. Это был для меня праздник из праздников. Через несколько дней я пришел в казарму и узнал, что я выбран в ротный комитет и в конфликтную комиссию, как раз судить того офицера, который порол розгами солдат. Выяснилось, что командир полка Галлер получил приказ найти офицера, который бы мог взяться за позорное дело порки. Но не нашлось никого и только этот один офицер, насколько помню из 5-й роты, предложил услуги полковнику добровольно.

Конфликтная комиссия состояла почти исключительно из офицеров. Один только солдат, я, получил повестку прибыть на Шаболовку в школу Учебной команды для суда над офицером. Когда я пришел в помещение, то мне комиссия сказала, что суд уже кончен. Я спросил, какое же решение вынесла комиссия. Мне ответили, что его лишили офицерского звания—и только. Вот как судили тех, кто издевался над личностью человека.

Потом я стал работать в Совете Солдатских Депутатов вместе с Л. И. Мураловым. В скором времени мне дают поручение поехать в цирк Соломонского, где устраивалось собрание офицерами - инвалидами совместно с солдатами и сделать доклад о данном собрании президиуму. Но т. Муралов, который был в это время заведующим отделением Совета Солд. Деп., дал мне лично от себя поручение во что бы то ни стало сорвать это белогвардейское собрание.

Получил мандат, иду. Цирк уже полон народа, большинство, конечно, офицеров да генералов. Предъявляю мандат организаторам собрания, принимают любезно, выставляют мою кандидатуру в председатели. Я отказываюсь, на основании того, что я прислан Моск. Советом Солд. Деп. в качестве представителя и должен принять участие в прениях. Вторично ставят на голосование мою кандидатуру, громадное большинство—за. Пришлось принять председательство. Вижу, с левой стороны угрожающие знаки, со стороны т. т. солдат, но не теряю присутствия духа, открываю собрание. После докладчика офицера, даю слово тов. солдату (не помню фамилии, впоследствии он был членом Моск. Сов. Солд. Деп., в санитарном отделе), выйдя на эстраду товарищ начал говорить в очень резкой форме, приблизительно следующее: „мы съумели организовать Сов. Раб. и Солд. Деп., в то время, когда вы, господа, были против нас, так зачем же вы теперь пришли к нам и зовете нас совместно с вами работать. Нет, прочь от нас, ваши грязные руки“. При этих словах поднялся огромный шум, стук ногами, костылями, палками, крик:—председатель, заставьте извиниться перед собранием этого нахала, мерзавца и т. д. Наконец с помощью звонка удается заставить стихнуть. Товарищи пытаются говорить, но шум и крик „лишите слова“ раздаются вновь. Наконец, опять водворяю тишину, обра-

щаюсь вправо, говорю: господа офицеры и влево: товарищи солдаты, я сам солдат и не могу лишить товарища слова, но предварительно скажу вам: вы, господа офицеры, возмущались тем, что солдат оскорбил вас словами, а давно ли прошло то время, когда вы оскорбляли солдат действием, розгой и вашим грязным кулаком. Так примите же от солдат то, чего вы стоите, по заслугам вашим и воздастся вам. Снова шум, крик: „бей его". На левой—свист по адресу правой, возгласы—„браво". Все смешалось, солдаты взяли выступавшего товарища и меня в кольцо, а служащие цирка вывели нас каким-то ходом во двор цирка. Таким образом белогвардейское собрание было сорвано. Когда вышли, товарищ пожимает мне руку и говорит: извини, товарищ, мы думали о тебе совсем другое и уже было решено дорогой костылем тебя по голове, но мы ошиблись, так будем вместе учиться у товарищей, как укрепить революцию и работать.

Далее, припоминаю еще один интересный случай: С. С. Деп. стал выпускать газету „Солдат—Гражданин". Я начал работать в типографии, бывшей „Московский Листок", по утрам я снабжал этой газетой 193 и 194 полк. Вышел 1-й номер, беру его и иду в 193 полк, захожу в полковую канцелярию, говорю: товарищи, газета „Солдат-Гражданин", пять коп... Вдруг входит полковой адьютант и раздается окрик начальника: „Кто вам разрешил этого „Солдата-Гражданина"! Солдаты ответили: разрешил Совет Рабочих и Сол. Деп., а в вашем разрешении больше не нуждаемся. Смех со всех сторон. Одураченный адьютант постарался моментально скрыться.

В апреле 1917 г. я был делегирован Моск. С. С. Д. совместно с представителем Моск. Совета Раб. Деп. на Областной съезд в г. Псков, куда собрались делегаты от фронтовых и тыловых частей и рабоче-крестьянских организаций. От Совета Раб. Деп. т. Владимиров, ныне член Ц. К. Металлистов. Делегатами с фронта были в большинстве офицеры, они зарегистрировались сочувствующими левым, но когда на них стали наседать, требуя выявить то, что крылось под этими расплывчатыми словами (в особенности на этом настаивали представители Москвы) то, конечно, „сочувствующие левым" оказались кадетами.

Е. Шишилин.

1-я ЗАПАСНАЯ АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА.

(Рог.-Симоновск. район).

Во второй половине февраля стал чувствоваться среди солдат революционный подъем. В сараях, где мы размещались, много говорилось среди нас о войне, приходили люди, распространяли прокламации. Кто эти люди—мы, солдаты, не знали. Помню, что я читал одну прокламацию, в которой говорилось об империалистической войне, о том, что она к хорошему не приведет. В ней призывалось и к свержению правительства. Но таких прокламаций было мало. Солдаты их читали очень охотно. В конце февраля, за два дня до революции, помню, примчался автомобиль, врезался в гущу этих самых сараев и расбрасывал прокламации, содержания которых не помню, но разговоров они вызвали много. Со стороны стали чаще приходить к нам люди, но кто были эти люди—неизвестно. Я был связан с Москвой, но мне казалось, что партийных людей там не было.

В ночь на 28 февраля, когда совершилась февральская революция, среди солдат настроение было воинственно-бунтарское. Вечером в некоторых сараях происходили собрания. Ораторы - солдаты выступали очень смело, громили царя, войну, министров, говорили много о Распутине, говорили о том, что война не нужна, и что нужно совершить революцию. Офицерство принимало меры, летели приказы за приказами ловить этих пропагандистов. Взводные держали себя хорошо, да солдаты их и не слушали. Наступила ночь. Никто не спал. Как будто чего-то ждали. Вдруг вокруг всех сараев почти одновременно зазвонили в пожарные колокола. Звон этот так подействовал на солдат, что инстиктивно все выходили из сараев, били в набат, пробовали запевать рево-

В. П. НОГИН.

Сергей КРЮКОВ.

Член полкового комитета 55 полка и Военного Бюро.

люционные песни. Я лично сам, помню, напевал: „Отречемся от старого мира...“, но меня не поддерживали, наверно тогда никто не знал этой песни.

Через некоторое время появились офицеры. Командир 6-й батареи со своими офицерами стали нам грозить, называли нас мерзавцами, возмущенно говорили, что это бунт, и на рассвете мы вас перевешаем, найдем зачинщиков. Солдаты этим не смущались и в офицеров полетели камни. Кажется, заведующего хозяйством 6-й батареи ударили доской и он убежал. Ночь прошла беспокойно. Все говорили и кричали, пели простые песни, а утром уже начались митинги. Ораторы разъясняли, что начатое дело—великое, что офицерство нашего солдатского восстания не потерпит и заявили, что нам нужно организоваться и пушки привести в порядок. Утром появились мотоциклетки из города. Позднее солдатами был создан революционный комитет.

1 марта в казармы пришли рабочие с фабрик Сиу, Габай. Рабочие шли с красными знаменами в запасную артиллерийскую бригаду. Было так трогательно, казалось будто сливались два мира—рабочие с солдатами. Некоторые тогда от радости плакали. Толпа собралась тысяч в 15 и все двинулись в город. Шли солдаты, работницы, рабочие, несли красные знамена и уже часа в 2 повезли по Тверской полевые пушки. Тут рабочие призывали солдат пойти в село Всехсвятское и в город обезоруживать полицию. Товарищи рассказывали, как они находили спрятанными в сундуках полицейских, обезоруживали их и арестовывали.

Помню, как я стоял у Иверской часовни, около пушки. Снарядов никаких не было, и если бы мне приказали стрелять,—я бы ничего не мог сделать. Было холодно. Нас поили чаем в Большой Московской гостинице. В это время перед городской думой скопилась масса народу. Из Кремля выходили разные учебные команды, шли они организованно, их рабочие встречали торжественно. Из думы выходили какие-то лица, которые объясняли, что царь отказался от престола, что власть перешла к Временному Пр-ву.

2 марта помню большую демонстрацию. Мы шли хорошо, в порядке. Демонстрацию устраивали не помню в честь чего, но она была очень грандиозная.

В организованный нами революционный комитет входили офицеры, но большинство было солдат. В начале революции о различии между большевиками и меньшевиками мы имели случайное понятие, но к этому времени идеи большевизма все больше и больше стали среди нас распространяться. Большевики стали руководить солдатской массой. Мы связались с Красной Пресней, с т. Рыкуновым, Меркуловым, Александровым и др. Я, как сейчас, вижу т. Усиевича, его выступления на трибуне около сараев... Помню, выступал также среди нас доктор Гордин, кажется, анархист и меньшевик старичек, но стоило только сказать большевикам—„братание", только стоило сказать „долой войну" и сразу они брали перевес. Помню из большевиков, вошедших в наш комитет прапорщика Исаева. Секретарем комитета был большевик Русаков, председателем—прапорщик Симский, сочувствующий большевикам.

В Московский Совет от нашей батареи был послан Гридчин. Это был такой хороший оратор из солдат, что перед ним ни один офицер не мог устоять.

Лозунг о братании солдат широко распространялся. Большевистскую газету „Социал-Демократ" солдаты читали охотно, но ее почему то было мало. Солдаты, которых выделяли на фронт, шли, подчиняясь дисциплине, но в душе все думали, что воевать не нужно, и это настроение послужило октябрьской революции и тому, что все части, сформированные из 1-й запасной артиллерийской бригады, были обезоружены Радой под Киевом, посланные туда пред октябрьской революцией.

В Киеве я часто выступал среди солдат, солдаты меня выбрали председателем суда. Когда нас обезоружила Рада, то мы собрали митинг, где я горячо говорил против Рады. Меня арестовали, посадили в автомобиль и повезли в Киев. Украинцев натравили на нас, как на корниловцев, а не как на большевиков. Здес некоторых из нас избили и мне помяли бока. В Киеве в Раде находился Петлюра и генерал Щербаков. Я стал протестовать. Потом я каким-то образом из Рады убежал, пришел в свою часть. Солдаты были посажены в товарные вагоны и отправлены в Москву. В Москве в редакции „Известий" я рассказал об этом. 9 декабря 1917 г. в

„Известиях Р. и С. Деп.“ была помещена за моею подписью заметка „К разоружению советских войск украинцами“.

Во время октябрьской революции в Москве оставалась только наша запасная бригада и, как мне передавали, принимала самое активное участие в восстании. Я тогда был под Киевом, находясь в первом артиллерийском дивизионе.

Дорофеев.

55-й ПОЛК.

Первые дни Февральской революции.

Тревожное настроение последних дней февраля проникло и к нам в Александровские казармы, потихоньку приносили газеты, собирались кучками, толковали. 29 февраля пришли замоскворецкие рабочие и рассказали нам о революции. Большинство солдат пошли с нами на Красную площадь. Офицеры отсутствовали, только командир 8-й роты, когда солдаты выходили, стал кричать на них и спорить с рабочими, среди которых было несколько студентов. Он начал стрелять и убил одного студента. Масса возмутилась и сейчас же арестовала офицера.

На другой день казармы были пусты, часть солдат отправилась на Красную площадь, другие бродили вокруг казарм, читали газеты и обсуждали совершившиеся события. Тут у нас возникла мысль освободить с гаупвахты арестованных солдат. Освободили всех, кроме одного, которого держали, как уголовного за то, что он продал казенную шинель. Я собрал митинг и сказал: „неужели мы будем держать его за какую-то шинель, когда генералы продавали нас целыми корпусами".

После этого мы пошли и освободили его.

3—4 марта мы собрались, чтобы произвести выборы в полковой и ротные комитеты. Собрание вели молодые офицеры и канцелярский состав. Солдат было мало, да и те боялись говорить. На этот раз выборы были отложены, т. к. народу собралось слишком мало.

В начале марта был объявлен первый полковой митинг с представителями партии. Весь полк был налицо вместе со своим командным составом. Собралось около 6—7 тысяч

в подвальном помещении столовой. Открыл митинг полковой командир. Первым выступил представитель партии К.Д. Он говорил красиво, но об окончании войны не упомянул. Ему все таки аплодировали.

Затем выступил меньшевик, он тоже увлекательно говорил, критиковал кадета, но сам ничего существенного не сказал. Ему тоже хлопали. После него выступил эсер, заявив, что он член той партии, которая защищает интересы трудового народа, он пускал шпильки предыдущим ораторам, но сам тоже ни об окончании войны, ни о земле ничего определенного не сказал.

Но вот на трибуне появился большевик, т. Аросьев. Он провозгласил лозунги: „Долой войну“, „земля крестьянам—фабрики рабочим“.

Раздался оглушительный взрыв аплодисментов и крики „ура“, потому что это были лозунги, которых ждала вся солдатская масса.

Потом предложили выступить солдатам. Солдаты мялись, стесняясь начальства, которое окружало трибуну. Наконец т. Аросьев раззадорил меня и я выступил и стал призывать товарищей разобраться в речах ораторов с точки зрения рабоче-крестьянских интересов.

Этот митинг оставил огромное впечатление, целую неделю только и говорили о нем. С этого времени солдаты особенно стали интересоваться политикой и читать газеты, собираясь кружками. В особенности интересовались газетой „Соц.-Дем.“. Через некоторое время состоялись выборы в полковой комитет. Из большевиков туда прошли т. Сергей Крюков и я, но все таки большинство комитета было не наше.

Демонстрация против Милюкова.

В апреле месяце по поводу ноты Милюкова к союзникам, был созван полковой комитет. В комитете было большинство офицеров. Мы толковали, толковали, но ни к чему не пришли.

Тогда мы созвали пленум, на котором, заслушав доклад рабочих и большевиков из полкового комитета, решили демонстративно выступить всем полком, в полном боевом со-

ставе под лозунгами: „долой Милюкова“, „долой министров —капиталистов“.

Наша демонстрация двинулась по Тверской к Советской площади. По дороге нам встретился какой-то буржуй. Он схватил наше знамя с криком—„вы не достойны носить красное знамя“. Конечно, знамя мы у него вырвали и стали охаживать его древком. За него вступилось еще несколько буржуев и тут произошла маленькая свалка. Несмотря на то, что по дороге к нам навстречу выехали члены Моск. Совета и уговаривали нас вернуться, обещая уладить конфликт, наш полк все же дошел до Советской площади. Здесь с балкона Совета нас приветствовали члены Исполкома, высказывая радость, что они видят солдат вместе с рабочими и обещали протестовать против ноты Милюкова. На другой день в казармах только и было разговору, что о нашем выступлении. С этих пор наш полк все стали называть большевистским.

Командир полка Кукульский даже спрашивал в офицерском собрании; „Что такое большевики и почему его представили командующему войсками, как командира большевистского полка“. Офицеры ответили ему, что они сами мало знают о большевиках и посоветовали обратиться к нам. После этого меня вызвали в канцелярию и Кукульский долго расспрашивал меня о большевиках. В 18 году я встретил его на гражданской советской службе.

После выступления против Милюкова наш полк имел самую тесную связь с большевистской организацией Замоскворецкого района. В апреле месяце у нас была организована партийная ячейка.

Всероссийская Конференция Военных Организаций.

В июне месяце меня выбрали на Всерос. Конференцию Военных организаций Р.С.Д.Р.П., которая продолжалась от 15 до 24 июня в Петрограде.

Когда мы приехали в Петроград, нам показалось, что мы окунулись в какой-то революционный котел. Тов. Подвойский (член Петроградск. военной организации) сразу же взял нас на учет и разослал по митингам. Мне пришлось ехать с одним матросом в Преображенский полк, когда мы высту-

пили, часть преображенцев кричали: „долой“ и стаскивали нас с бочки, а рядом стоящий полк (названия не помню) отнесся к нам сочувственно и просил продолжать. Митинг прошел все таки хорошо.

На второй день конференции я участвовал в демонстрации, созванной Петроградским Советом с целью сделать смотр большевистским силам. В этой демонстрации участвовал почти весь пролетариат Петрограда. На Невском нас догнала демонстрация эсэров, состоявшая из 15—20 интеллигентов. Шли они под лозунгом: „Да здравствует всеобщее обучение“.

Мы смеялись и спрашивали: „Чему всеобщее обучение — братанию с буржуазией?“.

На Марсовом поле мы встретили Плеханова, он печально смотрел на нашу демонстрацию, а бывший тут же Чхеидзе видя, как велика наша демонстрация, сказал нашим представителям: „Вы победили“.

Вечером пришли с фронта вести о наступлении нашей армии. И тут нам пришлось наблюдать другую демонстрацию. Вдоль Невского потянулась патриотическая манифестация с портретами Керенского, красные знамена здесь перемешивались с трехцветными национальными флагами, за которыми шли сотни лощенных интеллигентов. Рабочие отсутствовали. Затем представители Временного Правительства выступали с речами. Мы же вышли на Невский и пробовали вести агитацию против наступления. Тут буржуи нападали на нас с зонтиками, но мы в обиду не давались. Мы ловили буржуев и тащили их в казармы, переодевали в солдатские шинели и говорили, что они завтра же будут отправлены на фронт. Надо было видеть их ужас, как они открекивались от фронта и вытаскивали кучи всяких удостоверений об освобождении от воинской службы...

Конечно, полковое начальство их всех отпустило.

Через несколько дней после нашего приезда в Петроград, начались регулярные заседания конференции во дворце Кшесинской. Тут я видел в первый раз Ленина. В одно из вечерних собраний разнесся слух, что приедет т. Ленин Мы нетерпеливо ждали. Вдруг говорят: „Ленин здесь“.

— Где?

— Вот там, в углу, лысый старичек.

Мы сразу двинулись к нему и окружили его тесным кольцом. Он попросил всех усесться и начал с нами беседовать. Главным образом он интересовался солдатами-крестьянами, расспрашивал, давно ли из деревни, откуда, какое там настроение и т. д. Мы спрашивали, как нам поступать в аграрном вопросе, он сказал:

— Захватите землю, не дожидаясь учредительного собрания, а там пусть попробуют ее у вас отнять.

Еще помню, как мы ездили в Кронштадт—там была уже Советская Республика. За нами прислали яхту, на которой раньше ездил комендант Кронштадтской крепости. Мы поехали вместе с т. Зиновьевым. В Кронштадте мы нашли полный порядок и чистоту везде. Кронштадтцы нас встретили очень хорошо, был оркестр музыки, обед, митинг. Я выступал на этом митинге, как представитель Московской организации.

В деревне.

За время февральской революции я два раза ездил к себе на родину в село Никольское, Орловской губернии— первый раз в мае, а другой после военной конференции. Ячейка эсэров была там организована с первых же дней февральской революции, она старалась удержать крестьян от захвата земли. Во многих местах мужики попрежнему платили помещику арендную плату. Как только я приехал в деревню, я сейчас же организовал большевистскую ячейку. В нее вошли главным образом солдаты, батраки и малоземельные. Наша ячейка настаивала на прекращении арендной платы и предлагала сейчас же выделить всем безземельным и нуждающимся землю за не большую плату, которая должна быть внесена в волостные земельные комитеты и итти на местные нужды.

Пропаганда нашей ячейки быстро распространялась среди крестьянства. Немедленно же взяли на учет всю луговую площадь помещичьей земли, поделили между деревнями поровну и скосили.

Эсэры, сидевшие в волостном комитете, кричали о незаконности наших действий, но от своей доли сена не отказывались. Волостной комитет стращал тюрьмой, сельские представители отказывались от своих обязанностей, крестья-

не выбирали новых. Скосив барское сено, мужики взялись за пар и стали делить землю под озимое. Большевистская ячейка постановила осмотреть помещичьи амбары, взять хлеб и отправить в голодающий центр.

В это время деревня только что просыпалась. Крестьяне о происходивших событиях имели смутное представление. Попы только после больших скандалов перестали поминать в церкви царя. Вся деревенская интеллигенция вместе с попами рисовали большевиков в самом ужасном свете. Из газет было распространено „Русское Слово", но когда я приезжал, то привозил много большевистской литературы, главным образом из Моск. Воен. Орган. Крестьяне охотно читали „Социал-Демократа", очень им также понравилась листовка т. Ярославского „Долой большевиков". Местная интеллигенция и эсэры распространяли слух, что я привожу с собой очень много германского золота и подкупаю крестьян. Указывая на мои сундуки с литературой—они говорили:

— Еле ведь тащит, наверно полные золотом...

В октябре волостная ячейка имела до 700 членов, много винтовок и всегда шла на защиту Советской власти.

После октябрьского переворота был такой случай: в уездном городе Кромы организовался Совет Р. и Кр. Д., но однажды комиссары Времен. Пр-ва свергли его, а крестьян участвовавших в захвате помещичьих земель,—рассадили по тюрьмам. Одному из членов Совета удалось бежать из Кром, он прибежал в нашу волостную ячейку и просил помощи. Тогда наши большевики позвонили 4 раза в колокол (это был условный знак по которому все члены партии и красногвардейцы собирались в клубе). Сразу же ночью запрягли сани, взяли 200 винтовок, запрятали их в сено и поехали в Кромы. Приехав, остановились в центре города, заехав во двор, слезли, пустили разведку. Затем моментально выстроились в боевые колонны и пошли по городу на выручку Совета. Местные жители опешили, никак не могли себе представить откуда взялись вдруг вооруженные красногвардейцы.

Подойдя к тюрьмам, наш отряд освободил крестьян. Старики от радости плакали, становились на колени, угощали красногвардейцев лепешками и, узнав, что это большевики, говорили:

— И откуда вы взялись, наши спасители, теперь вернемся в деревню и скажем нашим детям, чтобы они за большевиков богу молились.

Тревожные дни.

Когда мы вернулись из Петрограда с военной конференции, в Москве уже чувствовалась напряженная атмосфера. Нащ полк стоял в лагерях. Товарищи не советовали мне ехать прямо в полк, т. к. было секретное распоряжение от командующего войсками взять под подозрение всех большевиков и меня арестовать. Вечером я все таки поехал в лагери и сделал там доклад о конференции. Работать приходилось в это время опять почти подпольно.

В июльские дни выступала только небольшая часть нашего полка, находившаяся в казармах (полки умышленно разобщали). Полковое начальство так боялось большевиков, что им нарочно давали командировки или даже совсем освобождали от военной службы.

После того, как одни только большевики протестовали против смертной казни для солдат и после контр-революционного Московского Совещания, настроение масс изменялось в нашу пользу, партийная работа пошла оживленнее. А после выступления Корнилова уже все части приобрели большевистскую окраску. Корнилов был для солдат пугалом. олицетворением офицерского насилия. Все были поражены, как сбылись слова „Социал-Демократа", который еще во время Московского Совещания писал, что генерал Корнилов скоро будет у стен Петрограда, и что он хочет разделаться с Советами. „Социал-Демократ" солдаты разбирали пачками, а митинги в эти дни были такие многолюдные, что яблоку негде упасть.

Все полки имели связь с Московской Военной Организацией, т. ч. в октябре при первом же известии о Петроградских событиях, было легко поднять весь гарнизон.

Чиненов.

ДЕМОНСТРАЦИЯ 55-го ПОЛКА.

В 17 году, утром 22 апреля были получены известия, что Петроградские рабочие и гарнизон вышли на демонстрацию с лозунгами: „Долой правительство Милюкова, Гучкова“.

Фракция Московского Совета С. Д. в это время заседала в Политехническом музее. Т. Землячка вызвала нас, присутствующих, в коридор и сообщила о Петроградских событиях и спрашивала, каково настроение рабочих и воинских частей. Мне, военному организатору, уже с утра звонили из 55 полка, что нет сил сдерживать солдат, рвущихся на демонстрацию. Здесь в коридоре Совета собрались Аросев Н. М., Смирнов, Гриша Коган, Васильевский, и я рассказал им положение частей и предложил поехать каждому члену бюро в ту часть, с которой он был знаком, чтобы провести более организованно демонстрацию. Предложение было принято, и мы быстро отправились по частям. Когда я ехал в 55 полк, на улицах уже было сильное движение народа. Войдя в казармы, я к удивлению не увидел брата Сергея, который был членом Исполкома М. С. С. Д., не было и солдат.

На мой вопрос, дневальный ответил, что они на площади и полк уже в походном порядке идет к Московскому Совету. На Александровской площади я увидел выстроенные колонны 55 полка—с музыкой впереди. Сергей командовал полком, выстроенным повзводно, а сзади строились рабочие Замоскворечья. Здесь были Михельсоновцы и другие.

В это время выехал от Московского Совета Солдатских Депутатов с.-р. Шубин и старался повлиять на Сергея, меня, Тера и др. товарищей в смысле прекращения демонстрации. Но солдаты и рабочие нетерпеливо требовали двинуться. Точно по чьему то приказу музыка заиграла по-

ходный марш и полк двинулся вперед под лозунгом: „Долой Милюкова, Гучкова“, „долой правительство соглашателей“, „Да здравствует власть рабочих и крестьян без капиталистов“ и т. п. По бокам роты шли офицеры, но не видно было высших чинов полка. Шли, стройно и весело, колонны с рабочими имели внушительный вид. По бокам тротуаров толпами шел народ, чувствовалось точно на прогулке. Настроение веселое. На Пятницкой улице нас снова остановил автомобиль с меньшевиком Шером, и он от имени Московского Совета уговаривал нас бросить безумную затею и повернуть назад.

Но полк не слушал увещеваний. Рабочие напирали. Сергей командует „вперед“ и автомобиль остается в стороне.

Мы идем, против Пятницкой части, где останавливаемся на передышку, ко мне подбегает студент Коммерческого Института и двое рабочих и ведут в часть, чтобы именем Революционного полка освободить вчера арестованных за противокеренскую агитацию студентов. Мы освобождаем и вместе с полком двигаемся дальше. Уже возле Иверской часовни окружающая толпа густо наседает с тротуаров. Иные ради любопытства, иные с сочувствием, а иные с враждебными репликами. Здесь на один момент образовалась пробка, я увидел машущего рукой с автомобиля тов. Ангарского, Овсянникова и Баша, задержав на минуту движение воинской части, подбегаю к автомобилю и выясняю в чем дело. Оказывается перебой мотора толпа приняла за выстрел и хотела напасть на ехавших. Я крикнул, чтобы дали дорогу, автомобиль быстро выскользнул и уехал, а я догнал уже уходящий полк. По Тверской достигли здания Московского Совета и построили полк в карэ. В это время с балкона послышалась речь в таком духе: „События в Петрограде, конечно, волнуют рабочих, но пусть полк спокойно разойдется в казармы, а мы от лица Московского Совета пошлем пожелание сменить власть Временного Правительства“. Солдаты подняли Серегу на плечи и он выкрикнул, что мы шли с лозунгом „Долой Милюкова, Гучкова“ и довольно уж нас успокаивать, мы не дети и требуем исключения всех буржуазных членов Правительства. Да здравствует революционный Совет и военная организация с.-д. большевиков“, говорил что-то еще и потом махнул

Заводской комитет и полковой комитет 55 полка. З-д Михельсон завязал и поддерживал связь с 55-м полком в период до октября и тем самым предопределил активное участие 55 полка на нашей стороне.

рукой, чтобы полк шел обратно. Но здесь подошли еще рабочие и негде было развернуться. Кое-как вышли опять по Тверской на Красную площадь. Здесь нас догнал т. Аросев, Григорий Коган, и мы устроили митинг на Лобном месте и отсюда опять пошли в казармы.

Уже в казармах я узнал, что Серега по требованию солдат вооружил их на всякий случай боевыми патронами, но у него произошла стычка с оружейным мастером Никитиным. Ключи от боевых патрон и винтовок он, по указанию Хинчука, не давал. А когда Сергей получил отпор, он, не долго думая, арестовал Никитина, отобрал ключи и приказал вооружиться. Таким образом наша военка не даром работала в казармах. Солдаты уже знали, что оружие могло бы им пригодиться и недаром кричала и рычала из толпы буржуазия. Когда мы вернулись и нужно было сдавать оружие Никитину, его уже каким-то образом увезли в Моск. Совет Р. Д., боясь, что его разорвут солдаты за сопротивление. Пришлось пока оставить оружие в казармах и уже потом сдать кладовщику.

Это выступление частей под руководством Московской Военной организации Р. С. Д. Р. П. большевиков имело громадное значение. На третий день кризис правительства разрешился исключением Милюкова и Гучкова из своего состава. Москвичи поддерживали питерцев. А эс-эрам и меньшевикам нужно было представить московских солдат и рабочих спокойными по отношению к Петроградским событиям. 55 полк вместе с некоторыми другими частями и рабочими этому помешали.

Член Воен. Бюро при МК С.-Д. Б-ков в 17 г. *Крюков.*

ВОЕННО-ОБОЗНЫЕ МАСТЕРСКИЕ.

Меня захватила февральская революция на заводе, где была самая реакция—это обозные военные мастерские, во главе которых был полковник Марабушин. Во время самой революции я заболел. На одном заводе работал мой шурин. Однажды он приходит и говорит:

— Дядя Вася, там уже новое правительство, а ты болеешь.

Одеваюсь, думаю все таки пойду на завод. Прихожу, никого у завода нет. Стоит сторож и звонит в звонок. Я говорю—что это никого нет, или я рано пришел? Он отвечает—вот видишь, там, у Донского монастыря наши рабочие... Не успели мы с ним посоветываться, бежит сам Марабушин и кричит:

— Кольцов—беги, позови их, я им помещение разрешаю занять, пусть собираются здесь.

Я не ожидал этого и начал кричать:—Марабушин велел сюда итти! Они говорят, мы и сами войдем, если бы и не пригласил. Товарищ Росташинский начал говорить о том, что в Петрограде власть пала. Марабушин обратился к нам:—Скажите, в чем дело? Тут ребята начали кричать:—табельщика надо арестовать.—Я говорю, не в табельщике дело, а они продолжают кричать... А Росташинский говорит:—вы г. Марабушин, с нами поедете в Думу, мы вас арестовываем.

— Зачем, товарищи, я присягнул вашему правительству... Но мы не доверили ему. Я и эсэр Росташинский едем с ним в Думу и оставляем его там, через два дня его выпустили и он к нам явился. Тут рабочие начали кричать:—Кольцов, солдаты пришли, Марабушин их прислал. Я выхожу и вижу человек двадцать солдат, спрашиваю—зачем пришли? Они отвечают—нас послали, но ничего, мы пойдем за вас.

Ячейки у нас на заводе не было, были разрозненные большевики, фамилий их уже не помню. Кое-когда в кладовой у Голованова собирались эсэры. Они все толковали нам свои идеи, но все-таки давали нам помещение. Мы уже тогда знали, что так или иначе, но не может существовать такое положение: коалиционное правительство, буржуазная дума и вообще, чорт знает, что такое. Раз советы существуют—всю власть советам. Я имел смелость так выразиться, когда у нас в кладовой было первое собрание. И вот этот самый Росташинский на меня напустился.

Рабочая масса, нельзя похвалиться, чтобы вся нас поддерживала. Ничего подобного. Но все же с каждым днем к нам примыкали сочувствующие. Например, на заводе нас было десятка два, а когда было общее собрание, так количество сочувствующих большевикам было уже тысяча человек.

По поводу займа „Свободы", т.-е. займа на войну у нас было три заседания. Три вечера мы посвятили, один за другим, этому вопросу. Трех председателей выбирали, все большевиков. Нам давали лучших представителей. Я помню были чудные ораторы. Один оратор прямо говорил:—если вы дадите на заем, вы печать положите, что вы признаете кровавую бойню, ведь это же заем на ведение войны. В последний раз вышло так, что решили денег на заем не давать. Все удивлялись, как это можно было провести на таком реакционном заводе. На многих предприятиях постановили дать, хотя бы для ликвидации войны. Меньшевики говорили:—вы должны дать, вот хотя бы для скорейшего окончания войны—ведь у вас там братья есть. Но все таки нам удалось их предложение провалить.

Затем, когда настала революция, я перешел на другой завод—на механический. Тут еще хуже было, так что здесь я еще чище попал. Дело в следующем: Марабушин, очевидно, был осведомлен, что мы собирались, он набрал 17 человек, отслужил молебен и вот читает нам: по указу его императорского величества вы награждаетесь медалью и сам ходит и прикалывает. А мы что сделали—дали эти медали перелить в пользу раненых инвалидов. Когда Марабушин узнал, вызывает меня и говорит—вы недовольны тем, что вас наградили, я вас под суд отдам.

Вы меня под суд не отдавайте, а увольте. Вот я и перешёл сюда на „Санитарную Технику“.

Наш спор с Марабушиным кончился тем, что мы просто поехали с ним на автомобиле в думу, и он присягнул Временному Правительству.

Кольцов.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ РАЙОН МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ и МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ.

При организации районных советов в Москве, в мае 1917 года, поскольку мне помнится, Московская организация ни в одном районе не имела большинства. Выборы на железных дорогах московского узла прошли для железнодорожного района тоже не важно—больше того, Райком даже не знал, что выборы назначены—таким образом они прошли совсем без участия Райкома. Последний узнал о существовании жел. дор. Райсовета от немногочисленных членов нашего Района, которые были избраны в него. Райком делегировал в Исполком Райсовета двух представителей (пишущего эти строки и т. Аронштама-Гришина). В Исполкоме, Президиуме и в самом совете большинство принадлежало с. р., и даже без меньшевиков, но так как сама организация (Совет) была для железнодорожников нова, а в ней, главным образом, были организованы железнодорожные низы, то в начале работа не клеилась (на дорогах, в участках, в мастерских и депо существовали Исполкомы и местные комитеты, начиная с послефевральских дней. К тому же во всех службах (кроме службы тяги, мастерских и депо) выростали цеховые и замкнутые союзы и союзики). Во все эти организации устремились активные элементы железнодорожников, поэтому они в начале не обращали внимание на организацию Райсовета; с нашим появлением работа оживилась и мы, т. Аронштам и я, без всякой борьбы заняли руководящее положение в Райсовете: при перевыборе Исполкома, несмотря на то, что туда вошли, кроме большевиков, с.-р., меньшевики, анархисты и беспартийные, меня выбрали председателем, а т. Аронштама секретарем Рай-

совета—единогласно. Перед перевыборами Исполкома и Райсовета, Райком провел лихорадочную кампанию по выборам в Райсовет, там, где выборы еще не были—по службе тяги, в мастерских и депо, с которыми Райком главным образом был связан. Дополнительные выборы дали прекрасный результат. В совет вошли, благодаря этой кампании, целый ряд активных работников (т. Амосов, Савельев и др.) и не мало членов жел. дор. района. Таким образом, мы в Райсовете укрепились и удержались даже тогда, когда главари меньшевиков и с.-р., спохватившись, что совет ускользает из под их влияния, прислали постоянного представителя в Исполком Райсовета, члена Московского комитета партии с.-р. Климина и меньшевика инструктора Москов. Совета Жукова. В июльские дни, когда все газеты от черносотенных до эсеро-меньшевистских травили нашу партию, меньшевики и с.-р. сделали попытку вырвать от нас руководство в Райсовете. Это не только им не удалось, но наоборот: рабочие, называвшие себя до этого меньшевиками и с.-рами, анархистами и беспартийными нас поддержали, и многие из них еще задолго до октябрьских дней перешли в нашу партию, ибо они на деле убедились, что наша партия действительно защищает интересы рабочего класса. И до июльских дней жел. дор. Райком фактически руководил Райсоветом, но после них создалось у нас крепкое, постоянное большинство, которое по мере расширения связи среди служб, еще не втянутых в движение (служба пути, курьеры, кондуктора, сцепщики, стрелочники, составители и пр.) увеличивалось с каждым днем. Железнодорожный Райсовет таким образом стал целиком одним из первых в Москве на сторону нашей партии. Завоевав Райсовет, жел. дор. Райком мог вникнуть в дела других служб, доступ в которые раньше был почти совсем для него закрыт. Кроме того Райком мог через Райсовет влиять, что он, конечно, и делал, на решение всех вопросов экономического и политического характера и в создании форм широких, массовых, классовых организаций в Московском узле и через него распространить на железнодорожников всей России. Райсовет созывал пленум Совета вместе с представителями местных комитетов (а иногда вместе со всеми членами местных комитетов), на которых обсуждались и решались вопросы оплаты труда

(уструговская телеграмма от 4.8 17 г. за № 616) об оплате труда мастеровых и рабочих в Московском и Питерском узлах; о работах комиссии Плеханова („Плехановская прибавка“ тогда вызвала сильные раздоры и антагонизм среди железнодорожников), продовольственный вопрос, распоряжения министерства путей сообщения, контроль над производством и текущий момент (перед созывом обще-городских собраний фабрично-заводских комитетов Москвы, Райсовет созывал местные комитеты со всех дорог узла, на которых обсуждался порядок дня и этим достигалось единство между железнодорожным и промышленным пролетариатом Москвы). Районный Совет играл крупную роль в октябрьские дни, а после победы московского и российского пролетариата над с.-р., юнкерами и кадетами, Райсовет фактически стал административным органом над дорогами Московского узла. Жел. дор. Райсовет имеет не мало заслуг в создании пролетарско-классового профдвижения в Московском узле и на всех дорогах сети Российских жел. дорог.

* * *

После февральской революции во всех городах, станциях и во всероссийском масштабе выросли узко-цеховые профсоюзики: машинистов, телеграфистов, кондукторов, сцепщиков, составителей и стрелочников, курьеров, конторщиков коммерческих служащих, техников и чертежников, технических бригад по вагонному делу, весовщиков, агентов технического распределительного движения и пр. Каждый из этих союзиков действовал самостоятельно, а между некоторыми из них были трения и антагонизм. Во главе этих союзиков стояли или „беспартийные“ или с.-р. и меньшевики. В Районном Совете нам приходилось очень часто сталкиваться с этими „проф.-союзниками.“—Нам было ясно, что завоевать союзы машинистов и телеграфистов и некоторых других союзов, которые держались, главным образом, благодаря сепаратизму не только от всего пролетариата России, но и от остальных союзиков—железнодорожников, нам—большевикам не удастся. В выше названные союзы входили буржуазные, мелкобуржуазные и полупролетарские элемен-

ты; пролетарские же элементы мастерских и депо, которые составляли и составляют теперь процентов 40 общей железнодорожной массы, не имели своего союза ни в Питере, ни в Москве, а об остальной России и говорить нечего (во многих городах мастеровые и рабочие входили в союзы металлистов, деревообделочников и т. д.). Жел. дор. Райком сразу увидел, что наша партия может опереться, главным образом, на мастеровых и рабочих, из коих нужно создать фундамент для будущего объединенного пролетарско-классового профессионального союза железнодорожников (что фактически осуществилось в начале 1919 г.). Райком поручил активным работникам Района в Райсовете через него начать организацию в Москве единого профсоюза железнодорожников всех служб в противовес отдельным существующим союзам, с тем, чтобы, главным образом, обращали внимание на втягивание в него мастеровых и рабочих. Пленум Райсовета идею организации общего союза и нами предложенный устав одобрил и через представителей в Райсовете от железнодорожников и через местные комитеты были переданы на обсуждение мастерских, депо и остальных служб как решение о создании Союза, так и устав. Райсовет был горячо поддержан в этом начинании, главным образом, рабочими мастерских и депо и в начале августа в Москве уже существовали под названием общего проф. союза (фактически в него входили только мастеровые и рабочие и члены партии из других служб, не выходившие однако и из своих союзов), а в конце сентября 1917 г., мастеровые и рабочие почти всего Московского узла были уже членами его. В то же время, которое я описал выше, в Питере тоже был создан союз мастеровых и рабочих. В начале сентября тов. Амосов, который был назначен Райкомом для работы в Московском союзе, поехал в Питер для установления связи между союзами—Москвой и Питером—следствием чего явилось приезд в Москву двух представителей Питерского союза мастеровых и рабочих, и из представителей двух союзов было организовано организационное бюро по созыву Всероссийского Съезда мастеровых и рабочих, который состоялся 10/XII 17 г. Этот съезд сыграл крупную роль: он стал целиком на советскую платформу в противовес Викжелю, и он создал Всероссийский Союз железно-

дорожного пролетариата, который стал фундаментом для организации профсоюза железнодорожников.

* * *

В октябрьские дни в Москве железнодорожники вообще, а мастеровые и рабочие в особенности сплотились вокруг жел. дор. Райсовета, проводили все его распоряжения и активно боролись вместе с московским пролетариатом под руководством Воен.-Рев. Комитета железнодорожного Райсовета и Воен.-Рев. Комитетов отдельных железных дорог. Только в октябрьские дни мы могли оценить значение аппарата железных дорог, который находился в Московском узле целиком в руках Райсовета. На вокзалах красногвардейцами-железнодорожниками разоруживались офицеры, юнкера, казаки, польские легионеры, не допускались к высадке части, физиономия которых не была выяснена, не принимались поезда с враждебными войсками, о которых предупреждались боевые организации Москвы, были сделаны приготовления к взрыванию путей, в случае приближения к Москве враждебных рабочему классу отрядов. Посредством московских вокзалов была установлена телефонная и телеграфная связь с Питером и другими городами, перехватывались важные телеграммы и контролировались телефонные разговоры и, наконец, на одном из Московских вокзалов (Казанском) железнодорожники-красногвардейцы нашли в вагонах винтовки, которыми вооружались все районы в самые критические дни Московского восстания. Боевой орган Райкома целиком слился с Воен. Рев. Комитетом Райсовета, ибо почти все члены Воен. Рев. Комитета Райсовета являлись членами исполнительной комиссии Райкома или членами его. То же самое было и на дорогах.

Райсовет был связан служебными телефонами с дорогами узла, московские же вокзалы связаны телефонами и телеграфом со своей дорогой; таким образом, Райсовет знал точно, что происходит на всех московских дорогах. Боевые органы железнодорожного района в свою очередь сообщали и информировали боевые органы Москвы, что в октябрьские дни было очень ценно и важно. Боевых сил на дорогах было сравнительно, конечно, настолько много, что

железнодорожники не только принимали участие в боях в районах, в которых находились вокзалы, но они еще направлялись в Московский Совет для общих наступлений из центра. В общем и целом можно смело констатировать, что пролетарская часть железнодорожников целиком, и полупролетарские элементы железнодорожников в значительной своей части шли в Москве нога в ногу со всем пролетариатом, в борьбе с белогвардейцами за установление Советской власти и пролетарской диктатуры.

* * *

Учредительный съезд железнодорожников, который заседал в Москве в середине июля до конца августа 1917 года выбрал Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников (Викжель). Как состав съезда, так и состав Викжеля был и в своем большинстве из с.-р. и меньшевиков. Жел. дор. Райкому и Райсовету впервые пришлось столкнуться с Викжелем в корниловские дни, когда Викжель не за страх, а за совесть боролся с Корниловым всеми средствами, которые у него были. Ему удалось объединить вокруг себя все железнодорожные организации в этой борьбе. В московском узле Райком и Райсовет поддерживали в корниловские дни все начинания Викжеля в этой борьбе. Спустя некоторое время в узле, среди мастеровых и рабочих замечается уже недовольство Викжелем за его политику оттягивания разрешения насущных вопросов оплаты труда. На некоторых митингах и собраниях в мастерских и депо стали выступать против Викжеля, а у активной части железнодорожников, которые входили в союз мастеровых и рабочих Московского узла появилась мысль об объявлении войны Викжелю посредством отказа в уплате членского взноса в его органы (членом союза, во главе которого стоял Викжель, обязан был состоять каждый железнодорожник по уставу железнодорожного союза). Вопрос об отношении к Викжелю вызвал разногласия среди активных работников жел. дор. района.— После серьезной дискуссии в Райкоме, вопрос был решен в том смысле, чтобы посредством длительной интенсивной работы завоевать периферийные органы Викжеля и через них и самый Викжель посредством нового съезда всех железно-

дорожников. В этом направлении и шла работа до октябрьских дней. Райком и Райсовет сильно укрепились в узле среди железнодорожников, главным образом, в мастерских и депо. Викжель же опирался в Москве на большинство главно-дорожных комитетов (главные дорожные комитеты Александровской, Казанской, Виндавской дорог поддерживали целиком Викжель, на Северной голоса разделились и, несмотря на то, что все революционные элементы получили на три голоса меньше, все же руководство на дороге было в их руках, а на Курской существовали два главных комитета, один целиком шел с Военно-Рев.Комитетом, а другой—с Рудневым и Рябцовым. Фактически дорога была у первых) которые на крупных станциях линии Московских дорог, а в Москве—в особенности—ни сочувствия, ни влияния не имели.

Викжель после переворота уехал в Питер. В Москве он оставил только Бюро Викжеля. В виду того, что центральный городской телеграф был против нас, то революционная Москва была совершенно отрезана от Питера. Мы попробовали установить связь с Питером через Викжель, но они нас к аппарату не допускали, а через них мы ничего не узнавали толком, поэтому в боевом органе Райсовета был поднят вопрос о занятии комнаты Викжеля, где находился аппарат с Питером, вооруженной силой. Это было бы проведено, если бы мы не узнали что у Викжеля только прибавочный телефон, а главная линия находится на Северной жел. дороге, которая находилась целиком в наших руках. Иных столкновений, посколько мне помнится, в Москве с Викжелем мы не имели. Должен еще отметить, что когда боевые органы жел. дор. района узнали, что Викжель собирается объявить забастовку, то ими была выпущена листовка против забастовки, которая была распространена по дорогам далеко за пределами московского узла.

Осип Пятницкий.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДНЯХ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В МОСКВЕ.

1. Организация Временного Рев. К-та.

В первый день, когда движение вылилось наружу и толпы рабочих массами пошли к центру, полиция пыталась этому воспротивиться. По Садовому кольцу стояли патрули и пытались не пускать массы в центр города. Значительной части все же удалось прорваться и большие массы народу скопились на бывшей Воскресенской площади у здания бывшей городской думы. Напротив у Александровского сада стояла конная жандармская часть, которая несколько раз, пока еще площадь не была совершенно полна народом, пыталась разогнать и проскакала карьером мимо толпы, не решаясь в нее врезаться. Кто-то попытался выкинуть красный флаг, но его жандармерия тотчас отняла.

Помню, как удивительно стойко стояла толпа, когда на нее скакали конные жандармы и в этом спокойствии чувствовалась сила.

Народ все прибывал, прорывая расставленные заставы, и жандармы ушли от Александр. сада в манеж.

Наиболее активной части удалось проникнуть в здание думы и там в большом зале решено было создать Временный Революционный Комитет для руководства движением.

Комитет создался тут же из представителей рабочих организаций, туда были допущены представители студенческих организаций, в числе коих были т. Бумажный, Черных, Артемьев (недавний подсудимый в процессе с.-р.) и я. Тут же части членов было поручено написать воззвание, часть осталась на месте, остальные были командированы в казармы снимать солдат, так как от этого зависела судьба дальнейшего.

2. В Казармах.

Я вместе с еще одним членом Времен. Рев. К-та с громадной толпой народа направился в Спасские казармы, дошли до казарм беспрепятственно, попытка стоящих у ворот не пустить, напором толпы была сразу смята, толпа рассеялась по корпусам, призывая солдат итти на улицу. В одном корпусе, где было много солдат, создался большой минутный митинг, на котором достаточно было краткого обращения от Рев. К-та, чтобы солдаты единодушно примкнули.

Настроение офицерства было выжидательное. Не препятствуя нам обходить казармы, они препятствовали солдатам брать оружие. Солдаты без оружия уходить не хотели. Приехавший уже к концу, когда значительная часть солдат была выведена, какой-то генерал пытался арестовать нас, но уже никто его не слушал.

Уже стемнело, когда я покинул казармы, больше половины солдат ушли, оставшаяся часть их уже не была силой, могущей выступить против революционного движения. Когда я вернулся к зданию думы, около нее уже были пушки и часовые из частей, примкнувших к революции. Манеж, где сидели жандармы, к вечеру был тоже занят.

С утра на другой день начались выборы в Московский Совет Рабочих Депутатов.

3. По фабрикам и заводам.

Агитаторские силы в распоряжении Моск. К-та к началу февральской революции были не велики. Помню на первом совещании агитаторов, собранном в Моск. К-те после переворота, с участием секретаря подпольного Моск. К-та т. Орехова (оно было в помещении Зем. союза на Маросейке, на следующий день после описанного выше) было человек 15 товарищей.

Тут были распределены районы и каждому было поручено обойти на определенной территории по возможности все предприятия, провести выборы в Совет, нащупать почву для создания ячеек нашей партии, организовать заводские комитеты. Помню свои выступления в мастерских Александровской дороги, на каком-то заводе у Бутырской заставы,

на заводе Второва, в Уваровском трамвайном парке и др. настроение было везде чудесное. Через день или два Моск. Комитет переехал в Капцовское училище. На первом же собрании Моск. К-та с активными работниками здесь было принято решение организовать ж.-д. район, для усиленного обслуживания жел. дор., для организации которого было выделено трое товарищей, в числе коих был я.

4. Поездка в Кимры.

В один из ближайших после этого дней т. Тарас (Харейчко) предложил мне, как работнику ж.-д. района проехать с ним по Савеловской дороге до Кимр, куда его командировало обл. Бюро. Мы захватили отпечатанное воззвание к ж.-д. и поехали. Распространяли дорогой воззвание, вели беседы с железнодорожниками в поезде и при остановках.

В Кимрах стояли большие воинские артиллерийские силы с броневиками. Командный состав был крайне реакционен и пытался не признавать переворота. Здесь на редкость оказались сознательными солдаты, среди них были очень хорошие товарищи, сумевшие сломить напор командного состава и организовать массу. Наиболее вредные из комсостава были ими удалены. Нами были проведены митинги в казармах и в городе, проделана порученная Тарасу организационная работа и на другой день мы вернулись в Москву. Эта часть оказалась крепко сорганизованной и в октябрьские дни. Я помню в один из последних дней Октябрьских боев в Москве из Твери приехала на Николаевский вокзал наша часть вместе с Тверским работником т. Б. (кажется Баклаев, точно фамилии его я не помню, в то время он был в Кимрах), он говорил, что они из Кимр могут сейчас же двинуть все броневики для помощи.

5. Митинг в цирке Никитина.

В ближайшие дни после переворота в Москву приехал министр путей сообщения Некрасов.

Для его встречи было созвано собрание в цирке Никитина „всех" ж. д. Моск. узла, где Некрасов, встреченный бурной овацией и приветствием от ж. д., произнесенным

неким Двумянцевым с Курской дороги, именовавшим себя анархистом, выступил с программной речью.

Весь низ цирка был заполнен ж. д. администрацией, явившейся в большинстве с женами.

Выше сидела публика поскромнее—конторщики и т. п.

На самом верху были рабочие.

После Некрасова выступали двое ораторов, фамилий коих я не помню, мне же председатель Двумянцев упорно не хотел давать слова. После моих настояний слова мне удалось добиться, и я начал говорить в первую очередь об отношении Вр. Правительства к войне.

Не успел я проговорить и 2—3 минут, как поднялось нечто невообразимое.

Сидевшие в средних рядах и в особенности в первых поскакали с мест и устроили дикий концерт.

После долгих увещеваний председателя к ним успокоиться, а ко мне—бросить говорить и уйти с трибуны, на что я, поддерживаемый голосами с галерки упорно не соглашался, я получил возможность вновь продолжать речь, но увы—она оказалась еще более короткой.

Поднялся еще более сильный шум, трибуну окружила целая толпа жел. дор. администраторов, с криками „немецкий шпион“ и т. п., одна черезчур энергичная женщина со всей силы тянула меня за пальто (которое при этом немного пострадало) с кафедры.

Растерявшийся президиум, стараясь перекричать всех, просил меня уйти. Это продолжалось до 10 минут. Увидя, что собрание уже совсем дезорганизовано и ничего не выйдет,—я ушел.

6. Организация ж. д. района.

Решение организовать ж. д. район было принято Моск. К-том в одном из первых заседаний. К организации его М. К-т был вынужден, в виду того, что территориальные организаторы не могли охватить всех запросов ж. д., сразу же начались запросы с линии, некому их было удовлетворить.

Для организации района М. К. выделил меня, Машу Черняк и Амосова, а недели через 2 тов. Пятницкого и Аронштама, только что приехавших из ссылки.

На некоторых дорогах были подпольные ячейки, но они не имели между собой связи, на большинстве—подпольных ячеек не было и надо было их создавать.

Задачей района было в первую очередь связаться со всеми дорогами, организовать везде ячейки нашей партии и через них начатьпостепенно завоевывать влияние над рабочей массой ж. д.

7. Работа по отдельным дорогам.

Казанская дор. имела подпольные организации в наиболее крупных пунктах—Моск. мастерских (т.т. Попов М., Смирнов, Давыдов и др.) и в вагонных мастерских Перово.

Одна из наиболее организованных дорог.

Представительство в Советах от главных и Перовских мастерских имеют с самого начала большевики. Одно время влияние падает в момент июльской травли, но затем быстро восстанавливается.

Казанская дорога—в дни октября оказывает громадную услугу революции тем, что во-время сумела найти винтовки и снабдить ими почти все районы. Это было в момент октябрьских боев в Москве, когда от отсутствия винтовок и патрон мы были на волосок от поражения.

Казанская дорога—первая дала пример работы по—революционному. Здесь, в ячейке Сортировочная зародилась и осуществилась впервые в трудные дни лета 1919 года идея организации субботников. Отряд рабочих Казанской дороги во главе с тов. Уткиным—нач. Красной Гвардии—дрался с Калединым, боролся против немецкого наступления на Украине, боролся против учредилки и Колчака на Восточном фронте. Почти никто из них, в том числе и т. Уткин, не вернулись, но на смену им пришли другие.

В Перове была организована партийная работа в подполье, часть товарищей уцелела еще с 1905 г. Работали в подполье товарищи Иванов, Радин, Резаков, Гинц, Плющев, Третюхин, Савельев. На первом собрании, посвященном программе и тактике партии в первые дни после переворота—народу много, обсуждение серьезное, видна подготовка.

Ячейка с самого начала довольно крупная и влиятельная. Представители в Моск. Совет—большевики, в Главный

Дорожный К-т от Перова входит большевик Иванов. Одно время влияние пошатнулось. Это было в июльские дни, собрание в мастерских даже постановило отозвать всех большевиков, но это было на короткий момент, настолько короткий, что не успели отозвать всех, как наступил резкий перелом и с этого времени Перовские мастерские идут за большевиками, идут во главе дороги в дни Октября, Перовские работники возглавляют Военно-Рев. Комитет дороги. И здесь не все уцелели. Т. Гинц, т. Плющев, председатель Главн. Военн. Рев. К-та Казанской дороги погибли, но ячейка Перова осталась крепкой, сильной и сплоченной, как и раньше.

На Александровской дороге до Революции работать было очень трудно. Там было засилие союза Михаила Архангела, искусственно насаждаемого администрацией, во главе с известным черносотенцем Орловым. Поэтому организованной ячейки нашей партии там не было, но и в мастерских и у кондукторов были группы рабочих — большевиков и сочувствующих. На первом же митинге на Александровской ж. д. я уговорился с т. Кураевым рабочим—токарем этих мастерских, собраться вечером у него на квартире и там организовать партийную ячейку.

Т. Кураев пригласил человек 14 товарищей. После беседы и обсуждения программы у 9 товарищей (Кураев, Константинов, Тихонов, Чурбанов, Алексеев, Денисюк, Прибытковский, Ушатинский, Владимиров) образовали ячейку. Из этих 9-ти—больше половины—пять (Кураев, Константинов, Владимиров, Ушатинский, Алексеев) погибли в борьбе за годы гражданской войны, но созданная ими ячейка приняла и пропустила через себя за это время до 300 новых членов партии, новых борцов, ставших на смену погибшим.

На большинстве дорог партработа среди кондукторов подвигалась очень туго, на Александровск. наоборот оказалась сплоченная группа кондукторов, ранее работавших на заводах (т. Дианов, Силаев, Лисенко, Петров, Макаров), которая сумела быстро поставить работу.

Трудно было работать нашим товарищам на Алекс. ж. д. Орловцы в большинстве быстро перекрасились в красные цвета, подделались под эсеров и создавали временами буквально погромное настроение. И всетаки наша организация

росла и крепла. Большинство рабочих к дням октября были с нами. В дни Октября александровцы организовали Ревком, захватили в свои руки дорогу, отряд красногвардейцев принял участие в общей борьбе. Насколько я помню, александровцам пришлось силами своей Кр. гвардии выдержать серьезную перестрелку с белыми, пытавшимся захватить вокзал.

В период немецкого наступления Ревком Александр. ж. д. с согласия Муралова организует бронепоезд с отрядом из рабочих дороги, который во главе с тов. Кураевым борется до конца немецкого наступления.

Северная и Савеловская дор. Московские мастерские Северной дороги были единственными в Моск. узле, которые с самого начала революции и до конца существования ж. д. района принимали наши резолюции и были целиком под влиянием нашей партии. Июльские дни 17 года, период всяческих волынок летом 18 и затем летом 19 года, мастерские Сев. дор. были всегда с нами, за них мы были спокойны. Подпольная ячейка была в депо Лосиноостровское, в Москве ячейка возникла сразу же после февральской революции.

На первые митинги, которые всегда происходили в помещении деревообделочной мастерской, приходило много из администрации, конторщиков и пытались сбить рабочих, но видя безуспешность, скоро перестали.

В дни октября Сев. дорога дала нам возможность все время сноситься с Петроградом.

На Северн. дороге было задержано несколько эшелонов войск и перехвачены телеграфные распоряжении Рябцова о присылке подкреплений.

По Сев. дор. к нам прибыли подкрепления из Мытищ, из Перловки (ополч. дружина), из Александрова.

На Брянской дороге в Москве мастерских нет, есть лишь основное депо. Здесь, как и в мастерских Северной, рабочие все время под нашим влиянием. Здесь существовала подпольная ячейка (т. Горбунов, Фонченко, Панов, Амосов, Бонопартов) работники которой, в особенности т. Горбунов, пользовались громадным личным влиянием на рабочих. В дни октября, как и на других дорогах был образован Военно-Революционный К-т, который держал в своих

руках ближайшие к Москве участки линии. Красная Гвардия Брянской дороги принимала участие в боевых действиях.

Во время боев в Москве на Брянский вокзал прибыл эшелон ударников, который пытался захватить вокзал, но подоспевшей красной гвардией был вынужден уйти.

После переворота т. Фонченко, вместе с пишущим эти строки, объезжал всю линию дороги, организуя на местах Ревкомы, проводя выборы на собравшийся съезд професс. союза мастеровых и рабочих ж. д.

При взрыве Дорогомиловского Совета в 18 году погиб Нач. Красной Гвардии Брянской дороги т. Ерофеев.

Крупнейший работник дороги, Председатель Военно-Revол. К-та тов. Горбунов, бывший в то время членом Р. К-та и М. К., умер весной 19 г. от истощения и тифа. Похороны его были одновременно с похоронами т. Свердлова.

Курская дорога в Московском узле имеет больше всего рабочих.

Здесь было несколько подпольных ячеек в Главных вагонных мастерских (Сухов, Панферов, Бычков), мастерских 1 уч. (Терехов, Кухмистеров, Гусев, Варварин, Потатков, Орещенко), в типографии (Ломский) у кондукторов Окружной (Куликов, Галкин), депо ст. Люблино (Чистов, Тихонов, Журавлев). Помимо этих ячеек в ближайшее время был создан ряд других (сл. пути, пятый уч. тяги, депо Лихоборы и др.) По числу членов партии—это была самая большая дорога.

Завоевание ее далось не сразу. Первое время с.-р. имели на Курской дороге значительную опору. Но уже в дни Государственного Совещания мастерские Курск. ж. д. по зову нашей партии дружно бастовали.

В дни Октября на Курской сопротивления было больше, чем на других. С.-р. и меньшевиками здесь был создан, параллельно нашему В. Рев. К-ту,—К-т спасения родины и революции, который при поддержке Викжеля пытался противодействовать революции. Решительность товарищей из В. Рев. К-та положила конец их сопротивлению.

На Окружной были задержаны эшелоны, вызывавшиеся Рябцовым.

Курская дорога была как-бы родительницей Союза мастеровых и рабочих ж. д. Моск. узла.

Когда Р. К-т собрал первое собрание для организации союза, большинство первых записавшихся было с Курской дороги.

Первый председатель тов. Кухмистеров—виднейший работник Курск. дор., второй председатель т. Бандура тоже с Курской дороги.

Куряне потеряли за время революции не одного работника. В числе погибших многие наиболее крупные работники дороги. В дни Октября погиб т. Зотов член Р. К-та от Курской дор., погиб в Сибири т. Чистов член Р. К-та и член Моск. К-та от ж. д., тов. Кухмистеров первый председатель союза мастеровых и рабочих и др.

На Николаевской дороге подпольной организации не было. Первоначально сорганизовалась ячейка в вагонных, затем в паровозных мастерских и в депо.

Влияние нашей партии долгое время здесь было слабое, в особенности в июльские дни 17 года. Но к октябрьской революции дорога была завоевана. Наш Военно-Рев. К-т ж. д. района в дни октябрьской революции помещался на Никол. ж. дор. в бывшем царском павильоне.

По Никол. ж. дор. к нам были пропущены подкрепления из Твери. Вокзал, охраняемый Кр. Гвардией, находился в наших руках.

Ряз. Уральская дорога, как и Брянская в Москве, не имеет пункта большого скопления рабочих, поэтому и организация нашей партии там была сравнительно небольшая, но зато чрезвычайно крепкая и дружная.

В дни Октября на Павелецком вокзале Военно-Рев. К-т под председательством т. Воропаева связался с линией, с Замоскв. Райкомом; вокзал охранялся Кр. гвардией, движение эшелонов было приостановлено. Один из товарищей уральцев погиб во время перестрелки на Серпуховской площади.

Впоследствии Р. Ур. дорога оказалась единственной дорогой, по которой шел хлеб для окруженной белыми фронтами Советской Республики и Ряз.-Уральцы справились со своей задачей.

P. S. Работе ж. д. районного Комитета и района в целом, его роли в Октябр. Рев. посвящена отдельная брошюра „Железнодорожники и Революция".

Николай Зимин.

Москва в день праздника революции.

СОЮЗ МАСТЕРОВЫХ и РАБОЧИХ МОСКОВСКОГО УЗЛА.

Перед октябрем 1917 года на железных дорогах существовали следующие железнодорожные организации: Викжель— Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников, полугосударственный, полупрофессиональный орган с его дорожными, участковыми и месткомовскими отделениями и целый ряд входящих в Викжель и в то же время организационно-обособленных профессионально-групповых союзов ж. д. (паровозные бригады, кондуктора и т. д.). Существовало профессиональное объединение и самой многочисленной группы железнодорожников—рабочих и мастеровых, оно не имело еще всероссийского центра, но зато объединяло большинство, добровольно платящих членские взносы, рабочих и мастеровых ж. д. всех служб, в двух крупнейших узлах сети российских дорог Московского узла и Петроградского. О роли вот этого Профсоюза на ж. д. в октябрьские дни и после них мне и хочется напомнить в 5-ю годовщину нашей революции. Петроградским узловым профсоюзом в то время руководили товарищи питерцы: Ананичев, Дземенович и др. Мне же, как бывшему в те дни секретарем „союза мастеровых и рабочих" Московского узла, придется ограничиться работой нашего союза по Московскому узлу.

Отмечу, что союз был организован по инициативе исполнительной комиссии райкома б-ков ж. д. Московского узла, в которую в то время входили т. т. Маша Черняк, Гриша Аронштам, Осип Пятницкий, Зимин, Люба и я. Наш союз был крепко поддержан всем райкомом ж. д. большевиков и его низовыми ячейками, густо и плотно сколоченными среди рабочих ж. д., особенно службы тяги. Союз с первых дней

своей организации и до последних дней (10 июля 1917—1919 г.) в своей работе всецело руководился райкомом большевиков ж. д. Поэтому то особенно в октябрьские дни в Московском узле так трудно было различить, где кончается союз рабочих ж. д. и где начинается райком большевиков ж. д. узла. Однако, это не значит, что в союзе членами были только большевики, (к тому времени большевиков в узле было не более 1500, а членов союза было около 20.000, платящих членские взносы добровольно с рук), это значило только, что партия в лице ж. д. райкома большевиков Московского узла крепко обросла мясом широкой союзной массы и благодаря этому она съумела и в октябрьские дни и после них справиться с колоссальной работой в узле. В то время, когда началась октябрьская неделя в Москве, как известно, Викжель и все входящие в него профсекции „завикжеляли", т.-е. объявили свой „великолепный" нейтралитет. Один только союз мастеровых и рабочих узла на заседании правления с уполномоченными постановил (пишу по памяти): „всем членам правления и уполномоченным рассыпаться на месте, тесно связаться с парт. ячейками и местными ревкомами, от имени союза способствовать всемерно организации Красной Гвардии, вместе с Ревкомами не допускать в Москву враждебных нам войск, охранять революционный порядок на железных дорогах и т. п.". Руководящим для себя органом на это время он постановил признать, выделенный Райкомом и Райсоветом, Ревкомитет ж. д. Московского узла, состоящий из т. т. Гусева, Розита, Гриши Аронштам, меня, Бутенко, Пятницкого, Зимина, Маши Черняк и Дианова. Выделить для связи с МЦБ профсоюзов—Бурова, Бандуру и др. (забыл кого еще); которые в свою очередь держат связь с Ревкомом узла; и вместе с партией и Райсоветом союз начал действовать.

В самом союзе остался только казначей т. Буров (для охраны союзной кассы), при чем, как впоследствии оказалось, он время от времени выходил на Страстную площадь (союз помещался на Бретской ул.) пострелять в разъезды казаков. Товарищи, посланные для связи с МЦБ, скоро оторвались от Ревкома. Главная же часть работы легла на узловой Ревком. И в этой работе союз мастеровых в лице большинства своей массы членов и руководителей доказал, что

он не тредъюнионистская (цеховая, крохоборческая), а боевая организация рабочего класса, вместе с партией большевиков, не стесняющаяся в нужный момент сменить оружие критики буржуазного порядка на критику его оружием. Красная Гвардия еще задолго организованная под руководством местных Ревкомов из рабочих ж. д., организованных в союз, быстро пополнялась новыми красногвардейцами, членами союза.

По первому требованию ревкома она сразу взяла на себя охрану порядка ж. д. и человек 200 прибыло в распоряжение узлового Ревкома. Со всех концов узла в помещение узлового Ревкома зазвонили в телефон местные Ревкомы, сообщая, что то там, то сям крутятся, приближаясь к Москве, благодаря попустительству Викжеля, враждебные нам войска. Наш узловой Ревком помещался на Николаевской ж. д. в Царском павильоне. На одной с нами платформе, в расстоянии саженей 25-ти от нас, находилось Московское Отделение Викжеля. Нами было заранее решено, что если хоть какое-либо сообщение с мест подтвердится о пропуске Викжелем враждебных нам войск—арестовать его и самим занять его место. Поэтому в ответ на сообщения с мест, мы тотчас же шли в Викжель и тут же при нас заставляли его заправил (Шеханова, Гара, Платонова и др.) тотчас же выяснять правильность сообщений по телеграфу. В то время союз телеграфистов, эта важнейшая и точнейшая связь, была в руках у Викжеля. Наши же рабочие не могли сами работать на аппаратах. Кругом Москвы действительно кружились разные войсковые части, в том числе и казачьи и обычно тут же при нас Викжель отдавал распоряжения (уже не раз, по его словам, отданные и раньше) о том, чтобы крутить эти части подальше от Москвы. Был один случай, когда (точно это так и не выяснилось), будто-бы по попустительству Викжеля, с Брянского вокзала под видом пассажиров, в тыл нашим хамовническим красногвардейцам, прорвалась в пассажирском поезде переодетая рота „ударников". Когда мы с тов. Ионовым, рабочим Николаевской ж. д., за это наперли на Викжель, члены его, заявляя, что это произошло помимо их воли, в то же время упрекали нас, что мы явно способствовали проезду в пассажирском поезде по Николаевской ж. д. 400 старицких саперов под видом пассажи-

ров, спешивших на помощь нам. Мы, конечно, этого не отрицали.

Когда в начале боя не хватило у наших красногвардейцев оружия, члены союза красногвардейцы Казанской ж. д. нашли на Казанской дороге 22 вагона винтовок, которыми вооружили всю Москву. Ввиду недохватка снарядов у наших войск, Ревком узла отыскал 45 вагонов таковых на Николаевской ж. д. на ст. Сходня, куда ездил я с Гамо, рабочим Николаевской ж. д., после чего они были препровождены в Москву. Казанцы с Симоновки перевезли патроны.

В самом разгаре боя, 29 октября, Викжель разослал по всем дорогам свои директивы с предложением подготовиться к стачке. В Московском узле члены партии, (они же члены союза рабочих и мастеровых) и почти все беспартийные члены союза горячей агитацией против этого распоряжения Викжеля, фактически аннулировали его. Помимо агитации из членов союза на всякий случай были организованы запасные бригады машинистов и др. Это в еще большей степени директивы Викжеля превратило в пустую бумагу.

Еще раз повторяю, что всю эту работу нашей партии легко было проводить, опираясь на массы рабочих ж. д. и в первую голову организованных в союз. По отдельным дорогам в Ревкоме сидели тогда члены союза, ведущие за собой массу. Например, на Казанской ж. д. Горбунов, Фонченко и другие; в Дорогомиловке—Ф. Панов и др.; Рязано-Уральской—Воропаев, Янин, Акимов и др.; Казанской—Мих. Попов, Плющев, Савельев, Иванов Трофим и др.; на Северной ж. д.—Палкин, Евсеев, Поздеев, Руцкий, Дубинкин. Ежак, Захаров и др.; на Николаевской—Бочаров, Мажокин, Іодзевич и др.

Когда закончилась вооруженная борьба на улицах Москвы, Питера и др. городов и надо было закреплять октябрьскую победу, союз рабочих и мастеровых в этом закреплении под руководством Райкома ж. д. сыграл не последнюю роль. Остановлюсь лишь на первом периоде.

1) Рабочие и мастеровые начали захватывать участки и местные отделения Викжеля. 2) В декабре месяце в Питере перед Всероссийским Съездом всех железных дорог состоялся Всероссийский Съезд мастеровых и рабочих, который представлял 300.000 тыс. человек и целиком пошел за нашей

партией. Кроме того этот съезд выделил на съезд всех железных дорог 78 делегатов, которые решающим образом помогли нам похоронить Викжель и взять в свои руки власть по всей сети дорог. Взяв же власть в свои руки во всероссийском масштабе, наша партия с помощью в первую голову, все того же союза рабочих и мастеровых, за которым на этот раз потянулись к нам и другие союзы (младших служащих), быстро повсеместно ликвидировали наследие Викжеля. На этом я пока кончу. Пять лет прошло с тех пор. За эти годы нашей партии пришлось проявить массу упорства и энергии в борьбе за сохранение транспорта и главной ее опорой в этой борьбе были транспортные рабочие и мастеровые.

Амосов.

НА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.

Ячейки, как таковой, на Александровской жел. дороге до февральской революции еще не существовало. Был лишь один или два товарища члены партии с 1905 г. Но когда наступило 27 февраля к нам в мастерские Александровской жел. дороги явился т. Н. Н. Зимин — член Московского Комитета и предложил организовать у нас в Главн. Мастерских ячейку. Для этой цели мы собрались в числе 10 чел. на квартире одного из товарищей, Кураева и 1 марта организовали ячейку, в состав которой вошли товарищи: Кураев, Константинов и я, остальных я не запомню. Когда у нас организовалась ячейка, то сейчас же была завязана связь с М. К. Секретарем ячейки был избран т. Кураев.

Когда в наших главных мастерских услышали о том, что в Петрограде переворот и когда на фабриках и заводах пошли разговоры, что старое правительство свергнуто, мы рассыпались в числе 4—5 по мастерским и убеждали рабочих оставить работу и выйти на улицу. Когда мы вышли на демонстрацию, нам навстречу по второй Брестской ул. ехала сотня казаков. Мы сперва остановились, но потом, набравшись смелости, подошли к ним, начали с ними разговаривать, объяснив, что мы вышли с мирными намерениями. Казаки сказали, что нас не тронут и проехали мимо, мы же пошли всей массой, около 5 тыс. человек, на Тверскую ул. Против дома генерал-губернатора был собран громадный митинг, который занял все прилегающие улицы. На этом митинге было объявлено, что свергнуто царское правительство и был оглашен список нового временного правительства.

В первые же дни февральской революции мы втроем: Кураев, Константинов и я отправились в гостиницу Метро-

поль, где раздавали оружие. Но оружия было мало и мы не получили его, однако, все таки нас послали безоруженными в числе 10 чел. забрать 2-й Пресненский комиссариат. Когда мы пришли туда с голыми руками, то у нас было настолько смелости, что прошли в казармы, где помещались городовые и потребовали у них сдачи оружия. И они без сопротивления сдали нам его. Затем мы зашли в одну из комнат, где сидел околодочный и так же забрали у него оружие, затем прошли в квартиру пристава. Таким образом мы набрали 12 браунингов и один Смит-и-Виссон. Вооружившись мы почувствовали себя спокойнее и, в предупреждение погромов, расставили посты по переулкам, примыкающим к Пресненскому комиссариату. Попытки громить тогда делались во многих местах. В частности такие погромы были на Мясницкой ул. На второй день нам из М. К. прислали одного товарища, который был назначен комиссаром Пресненского комиссариата, некоторые из товарищей с фабрик оставались при комиссариате дня 4—5. В том числе был и я. Мы несли, как бы, караульную службу.

Когда миновали первые тревожные дни, работа нашей ячейки пошла интенсивно. К нам стали примыкать еще новые члены. Мы вели агитацию, в которой нам очень помогал т. Зимин, Маша, Амосов и Пятницкий. Они к нам приходили на все митинги. С их помощью мы сорганизовали довольно сильную ячейку и благодаря ее работе наши главные мастерские и все службы не связанные с железнодорожным движением вышли со знаменем и плакатами на празднование 1 мая. Нас насчитывалось тогда около 5 тысяч человек.

Когда наступили тяжелые июльские дни начал наблюдаться отлив членов из нашей партии. До этих событий нас было, кажется, человек 20—25, а после осталось не больше 12. Остальные, даже те, которые выступали на организационном собрании 1 марта, даже и те ушли.

В выборах в районные Думы наша ячейка тоже принимала большое участие. Главным образом энергично действовал в этой области бывший рабочий нашего завода т. Николаев, который во время февральской революции работал на заводе Дукс и которого рабочие наших мастерских помнили с 1905 г. На митинге по поводу выборов в районные

Думы у нас была отчаянная борьба с левыми с.-р. и меньшевиками. Там выступал Гольдштейн и некоторые меньшевики, но все таки им не удалось провести свою резолюцию, которую Николаев и другие товарищи провалили, прошла наша резолюция и в районные думы были избраны исключительно большевики.

Перед октябрьским переворотом настроение среди рабочих и среди ячейки стало повышаться и к нам начали прибывать новые члены партии, примкнуло человек 10. К моменту октябрьской революции у нас в ячейке было все таки не больше 20 чел. и перед самым октябрьским переворотом у нас шли долго разные собрания и совещания. Когда был выкинут лозунг: „Вся власть Советам", этот вопрос горячо обсуждался и у нас в ячейке. Мы собирались в местном комитете, в токарном цехе. У нас был чердак, на этом чердаке мы совещались и обсуждали какой тактики нам держаться. Накануне октябрьского переворота у нас состоялось последнее совещание, на котором мы решили организовать у себя на жел. дороге железнодорожный военно-революционный комитет. Были намечены туда 5 товарищей. На следующий день был созван митинг в мастерских. Здесь прошли все товарищи, которые были нами намечены. Не прошел ни один с.-р. или меньшевик. И вот на следующий день эта пятерка, (в нее входили т.т. Лопатин, Константинов, Егоров и Б.) явилась в клуб, который был нами организован в бывших царских комнатах и в царском павильоне и начали совещаться, где же нам образовать свой Ревком. Решили образовать его в клубе (я был тогда председателем этого клуба), потому что другого помещения не было. У нас было только два револьвера с пятью патронами (системы Наган), но мы считали этого мало и обратились за оружием в главный дорожный комитет. В этом комитете было засилье с.-р. Мы стали требовать от них, чтобы они дали нам оружие, полученное ими от начальника администрации в количестве 25 револьверов (Наган). Они противились, но мы настояли и оружие получили. После этого мы пошли в главные мастерские и начали вести агитацию за то, чтобы товарищи рабочие записывались в красную гвардию. Это нам удалось. И когда мы привлекли 10 товарищей в красную гвардию, то сейчас же был

образован Военный Революционный Комитет. Комитет был организован довольно громоздкий в числе 16 чел.

Работа этому комитету выпала очень ответственная, потому что, как известно, во время октябрьского переворота уже шла демобилизация армии и при этом враждебные нам эшелоны шли на помощь юнкерам: в Москву шло 17 эшелонов драгун, казаков и гусар. Когда мы об этом узнали, мы сейчас же связались с Московским Штабом, в котором был т. Муралов. Последний дал нам в помощь двух агитаторов и мы послали трех товарищей им на встречу под Гжатск, уговаривать их. Но мы все таки решили на случай того, что если уговоры не помогут, не мешает нам железнодорожный путь разобрать, поэтому мы отправили целый поезд с рабочими и разобрали путь под Гжатском. Так что дальнейшее их следование было прекращено. В числе этих эшелонов была преимущественно кавалерия, уговорить их все таки удалось, они остались там в районе Гжатского уезда и расквартировались. Некоторые даже, а именно — два казачьих полка отправились обратно на Западный фронт.

Вообще работать тогда было трудно, потому что нас было все таки очень мало, хотя к нам на помощь и приходил Бутырский район и потом Сущевский. Бутырский прислал нам около 30 красногвардейцев. Нашей задачей было, главным образом, защищать вокзал и не отдать его юнкерам. Задачу эту мы выполнили, хотя один раз было нападение на вокзал, но это нападение мы отбили. Это происходило как раз в тот момент, когда мы получили из Московского райкома 80 винтовок и приступили к вскрытию ящиков, в это время на нас напала какая то банда. Когда мы спешно начали открывать ящики с патронами, в них оказались вместо ружейных патронов револьверные. Но все таки паники не было. Кое-как нам удалось оправиться. Мы схватили итальянские винтовки Ветерле и рассыпались около входа в клуб, заняли все выходы и отстреливались в течение трех четвертей часа. После этого банды ушли. Вот собственно все, что я могу сказать об этом периоде.

Тихонов.

———

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ.

(В Благуше-Лефортовском районе *).

РСДРП (большевиков) в этот период играла доминирующую роль: она организовывала рабочие и солдатские массы, она помогала их мысли выйти на правильный, революционно-пролетарский путь, она была во главе их в великие, решающие дни борьбы за диктатуру пролетариата. Поэтому начнем с нее.

Московская большевистская организация в период, непосредственно предшествовавший февральской революции 1917 г. была слаба. Как раз в это время она была разбита арестами и сделанные попытки воссоздать ее к февральской революции не увенчались успехом.

На фабриках и заводах почти не было сколько-нибудь организованных ячеек, политически неблагонадежные лица усиленно преследовались. Единственным исключением служил Московский Союз Потребительных Обществ (М.С.П.О.), где нашли себе приют многие партийные интеллигенты и рабочие, ограниченные царским самодержавием в своем праве свободно избирать себе место работы. МСПО был общественным учреждением, руководимым либералами и будущими социал-патриотами, благодаря чему являлась возможность некоторым партийным товарищам получить работу в этом учреждении. Впрочем, они и там находились под неослабным наблюдением охранки, что доказывали их периодические аресты, а также нахождение среди служащих МСПО провокаторов, обнаруженных после февральской революции.

---

*) Бл.-Леф. район весной 1920 г. объединился с Басманным под названием „Баумановского" района.

В первые же дни после февральской революции, когда партия получила возможность выйти из подполья, здесь сорганизовалась крупная ячейка. За неимением в районе другой столь же крупной партийной ячейки, она взяла на себя создание партийной организации во всем районе, и выбранный ею комитет представлял комитет района. Границы этого района сразу определились, как охватывающие территорию пяти бывших полицейских участков: Черкизова, Благуши, 1-го, 2 го, 3-го Лефортовских. Бюро Районного Комитета находилось в помещении М.С.П.О.

Первое время в организацию входили как большевики, так и меньшевики. Отмежевание произошло в конце марта. Именно, 26 марта было общее собрание членов партии района, на котором тов. Миллер сделал доклад о современном политическом моменте. Были предложены две резолюции об отношении к Временному Правительству. За нашу резолюцию голосовало 86 голосов, а за резолюцию меньшиков 7 голосов. На следующем собрании 27 марта, где т. Краузе—Пельше делал доклад о войне, меньшевиков уже не было. Они вышли из нашей организации и образовали свою отдельную—им было с нами не попути.

Следует указать, что организация района, в лице ее партийного комитета, несколько раз переменяла место своего нахождения в поисках центрального пункта удобного для всех находящихся на окраине района ячеек. К таким исканиям толкала еще необходимость более тесного сожительства с Районным Советом и районными отделениями Проф. союзов. Найти в это время подходящее помещение было очень трудно. Наконец, в средине апреля (во всей статье даты по старому стилю) Бюро районного комитета переводится в Введенский Народный Дом, где находился Районный Совет и отделения некоторых профсоюзов, и почти ежедневно по вечерам происходили многолюдные рабочие и солдатские митинги.

В конце апреля, после слияния Лефортовского и Благушинского Районных Советов, в Исполком прошло подавляющее большинство меньшевиков и эсэров. Как это произошло, будет сказано впоследствии. После двух—трех недель существования бюро в Введенском нардоме, оно вынуждено было перейти в Преображенский нардом, причем переход

этот совершился почти явочным порядком; 20 апреля Исполком признал необходимым реквизировать помещение Преображенского нардома для нужд вновь возникающих общественных организаций Черкизовского подрайона и войти с отношением в Реквизиционную Комиссию Комитета общественных организаций; 24 апреля Исполком, заслушав внеочередное заявление т. Соловьева, члена нашей партии, о необходимости произвести приемку Преображенского нардома, поручил ему эту приемку. Наш Комитет, по соглашению с некоторыми районными отделениями Профсоюзов (металлисты, текстильщики, пуговичники и крючечники) занял совместно с ними этот дом, распределив между собою помещение, устроил в нем книжный склад и чайную—клуб. Это вызвало протест меньшевистско-эсэровского Исполкома, который на собрании своем от 29 апреля вынес следующую резолюцию: „Ввиду поступившего заявления, что в Преображенском нардоме открылся клуб фракции большевиков и ввиду протеста, поступившего со стороны др. партий, постановлено: Принять меры к тому, чтобы превратить этот клуб в беспартийный рабочий и предоставить помещение его для всех социалистических партий“. Но дело было уже сделано и Преображенский нардом остался за нами и упомянутыми выше профессиональными организациями.

Однако, уже во второй половине сентября наш Районный Комитет и книжный склад, расположенные не в центре своего огромного района, были перенесены на Покровскую ул., д. № 86.

Первыми шагами партийной организации района было собирание членов партии в одно организационное целое, а также прием новых членов. Эта организационная работа в главном была выполнена к средине апреля. Точное количество членов партии в первое время установить нельзя. 12 марта мы имели сведения об организации ячеек на 5 заводах с общим количеством членов до 61 челов. Вскоре после выхода из подполья она выросла, вероятно, до 300 или 350 чел., судя по тому, что на собраниях 26—27 марта присутствовало 220—250 человек, затем наша организация быстро продолжает расширяться и на собрании II/VII присутствует уже больше 600 чел., такое же количество было и на собрании 26/VII; к Октябрьской же революции число

членов партии возросло до 1500—2000 чел. Организационная работа состояла как в работе на фабриках и заводах так и в созыве организаторов партийных ячеек. На этих собраниях Комитет через свою организационную комиссию давал товарищам инструкции по работе. Общее собрания членов партии, которые созывались в этот период времени также в значительной степени были посвящены организационным вопросам. Так, общее собрание 26 марта имело следующий порядок дня: 1) Доклады с мест, 2) Доклад районного комитета, 3) Доклад Московского Комитета, 4) Об уставе, 5) Выборы в Районный Комитет, 6) Текущие дела.

Этому Собранию предшествовал созыв 25 марта организаторов всех партийных ячеек района, положивший начало, так называемым, делегатским собраниям того времени. Аналогичное собрание представителей всех заводских социал-демократических большевистских групп происходило также 7 апреля по вопросу о выборах в Районный Комитет и в Редакционную Коллегию газеты „С.-Д.". А 9 апреля было общее собрание со следующим порядком дня: 1) Доклад о конференции, 2) о первом мая, 3) организационный вопрос и выборы Районного Комитета, 4) об издательском фонде, 5) текущие дела. Такое же собрание организаторов фабзав, партийных ячеек, созванное для обсуждения организационных вопросов, было 17 апреля. В общем можно считать что к этому времени важнейшая часть работы по организации и собиранию партийных сил уже была сделана.

Затем наша организация обратила серьезное внимание на выработку среди членов партии правильного революционно-пролетарского понимания всех явлений быстро-текущей жизни. Часто происходят собрания пропагандистов и агитаторов района. Одно из таких собраний было, напр., 16 апреля, 20 апреля происходит собрание районного комитета с коллегией пропагандистов и агитаторов для обсуждения известных тезисов т. Ленина. На собрании 30 апреля, после обсуждения тезисов т. Ленина, принята следующая резолюция: Собрание членов Р.С.Д.Р.П. (большевиков) Лефортовского района, заслушав доклад о 30-ти летней деятельности тов. Ленина в рядах Р.С.Д.Р.П. и обсудив его „тезисы", постановило приветствовать тов. Ленина, как передового борца революционного пролетариата, как выдающего вождя

Интернационала, всегда верно указывающего путь для движения рабочего класса и для дела революционной социал-демократии. На этом же собрании вынесено постановление об открытии партийного клуба, а также об учреждении делегатского собрания в качестве подсобного органа при организационной комиссии, для проведения в жизнь на местах партийных постановлений и рассмотрены другие организационные вопросы. Для членов партии ставится целый ряд докладов по вопросам текущей жизни: напр., 21 апреля по вопросу о демократизации гор. самоуправления, 22 апреля о „займе Свободы", 26 мая о братании, 27 мая „война и наше отношение к ней", 28 мая—„История большевизма", 29—„О земле" „Об экономическом положении России". Эта работа не прекращается, конечно, и впоследствии.

Для углубления партийного самосознания в начале мая приступлено было к организации районной партийной школы. В конце мая открыта запись, как в Районную, так и в школу МК, устраиваемую для нашего района и двух других. Районная партшкола открылась лекциями по вопросу о выборах в Гор. Думу (платформа, техника избирательной кампании и т. д.), которые тогда как раз предстояли.

Нужно отметить также работу партийной организации по распространению партгазет и журналов, которые при коллективной подписке фабрик и заводов и воинских частей распространялись среди подписчиков через районные комитеты. Это было сорганизовано приблизительно с июня. Что касается распространения партийной и вообще революционной литературы (книг и брошюр), то благодаря близости Районного Комитета к Союзу П. О-в и его книжному складу, оттуда был извлечен целый ряд революционных брошюр, положивший основание созданию собственного книжного склада. Этот склад был устроен сначала на 1 Переведеновской. Помещение собственно для склада было не совсем удобно, но это помещение имело подвал, в котором конспиративно хранилось небольшое количество имевшегося у организации оружия. Затем, склад был переведен в Преображенский нардом, а потом на Покровскую улицу, в д. № 86. Книги и брошюры продавались на месте в книжном складе и в Введенском нардоме, на митингах и собраниях, распространялись через представителей фабрик и заводов; выпол-

нялись также заказы за пределы Москвы. На складе имелись все номера журнала „Спартак“, „Жизнь Работницы“, Органы Профсоюзов и принимались заказы по составлению и пополнению рабочих библиотек.

В период первой половины мая Районный Комитет, деятельность которого расширяясь вызывала денежные издержки, вынужден был обратить внимание на пополнение своей партийной кассы. Для этой цели был поставлен ряд платных лекций: 4 мая лекция т. Полидорова „Воспоминания о каторжной тюрьме“—„в когтях неволи“, 7-го лекция т. Знаменского „Тайные договоры в Международной политике“, 13 мая лекция т. Фрадкина—Волина „О выборах в городское самоуправление“. Все лекции происходили в Введенском Нардоме. Впоследствии с этой целью любителями, организованными при районном комитете, были поставлены спектакли в Введенском Народном Доме, напр., „Ледоход“ драма из эпохи освободительного движения 1905 г. и драма Юшкевича „Голод“.

В июле месяце, когда „Социал-Демократу“ грозила участь прекратить свое издание ввиду отказа типографии его печатать, согласно призыву М. К. была предпринята кампания по сбору 150000 р. фонда на приобретение собственной типографии. Везде на фабриках и заводах, в казармах и на митингах члены нашей партии производили сбор в фонд газеты, на что рабочие и солдатские массы откликались весьма сочувственно. Вопрос этот обсуждался на общем собрании членов партии II/VII и было решено произвести однодневное отчисление заработка каждым членом партии в фонд типографии и пустить подписные листы по фабрикам и заводам для сбора среди всех сочувствующих.

Районная партийная организация принимала также деятельное участие во всех демонстрациях рабочего класса, которые устраивались в Москве. Следует отметить характерный эпизод, происшедший с нашим районом во время демонстрации 12 марта, закреплявшей победу рабочего класса над царизмом: на Лубянской площади от угла Лубянского Пассажа на Китайскую стену был перекинут огромнейший плакат „Война до победного конца над тевтонами“. Наш район сначала упорно отказывался пройти под этим плакатом и хотел было его снять, но это не удалось.

Мы участвовали также в первомайской демонстрации 21 апреля, выступавшей с требованием устранить Правительство Милюкова и Гучкова, в демонстрации 14 мая с протестом против смертного приговора над Фридрихом Адлером. 4 июля состоялась демонстрация членов нашей партии по поводу Питерских событий. Демонстрация в нашем районе произошла после общего собрания членов организации, после которого они и двинулись в центр города. Пока демонстрация проходила по окраинам Москвы, она шла беспрепятственно, но чем ближе она пододвигалась к центру, тем озлобленнее и ожесточеннее были нападения на нее буржуазных клик. Оскорбления, удары сыпались со всех сторон, и в конце концов демонстранты были рассеяны на мелкие группы.

Одна из важнейших работ, которую проделала наша районная организация с самых первых дней ее возникновения,— это выяснение широким массам рабочих и солдат всех, быстро сменяющихся, событий, разъяснение лозунгов нашей партии, разоблачение буржуазных и социалсоглашательских позиций и политики Временного Правительства—словом широкая агитационная работа, привлекавшая тысячи и тысячи слушателей (с 4 по 25 мая проведено было 145 таких митингов). Отметим некоторые из них и в первую голову происходившие почти ежедневно в Введенском Нардоме, вмещавшем в себе 2000—2500 чел. Так, 8 марта был митинг „О гражданских свободах“ и о лозунге „Долой Войну“. На этом митинге был произведен сбор в пользу амнистированных, 10 марта митинг, созванный латышской организацией, 16 марта митинг по вопросу об отношении к войне, 26 марта в Введенском нардоме собрание рабочих военно-промышленного завода и некоторых других, тут был произведен сбор на посылку «Соц. Дем.» солдатам в окопы. 9 апреля на Семеновской пл. собрание по вопросам о войне, учредительном собрании, временном правительстве; 16 апреля там же вынесен привет т. Ленину и резолюция об отношении к „займу свободы“; 13 апреля „О займе свободы“ в Введенском нардоме; 19 апреля по земельному вопросу; 21 апреля приветствие т. Ленину; 22 апреля о текущем моменте; 22 мая „О каолиционном министерстве“; 18 июля там же „В трехлетнюю годовщину войны“, „О событиях на

фронте и современном положении России" и целый ряд других митингов и лекций. Настроение этих собраний, а также и фабрично-заводских, число которых было очень велико, давали яркую картину боевого революционного настроения рабочих и солдат нашего района. Меньшевики и эсеры, которые выступали на этих многолюдных, всем доступных собраниях, не пользовались никаким успехом и наша точка зрения неизменно принималась слушателями. Даже когда меньшевики и эсеры ставили свои митинги, т.-е. выставляли своих докладчиков, собрание принимало нашу резолюцию. В этом отношении характерен митинг 3 мая в Введенском нардоме, где состоялась лекция эсера Будкевича по аграрному вопросу. Попытки эсеров сорвать митинг, что они пытались сделать, когда почувствовали, что настроение собрания не на их стороне, не удались. И после выбора нового председателя собранием были приняты наши резолюции по земельному вопросу и о братании на фронте.

Лефортовская районная организация первое время после революции была довольно богата пропагандистскими и агитаторскими силами и обслуживала не только свой район, но и другие районы г. Москвы. Ее агитаторы выезжали за пределы Москвы, напр., в Царицыно, во Всехсвятское, в Пушкино, Болшево, Щелково, Мытищи, Калошино и др., а также обслуживали соседний Басманный район, случалось выступали и в Сокольническом и в Рогожском районах, и на военных митингах в Спасских и Астраханских казармах. На агитационную работу среди воинских частей было сразу обращено самое серьезное внимание. Был проведен целый ряд митингов, собраний, из которых отметим некоторые; так, 12 марта на собрании 84 зап. пех. полка в Сокольниках присутствовал представитель нашего районного комитета. Собрание было занято обсуждением приказа полковника Сушильникова, в котором было заявлено, что командующим войсками округа пока приказано сохранить старый устав, что, конечно, взволновало солдат, т. к. 5/III был приказ командующего войсками Грузинова об отмене чинопочитания вне службы. Собрание приняло следующую резолюцию: 1) все приказы, исходящие не от официальных представителей Совета Р. и С. Д. или Военного штаба, не имеют никакого значения. Что же касается приказа полковника Сушильни-

кова, решено обратиться в Совет Р. и С. Д, чтобы подобные случаи не имели места, 2) Московский гарнизон должен быть гарантирован от высылки в другие места, впредь до установления нового воинского устава, тем более нежелательно изъятие отдельных частей или лиц.

2-й пункт этой резолюции объясняется тем, что уже тогда начала намечаться борьба буржуазии и штаба округа против революционно настроенных частей и отдельных наиболее выдающихся солдат, путем высылки их на фронт и другие места под предлогом военной необходимости, с чем, конечно, не могли согласиться эти части и отдельные солдаты. Это требование повторяется и в других резолюциях. На общих митингах в Введенском нардоме обычно присутствовало много солдат, но кроме того устраивались и специальные воинские митинги. Так, 20 марта в Введенском нардоме состоялся специально солдатский митинг, обсуждавший солдатские дела. Подобный же митинг можно отметить еще 10 мая в этом же помещении. 16 мая состоялся митинг команды и больных Моск. Воен. Генерального госпиталя, происходивший благодаря громадному количеству собравшихся на открытом воздухе. Присутствовали представители нашей партии, меньшевиков и эсеров. Обсуждались вопросы об отношении к войне, к займу свободы, ко временному правительству. Принята наша резолюция, требующая перехода Власти к Советам. Этот митинг носил обще-политический характер. Предыдущие же митинги касались, главным образом, солдатских дел, мы остановимся на них несколько подробнее. Митинг солдат в Введенском нардоме 20/III коснулся тех же больных вопросов, что и собрание 84 пех. зап. полка, а именно, отправки на фронт. Принята следующая резолюция: „Мы, солдаты революционной армии Московского гарнизона, заявляем решительный протест против отправки на фронт солдат революционной армии и настаиваем на том, что в первую голову должна быть отправлена полиция. 2) Никто из полиции не должен иметь руководительства в частях, а должны быть только на правах рядовых. Затем мы высказываемся за то, чтобы наш Сов. Сол. Деп. заседал совместно с Советом раб. деп., ибо задачи наши общие. 3) Послать приветствие Петроградскому соединенному Сов. Раб. и Сол. Деп. и просить принять меры

против контр-революционных выступлений Моск. Воен. Штаба, выражающихся в отправке на фронт революционных войск и отдельных солдат, и оставляющего в неизвестности вопрос об отправки полиции. Мы заявляем, когда от нас потребуется защита добытой нами свободы, мы умрем с оружием в руках, но не отдадим себя в руки врагам свободы, кто бы эти враги ни были".

На митинге 10/V в Введенск. нардоме обсуждался наказ делегатам в Сов. Р. и С. Деп., который был напечатан в № 51 „Правды"; он и был принят собранием с дополнением пункта, трактующего о солдатских нуждах, как-то: жалование, обеспечение семей и воинов, пострадавших от импер. войны и т. п. Наконец, приведу резолюцию, принятую по докладу Ярославского в 3-х летнюю годовщину империал. войны на общегражданском митинге в Введенск. нардоме, 18/VII. К этому времени Времен. Пр-во уже развернуло свою систему удушения всего революционного в армии путем репрессий против солдатских организаций, недопущения револ. печати, травли большевиков, а венцом всех этих мер явилась смертная казнь. Все это делалось под предлогом упадка дисциплины в армии, которая отказывалась перейти в наступление, отказывалась от пролития крови в угоду русской и союзнической буржуазии. Как выход, намечался принцип выборности должностных лиц, перемирие и передача власти Советам. Вот эта резолюция:

1) „Горячо протестовать против введения смертной казни, как меры неспособной создать здоровую дисциплинированную армию, и в то же время, направленной в значительной степени, против наиболее способных, сознательных в отстаивании народных прав, элементов армии; требовать демократизации армии с применением принципа выборности должностных лиц.

2) Призывать т.т. поддерживать всеми силами необходимую для революционной армии дисциплину, основанную не на страхе перед наказанием, а на сознании революционного долга, вместе с тем протестовать против всех тех мер, которые под видом оздоровления армии направлены к лишению политических и гражданских прав солдат, рабочих и крестьян—закрытия социалистических газет, ареста членов

социалистич. партии, разгона армейских комитетов, травли интернационалистов и в особенности большевиков.

3) Протестовать против попытки передачи власти вековечным врагам и эксплататорам народа,—классам, которые и впредь стремятся к подавлению революции и к угнетению народных масс.

4) Готовиться к завоеванию всей власти органами революционной демократии, передачи ее в руки социалистического большинства, ответственного перед Сов. Раб. и Сол. Депутатов.

5) Требовать, чтобы правительство, как и вся революционная демократия, направила все силы на то, чтобы добиться перемирия на всех фронтах для переговоров о мире между народами".

Здесь завязывались и укреплялись связи парторганизации с солдатскими массами и ее отдельными, наиболее сознательными представителями. Необходимо было эту связь закрепить организационно. В средине мая было приступлено к созданию военной партийной организации. 17 мая в Преображенском нар. доме состоялось собрание солдат большевиков Лефортовского района, на котором присутствовало свыше ста человек от 8—10 воинских частей (84 пех. зап. полка, 1 зап. телегр. полк, 661 Калужск. дружины, Преображенский военный гараж, мастерские тяж. осадной артил. команда Суворовского кадетск. корпуса, Генеральный военный госп. и др.). Было признано необходимым устройство военной районной организации, а план деятельности поручено выработать тут же избранной комиссии. Этим собранием работа среди воинских частей района была ул жена в организационные формы. 20 мая на собрании членов партии района был поставлен доклад о военной районой организации, был принят и одобрен устав военной организации, выработанный вышеупомянутой комиссией и решено ввести в комитет представителей от наиболее крупных ячеек, по одному от каждой. 24 мая собралось второе собрание военной организации, обсужден вопрос о выборах от воинских частей в Районный Совет, а также и вопрос о войне. С этого времени работа стала итти среди воинских частей усиленным темпом и более планомерно и продуктивно, чем раньше.

Парторганизация, развертывая свою работу среди широких рабочих масс, должна была естественно оказывать свое содействие всем близким ей по духу и задачам рабочих организаций в первую очередь—Союзу молодежи и Профсоюзам. В начале августа состоялось учредительное собрание Лефортовского районного Социалистического (Интернациолистического) Союза молодежи. Собравшаяся молодежь сразу стала на точку зрения революционной С.-Д., решив единогласно послать приветствие газете „С.-Д". Союз поместился в Преображенском нар. доме, где находилось и бюро нашей парторганизации и работал под ее идейным руководством и в тесном контакте с ней. Районная организация молодежи приняла название „3 Интернационал". Для молодежи в Преображенском нар. доме устраивались лекции, напр., 26 августа на тему „Текущий политический момент в связи с 3 Интернационалом", 2 сентября на тему „Долой большевиков" и др. С тех пор организация союза молодежи непрерывно развивалась и работала в контакте с партийной организацией.

Что касается работы в профессиональном движении, то целый ряд районных отделений профессиональных союзов находился под непосредственным влиянием партийной организации и правления профсоюзов сразу же составлялись из членов нашей партии. Два наиболее крупных союза, металлистов и текстильщиков, были открыты по инициативе нашей партии, созвавшей в конце марта в Введенском нардоме через районный совет организационное собрание металлистов и текстильщиков. Некоторые профессиональные союзы, как сказано выше, находились в одном помещении с бюро Районного комитета—сначала в Введенском нардоме, а затем в Преображенском. Районный комитет внимательно следил за работой профсоюзов, всячески их поддерживал, проводил через них свое идейное влияние путем распространения литературы, выступления на делегатских собраниях, опирался на них во время устройства демонстраций, проведения выборных компаний в Гор. и Районную Думы. Правления Лефортовских отделений профсоюзов текстильщиков, рабочих кожевенного производства, пуговичников и крючников постановили голосовать за наш список № 5 в Гор. Думу. Эти решения правлений союзов были подтверждены

потом и делегатскими собраниями. При составлении списков в Район. и Гор. Думы включались и кандидаты профсоюзов.

Партийная организация принимала участие и в работе районных дум, которые, как известно, возникли в первые дни после февральской революции путем делегирования в них представителей не только пролетарских, но и буржуазных организаций. Впоследствии пролетарский элемент был в них увеличен представительством от крупных фабрик и заводов, но составить чисто пролетарские думы во главе с рабочими большевиками не удалось. Пополнение районных дум рабочими произошло во второй половине апреля, в чем уже ранее чувствовалась необходимость. Толчком к этой работе в общегородском масштабе послужил следующий призыв М. К. нашей партии: 1) Идите в ваши комиссариаты. 2) Узнайте, как организованы ваши районные думы. 3) Отправляйтесь в думы с мандатами от наших партийных организаций, профессиональных союзов, клубов, заводских комитетов и т. п. 4) Каждая общегородская организация шлет по одному, а каждая местная по 5 представителей в Районную думу.

Районная партийная организация серьезно отнеслась к этому призыву и результаты этого отношения скоро сказались. Так, во 2-й Лефортовской думе, где было около 50 гласных из буржуазии, на заседание 16 апреля явилось сразу свыше 80 представителей пролетарских организаций. В результате большинство гласных—соц. дем.—большевики и председателем был избран рабочий. Тоже самое произошло и в первой Лефортовской районной думе и 3 мая были произведены перевыборы временной управы. Большевики составили свой список, а эсеры сблокировались с буржуазией (домовладельцы, трактирщики и проч. цензовики). За наш список было подано 42 голоса, за блок 28. Из одиннадцати членов управы наших вошло 7. Выборы в районные думы от фабрик и заводов и от районных отделений профсоюзов происходили при участии партячеек, выставлявших своих кандидатов. Из 5 районных дум, находящихся в нашем районе, во второй и первой Лефортовской думах было большинство членов нашей партии и управы также состояли из них. Благушенская же дума была за-

хвачена эсерами, Черкизовская и 3-я Лефортовская буржуазными и мелко-буржуазными элементами, хотя и со значительным участием рабочих.

Районный Совет, в Исполкоме которого наши товарищи в первые недели революции были в большинстве, также старался оказать влияние на состав и деятельность районных дум, для чего имел муниципальную комиссию. Так, 15 апреля эта комиссия созывала собрания всех рабочих и представителей социалистических организаций, избранных в участковые думы Лефортовского района для обсуждения вопроса о работе районных дум. Те районные думы, где были представители нашей партии в большинстве, занимались не только практическими, хозяйственными вопросами, но и политическими вопросами текущего момента. Так, районная дума Лефортовского участка в заседании своем от 27 апреля обсуждала вопрос об отношении к временному правительству в связи с его конфликтом с Сов. Раб. и Сол. Деп. по поводу ноты Милюкова иностранным державам и вынесла следующее постановление: „Мы выражаем Временному Правительству свое недоверие и утверждаем, что вопрос о мире, а с ним и все другие могут быть разрешены в интересах демократии только правительством вышедшим из широких демократических народных масс—Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов".

С первой половины мая началась избирательная кампания в гор. Думу, в чем парторганизация приняла деятельное участие. Подготовительные шаги выразились в целом ряде, следующих одно за другим партсобраниях. Так, Райком 7 мая собирает всех партийных товарищей, работающих в участковых думах и желающих принять участие в муниципальной работе, в выборах в Гор. думу. Такое же собрание собирается и 11 мая для обсуждения вопроса об избирательной кампании и платформе. Собрание это обсудило вопрос о работе существующих районных дум и постановило усилить пролетарский элемент в 3 Лефортовской и Черкизовской думах. По вопросу о выборах в Городскую думу оно высказалось против блока с другими социалистическими партиями и против предполагавшейся, но не состоявшейся попытки меньшевистко-эсеровского Совета выставить общий социалистический список.

Затем, начинает работать особая муниципальная комиссия при Райкоме, составленная по одному представителю от каждой фракции Районной думы. Первое собрание этой комиссии было 14 мая. Еще более широкие собрания по этому же вопросу происходили и дальше. Так, 19 мая Райком и фракция большевиков Районного Совета созывают собрание делегатов от партийных, заводских и солдатских ячеек, членов фракции совета и всех большевиков, работающих в районных думах и желающих принять участие в муниципальной работе. В порядке дня ставится вопрос о выборах в Гор. Думу. Наконец, непосредственно перед выборами при бюро Райкома устанавливается дежурство для выдачи избирательной литературы и всяких справок по вопросу о выборах в Гор. думу. Агитацонно-избирательная кампания была открыта 13 мая митингом—лекцией т. Фрадкина-Волина „О выборах в городскую думу“ в Введенском Народном доме. Затем, произошел целый ряд митингов, фабрично-заводских и военных собраний, где члены нашей партии защищали свою платформу и вели ожесточенную дискуссию с меньшевиками и эсерами. В качестве докладчиков и ораторов выступали наши агитаторы—работники районных дум и товарищи из Районной партшколы, прослушавшие ряд лекций, связанных с выборами в Гор. думу. Наш список собрал 75400 голосов и мы провели в гласные 23 большевика. Из нашего района было выбрано 3 товарища: А. А. Знаменский (член М. К. от нашего района), Бондаренко (рабочий) и т. Есин (солдат из Преображенского Военного гаража). Количество голосов, поданных в районе за большевистский список доходило, насколько я помню, до 16000.

Что касается выборов в Районные думы, то эта избирательная кампания производилась еще с большей интенсивностью, чем в Гор. думу. В нашем районе из Благушенской, Черкизовской и 2-й Лефортовской дум должна была составиться одна дума (8 Преображенская). Первая и 3-я Лефортовская совместно с 1-й и 2-й Басманной должны были также составить одну думу (10 Басманную).

27 августа состоялось собрание муниципальной комиссии при Райкоме. На это собрание были приглашены представители от наших фракций при профсоюзах района, от фракций всех районных дум, в том числе и от 1 и 2 Басман-

ных, от польской, литовской и латышской секций. Были приглашены представители и Басманного райкома. В порядке дня был вопрос о выборах в районные думы и намечение кандидатов, в качестве которых мы выставили лучшие партсилы нашего района. По обоим районам (8 и 10 думы) наша партия получила на выборах абсолютное большинство голосов, от 65 до 70% всех избирателей. Особенно выделилась Благуша, с ее рабочим населением, где за наш список было подано около 77% всех голосов. В результате в обоих думах были избраны чисто большевистские управы, составленные, главным образом, из товарищей, ранее работавших в районных думах. Намечение кандидатов управы происходило по соглашению фракций районных дум с Райкомом. Районные думы этого созыва работали в гораздо большем контакте и при непосредственном влиянии парторганизации, чем думы первого созыва. При думах были организованы фракции, которые регулярно собирались с представителями Райкома и обсуждали предварительно все вопросы, как практической работы, так и политического момента, которые потом обсуждались на собраниях Районных дум.

На работу в Районном Совете сразу было обращено районной парторганизацией особо серьезное внимание. Районный Совет возник в самые первые дни февральской революции. Уже 4 марта состоялось первое собрание Районного Совета, созванное временным организиционным Комитетом, первое заседание которого было 2 марта. На этом собрании присутствовали представители от 16 фабрично-заводских предприятий и был избран временный Исполнительный Комитет из 17 лиц, в который вошли в большинстве большевики. Теперь началась, главным образом, организационная работа, целью которой было привлечь всех рабочих и солдат района к выборам в Районный Совет. Выборы эти, происходившие под влиянием нашей организации и партячеек, давали в большинстве случаев депутатов нашей партии, и настроение районного совета, как это обнаруживалось при обсуждении всех рассматриваемых вопросов, было резко-революционное. К средине апреля эта организационная работа была уже вполне проделана. Совет помещался в Введенском нардоме, имел некоторое число посто-

янных работников, как-то: секретаря и делопроизводителя Исполкома, секретаря и делопроизводителя Комиссии труда, которая занималась разбором конфликтов между рабочими и предпринимателями, муниципальной комиссии и некоторых других. Чтобы закончить собирание района в одно целое оставалось только соединиться с Благушенским районом, где на территории одного комиссариата, сорганизовался свой Совет в то время, как в Лефортовский Совет входило 4 Комиссариата: Черкизово и 1, 2, 3 Лефортовские с количеством фабрично-заводских предприятий и рабочих, превышающим Благушенский в 3—4 раза.

Это слияние Совета произошло на объединенном собрании обоих Советов 21 апреля, на котором был выбран общий Исполком. В Исполком вошло большинство тех, которые раньше работали не в Лефортовском, а в Благушенском Совете: то были меньшевики и эсеры. Были между ними и называвшие себя анархистами, которые скоро переделались в меньшевиков, как напр., председатель Совета того времени Егоров-Орлетинов. С тех пор в Совете началась ожесточенная партийная и политическая борьба между большевиками и сблокировавшимися между собой меньшевиками и эсерами. Эта борьба продолжалась до 28 августа, когда на перевыборах Исполкома Совета из 253 голосов, мы получили 63% и из 20 членов Исполкома наши т.т. заняли 13 мест. Перевыборы Исполкома, несмотря на то, что настроение рабочих депутатов было отчетливо в нашу пользу и по всем важнейшим вопросам политической жизни принимались предложения нашей фракции, всячески оттягивались и срывались меньшевиками и эсерами.

В начале лета 29 июня нам удалось добиться перевыборов, но меньшевики и эсеры отказали нам в пропорциональных перевыборах, которых мы требовали. И вот, насколько помню, результат выборов был таков: наш список—124 голоса, за блок меньшевиков и эсеров, в который они включили для приманки несколько беспартийных—150 голосов и в результате блок занял все места в Исполкоме. Пришлось вести длительную работу по фабрикам и заводам, привлекать на свою сторону беспартийных депутатов, пока во главе Благуше-Лефортовского Совета опять стал большевитский Исполком, так ловко свергнутый меньшевиками и

эсерами при слиянии двух советов. Итак, меньшевитско-эсеровский Исполком стоял во главе Районного совета от 21 апреля до 28 августа. А в то же время пленум Совета шел за нашей партией, как уже упоминалось это выше, что видно из целого ряда собраний. Так, 12 апреля на Пленуме обсуждался вопрос о займе свободы, принята наша резолюция всеми голосами против одного. 12 июня по вопросу о финансово-экономическом положении страны принята также наша резолюция; 31 июля на совместном заседании Советов с фабрично-заводскими комитетами обсуждался вопрос о наступлении—принята наша резолюция 233 голоса против 107, поданных за меньшевиков—эсеров. В средине июля обсуждался вопрос о политическом положении в связи с Петроградскими событиями—принята наша резолюция 78 голосами против 50. Наконец 25 сентября обсуждался вопрос о демократическом совещании, предпарламенте и новом коалиционном министерстве. Принята также наша резолюция. На этом же собрании много внимания было уделено рассмотрению последних циркуляров министерства труда. Единогласно была принята нами предложенная резолюция, характеризирущая эти циркуляры, как новый натиск на рабочие учреждения, как поход объявленный капиталом и подкрепленный министерством труда.

Такова была деятельность нашей парторганизации в Лефортовском районе за период от Февральской революции, когда партия вышла из подполья, до октябрьско-ноябрьских дней, когда партия стоявшая во главе революционного пролетариата и солдатских масс дала решающий бой буржуазии. В заключение упомяну фамилии тех т. т., которые принимали наиболее активное участие в партработе и в октябрьско-ноябрьской революции. В Московском К-те от нашего района был сначала т. Знаменский, а затем 11 июля, когда количество представителей было увеличено до 3-х: т. т. Знаменский, Корзинов и Штенберг П. К. Членами райкома на этом же собрании 11 июля были избраны: т. т. Эдмонд Мач, Знаменский, Андреев, Корзинов, Мизикин, Балакирев, Фомин, П. П. Щербаков, Берклау, Фаломеев, Демидов Владимир, Рослонь, Селиванов, Фокин, Шитов, Ибрагимов, Прухняк, Муравьев, Зелинский, Кислова, Рубинштейн, Донецкий, Елховский, Брусиловская, Журавлев, Кривошапкин и Бу-

дан.—Первым секретарем райкома была Терликова, затем Ибрагимов; организатором района Розенштейн. Из активных работников следует отметить т. т. Леонова, Искакова, Сергея Николаевича Петрова, Лаврухина, Бирюкова, Яковлева и Петрова от завода шестерни—Цитроен и целый ряд других товарищей. В районных Думах работали: в Черкизовской—Веселов и Кобозев, во 2-й Лефортовской—Волынкин, Гудков, Суханов, Фокин и Пукис; в 1-й Лефортовской—Краузе-Пельше, Елховский, Леонов, Вульфсон. Во время октябрьской революции в военно-революционном комитете Района состояли: Розенштейн, Знаменский, Петров С. Н., Корзинов, Шленов, Демидов Владимир. В штабе Красной Гвардии: Васильев И. В., Титов, Гофман, Берклау, Лебедев и Мануковский. В Военном штабе района: Наседкин, Демидов Семен, Переверзев, Стефановский, Шитов, Масленников, Есин, Блохин и Буланов. В красном кресте: д-р Перфильев, Щербаков П. П., Рубинштейн, Визер, Дикарева и др. Товарищи, выполнявшие во время переворота ту или иную ответственную работу: Муравьев, Люба Пиндрик, Елена Штейнман, Брусиловская, Веселов, Кобозев, Семенов, Фокин, Соколов, Петров, Яковлев, Мизикин, Мерзлов, Бирюков, Чуланов, Лаврухин, Матч, Ибрагимов, Бауер, Селиванов, Шумаров и Леонов. Понятно список этот неисчерпывающий.

Некоторые из упомянутых товарищей и сейчас работают в районе, многие рассеялись по Советской России, а многие уже погибли смертью героев в борьбе за всемирную социальную революцию.

Теперь перейдем к тем политическим вопросам, которыми жила рабочая и солдатская масса нашего района; для этого мы воспользуемся просмотром тех резолюций, которые выносились на многочисленных собраниях и митингах района. Мы берем их большей частью из „С.-Д.“ того времени, некоторые сохранились лично у меня. Должен сказать, что для меня эти резолюции не представляют лишь исторического печатного материала, мне пришлось быть участником почти всех этих митингов, где в обстановке напряженного внимания, в помещении, переполненном наиболее активными рабочими и солдатами нашего района, выковывалась мысль и воля революционного народа, бурно высказывавшего свое одобрение любимым орато-

рам, а иногда также бурно протестовавшего против речей меньшевиков и эсеров. Я имею в виду, главным образом, Введенский Народный дом, митинги в котором сыграли виднейшую роль в развитии самосознания района в эти дни.

А сколько порой захватывающих моментов бывало на этих собраниях! Припоминаю один из них. Обсуждался вопрос о наступлении, о братании, о войне. С обширной речью выступил какой-то военный, прибывший, как он говорил, с фронта, по взглядам завзятый оборонец, приведенный в Введенский народный дом меньшевиками и эсерами. Наши товарищи возражали ему, но среди них случайно в этот день не было ни одного военного. Приезжий ловко использовал это обстоятельство и в последнем своем слове, часов уже около 11—12 ночи стал подчеркивать, что вот де я прибыл с фронта, сам все видел собственными глазами, а мне возражают московские большевики, знающие только свои книжки да газеты. И хотя сочувствие собравшихся было, как и всегда, на нашей стороне, но этот ловкий аргумент, видимо, произвел на них впечатление. Вдруг его прерывает какой-то солдатик и взволнованно требует себе слова. В безхитростных, но ярких словах, он разбивает в пух и прах оборонца. Мало этого, вслед за ним берет слово какой-то офицер и также принимает нашу сторону. Эффект получается поразительный, оборонец уничтожен, собравшиеся торжествуют. Этот случай произвел на меня неизгладимое, незабываемое впечатление.

Какие же вопросы волновали рабочие и солдатские массы, и какие ответы на них она себе давала?

Конечно, те мысли и идеи, которые бродили в умах рабочей и солдатской массы, большей частью формулировались в ясных и четких положениях и лозунгах нашей партией, однако, это безусловно не значит, что они навязывались им, наоборот—то единодушие, тот энтузиазм, с которым принимались многочисленные резолюции на многолюднейших митингах и собраниях, доказывает, что только наша партия сумела понять идеи и требования рабочих масс, сформулировать их, иногда разъяснить массам то, что лишь инстинктивно чувствовалось и желалось ими, но что они не могли сами изложить. На этих митингах и собраниях велась ожесточенная политическая борьба, нашей точке зрения неизменно

противопоставлялись точки зрения меньшевиков и эсеров, которые имели агитационные и пропагандистские силы далеко не хуже, а часто и лучше наших, но мы всегда побеждали, ибо только наша партия была партия рабочего класса,—партия, стоявшая за социальную революцию.

Из вопросов, приковавших к себе на первых порах, после февральской революции, внимание рабочих масс, безусловно наиболее жгучим был вопрос о войне. На многочисленных митингах и собраниях рабочие и солдатские массы неоднократно возвращались к нему, ища ответа на мучительный вопрос,—как ликвидировать братоубийственную бойню народов, проливающих кровь за интересы империалистического капитала.—Правильный ответ на этот вопрос был найден не сразу. В этом отношении весьма характерна резолюция, принятая 16/III на многолюдном митинге в Введенском Народном доме. Вот эта резолюция:

„Всемерно поддерживать Сов. Р. и С. Деп. в его обращении к демократии всех воюющих стран с заявлением, что русские рабочие, вся русская трудящаяся демократия не желают продолжать беспримерное в истории, взаимоистребление народов, что и она истерзанная, но освобождающаяся, русская трудящаяся демократия, так же как и в нечеловеческих страданиях измученные народы Австрии и Германии, Болгарии и Турции,—жаждет мира. Демократия всех стран должна немедленно созвать мировую конференцию для выработки условий мира на основе международной солидарности и равноправности всех народов мира. Но до тех пор, пока вооруженный германский народ—германская армия—находится в тисках военной дисциплины, пока она грозная, но также, как и мы, быть может, больше чем мы, тоскующая по мире, жаждущая его, как сказочного избавителя,—пока эта армия под руководством Вильгельма, пока перемирия еще нет,—наши войска, наши товарищи и братья,—остаются в окопах и продолжают защиту освобождающейся, возрождающейся новой России; они покинут поле трагической, братоубийственной битвы только тогда, когда Учред. собрание и международный демократический мирный конгресс произнесут так долго, так страстно жданные „война кончена“. Кроме того, наш долг, святая обязанность восставших рабочих и крестьян, восставших граждан солдат, наш

долг открыть и определенно сказать кровью истекающим народам Германии, Австрии, Турции и Болгарии, что мы создавали революцию не для того, чтобы свергнуть правительство Протопоповых, Штюрмеров, плохо изготовлявшего снаряды, и заменить новым правительством войны, которое успешнее изготовляло бы снаряды,—нет, мы восстали для того, чтобы положить конец преступной империалистической политике царских холопов, которые в угоду безграничной алчности наживы наших капиталистов приносили и готовы были приносить еще неисчислимые человеческие жертвы. Да здравствует демократическая конференция всех народов“.

Нет надобности подробно анализировать содержание этой резолюции, чтобы констатировать, что мысль этого собрания не нашла еще выхода к ликвидации кровавой бойни и беспомощно путается в надеждах на мировую конференцию „демократии“ всех стран и приходит к выводу о необходимости оставаться в окопах и защищать освобождающуюся Россию, пока германской армией и народом руководит еще Вильгельм. Однако, для массы рабочих и солдат, эта резолюция не есть способ оправдать продолжение бойни, а лишь выражение своего неумения найти выход из войны, возбуждающей подлинную ненависть к себе.

Не нашел выхода и митинг, который состоялся в том же месте на другой день. Он принял краткую резолюцию о войне с решением: „Присоединиться к призыву Петр. Сов. Р. и С. Деп. Только международный пролетариат может положить конец братоубийственной бойне народов и установить прочный мир“. Классовая точка зрения пролетариата сказалась в этой резолюции, но способ практического достижения здесь еще не намечен.

26/III состоялось собрание рабочих Военно-Промышленного завода в Введенском Народном доме, докладчиком выступал представитель М. К. РСДРП. (больш.), ему оппонировал меньшевик, к речи которого мы еще вернемся. Собранием по вопросу о войне принята следующая резолюция: „Общность интересов пролетариата всего мира побуждает рабочий класс всех воюющих стран приступить к немедленной, к самой энергичной деятельности для прекращения войны. Для этой цели мы закрепляем международные связи рабочих, спо-

собствуем пробуждению революционных настроений наших товарищей за рубежом. Наряду с этим мы считаем, что действительно прочный мир может быть заключен только революционным народом, или под его непосредственным давлением и контролем. Этот мир, заключенный вопреки империалистическим вожделениям буржуазии, нанесет ей непоправимый удар и ускорит процесс организации рабочих масс и борьбы за конечные цели рабочего класса—за социализм. Одним из шагов по пути к заключению мира мы считаем определенный и ясный отказ Временного Правительства от политических захватов и контрибуций“. Однако, и в этой резолюции, мы не видим еще ясного и четкого указания, что должен сделать революционный народ, чтобы иметь возможность реализовать свою волю к справедливому и прочному миру, а наоборот, еще не изжиты иллюзии, что таковой мир может быть заключен и буржуазным правительством, правда, „под непосредственным давлением и контролем“ революционного народа.

Затем, начинает в сознании рабочих и солдатских масс ясно слагаться убеждение, что затруднения и препятствия к заключению мира лежат не только в империалистских правительствах Западной Европы, но и в нашем собственном правительстве, это отмечено было на собрании 22/IV в Введенском Народном доме, которое в своей резолюции констатирует следующее: Народ требует мира без захватов и контрибуций, на основе самоопределения народов; буржуазия и Временное Правительство твердят о войне „до победного конца“.

Необходимо также отметить резолюцию о братании, вынесенную на митинге 3/V в Введенском Народном доме, когда буржуазией и социал-патриотами была предпринята кампания против братания, срывавшего уже задуманное наступление. Эта резолюция гласила: „Пока не опубликованы тайные договоры, пока Временное Правительство и Английская и Французская буржуазия не отказались от завоевательных планов, прекращение братания и переход в наступление были бы только на пользу буржуазии Англии, Франции и России. Проливать кровь за их интересы революционный народ не согласен, а потому приветствует братание. Пусть Сов. Р. и С. Деп. верят силе и поддержке революционного

народа и не боятся запугивания буржуазии, пусть действуют более решительно, более революционно".

Однако, и в резолюции от 22/IV из того положения, что Временное Пр-во срывает волю народа к миру, не сделано логического вывода. Только в резолюциях о войне появляются все чаще требования к Временному Пр-ву опубликовать военные договоры царского правительства, имея в виду этим сорвать маску с Временного П-ва, которое не прочь было пускать при случае высокие и пышные фразы о мире, братстве народов и т. д.

Как иллюстрацию этого требования, привести можно резолюцию от 16/V огромного солдатского митинга команды и выздоравливающих Московского Военного Генерального (Лефортовского) Госпиталя. В ней говорится: „Считая настоящую войну грабительской и ведущейся исключительно в интересах буржуазии, мы требуем, как одного из средств приближения мира, опубликования всех договоров, заключенных Николаем кровавым с правительствами союзников".

Подобное требование заявлено было гораздо раньше и на митинге 9/IV на Семеновской площади, где было постановлено, что „необходимо требовать распубликования всех тайных договоров, заключенных старым правительством с французским и английским правительствами".

Июньское наступление всколыхнуло рабочие и солдатские массы и снова со жгучей остротой приковало их внимание к войне. Общее мнение района изложено в резолюции, принятой районным Советом совместно с фабрично-заводскими комитетами на собрании 26/VI. Принятию ее предшествовала оживленная политическая дискуссия с м-ками и эсэрами, предлагавшими свою резолюцию, которая собрала только 107 голосов, в то время как за нашу голосовали 233 чел. Привожу эту резолюцию: „Наступление, начатое 18 июня под знаменем свободы, на деле стремится выполнить задачи империализма: революция определенным образом поставлена на службу буржуазии—российской и союзных стран. Такой характер предпринятой военной операции наносит тяжелый удар по движению рабочих, поднявшихся во всех странах против войны и империализма. Поэтому собрание, пока союзные правительства еще не отказались от захватных стремлений, воздерживается от поддержки политики на-

ступления, противопоставляя этому призывному кличу мировых хищников требования: а) передачи власти Советам Р., К. и С. Деп. и б) предложения от имени полновластного совета немедленно на справедливых началах построенного, мира всем воюющим народам“.

Здесь уже вполне отчетливо зафиксирована мысль, (хотя кое-что неверное тут есть), что только правительство, избранное советами, захочет и сможет выставить буржуазным правительствам свое требование немедленного мира на справедливых началах, что борьба за мир может быть успешной только в том случае, если ей будет предшествовать борьба с буржуазией и борьба за власть рабочего класса и трудящихся масс.

На этом мы закончим рассмотрение той эволюции, или вернее революции мысли, которая была проделана так быстро в умах рабочих и солдатских масс и которая в результате долгих обсуждений и учета событий быстро текущей жизни, вылилась в четкое и ясное положение—хочешь мира, свергай буржуазию, бери власть в свои руки.

Переходим к вопросу о власти.

Собрание в Введенском нардоме 17/III ограничилось только следующей резолюцией: „Настаиваем на скорейшем созыве учредительного собрания, которое должно высказаться за конфискацию помещичьих и других земель без выкупа и за установление демократической республики“. Политика и сущность Временного Правительства видимо была не ясна.

На собрании рабочих Военно-промышленного завода 26/III, уже был затронут вопрос о власти и об отношении к буржуазии, хотя резолюции по этому поводу не было вынесено, все таки интересно отметить происходившее на собрании, как это было зафиксировано в заметке „С.-Д.“. Обширный доклад о текущем моменте был сделан представителем М. К. РСДРП (б.). Докладчику возражал меньшевик. В длинной речи последний призывал рабочих к осторожности, указывая на полнейшую распыленность пролетарских масс, предостерегал против запугивания буржуазии. Буржуазия де, борясь с самодержавием, выполняет свою историческую миссию, в этой борьбе она утверждает свободу и рабочий класс должен ее всецело поддерживать. Самостоя-

тельная классовая политика может изолировать пролетариат в его борьбе. Речь меньшевика прерывалась взрывами смеха.

Однако, уже 9/IV митинг на Семеновской пл. выявил свое довольно недвусмысленное отношение к Временному Правительству в следующих выражениях: „Врем. Прав-во по своему классовому положению не народное. Мы должны держать его под строгим контролем Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".

Затем на ряде собраний рабочим и солдатам пришлось обсудить свое отношение к Врем. Прав-ву в связи с выпущенным им „займом свободы". Приводим по этому поводу резолюцию, принятую районным Советом: „Пока во главе России стоит Врем. Прав-во — ставленник буржуазных классов, которое до сих пор не слагает тяготы налогового бремени с плеч беднейших классов населения на непомерно разбогатевшую во время войны буржуазию и по своим классовым интересам не сделает этого; пока Врем. Прав-во не отказалось на деле от захватной политики, от жажды контрибуций, от тайных договоров, заключенных за спиною народа, правительством свергнутого Николая — до тех пор участие в займе является лишь поддержкой воинствующих планов нашей буржуазии и разбивает классовую солидарность международного пролетариата, потому собрание отказывается поддерживать „заем свободы".

Как видно и здесь еще только критика Врем. Прав-ва без последующих логических выводов о том, каково должно быть правительство революционной России.

Привожу еще целый ряд резолюций о „займе свободы", в связи с которым отчетливо выявилось отношение рабочих и солдатских масс к Врем. Прав-ву.

Вот резолюция, принятая 13/IV на митинге в Введенском нардоме: „Врем. Прав-во до сих пор не отказалось от тех тайных договоров, которые были заключены свергнутым Николаем с правительством и буржуазией Франции, Англии, Италии, Японии и др. союзными странами. Поддержка этого военного займа рабочими, крестьянами и солдатами России была бы понята рабочими, как воюющих с нами стран, так и союзных, как поддержка нашей буржуазии в желании вести войну до победного конца, а это затянуло бы войну на неопределенное долгое время, и новые миллионы наших

братьев были бы принесены в жертву войны и отсрочило бы восстановление Интернационала“.

Затем, приводим резолюцию, принятую на Семеновской пл. 18/IV (1 мая по н. ст.): „Энергично будем поддерживать левое крыло С. Р. и С. Д., которое голосовало против поддержки „Займа свободы“ и в свою очередь никакой поддержки „займу свободы“ оказывать не будем, ибо еще Врем. Прав-во не опубликовало договоры союзных держав, заключенных Николаевской шайкой грабителей и не отказалось от захватной войны. Требуем опубликования всех договоров“.

Наконец, не приводя еще некоторых резолюций того же периода, в которых также выявлялось отношение к Врем. Прав-ву в связи с займом свободы, необходимо привести резолюцию митинга в Введенском нардоме от 22/IV, где не только констатируется отрицательное отношение к Временному Прав-ву, но и указывается на необходимость перехода к власти Советов. Однако, формы этого перехода, вернее способы добиться его революционным путем, очевидно, еще не ясны, т.-к. говорится „если Врем. Прав-во не уступит своего места Советам и т. д.“. Вот эта резолюция: „Врем. Прав-во защищает интересы контр-революционной буржуазии, способствует ей задушить русскую революцию. В вопросах земельных, рабочих и солдатских Врем. Прав. стоит на страже интересов буржуазии. Народ требует мира без захватов и контрибуций на основе самоопределения народов; буржуазия и Врем. Прав-во твердят о войне до победного конца. Своим последним выступлением министр иностранных дел Милюков еще раз ясно доказал, что если Врем. Прав-во — правительство буржуазии и контр-революции — не уступит своего места представителям из народа, Советам Раб. С. и К. Деп., то прольется кровь еще миллионов наших братьев, то крестьяне не получат земли, рабочие охрану своего труда, увечные солдаты и семьи павших — полной и достаточной пенсии“.

В таком же духе высказались и солдаты Генерального госпиталя на митинге 16/V, где были представители всех социалистических партий (большевики, меньшевики и эсеры) и где настроение было настолько революционное, что собрание не захотело выслушивать представителей партии с-р., дав слово только с.-р. интернационалисту. Обсудив

вопрос о войне, о займе свободы, о Врем. Прав., собрание зафиксировало в своей резолюции следующее: „Считая неправильным вхождение представителей Совета Р. и С. Д. во Врем. Прав-во, мы полагаем, что единственный выход из создавшегося положения — это переход всей власти в руки Совета Р. и С. Депутатов“.

Затем 22/V видный меньшевик Кипен, член Московского Исполкома, сделал доклад на тему „Война и коалиционное министерство“. Доклад свой он начал в 3 часа дня и после прений закончил заключительным словом к 7 час. вечера, но к этому времени Введенский нардом обычно наполнялся рабочими и солдатами, которые привыкли к ежедневным митингам и собраниям; вновь пришедшие потребовали продолжения прений по этому вопросу, которые закончились лишь к 11 час. ночи полным поражением докладчика и меньшевитской точки зрения и была принята следующая резолюция: „Обсудив вопрос о коалиционном министерстве, собрание в Введенском нардоме находит, что буржуазия толкает Россию к гибели, что Врем. Прав. защищает буржуазные интересы, укрываясь в своих целях—министрами-социалистами, поэтому собрание требует, чтобы министры социалисты покинули буржуазное правительство. Власть должна принадлежать Сов. Р., С. и Крест. Деп. Мы обещаем их стойко поддерживать в революционной борьбе за счастье и благо народа“.

Эта же точка зрения о необходимости перехода власти советам—неоднократно подчеркивается при обсуждении вопроса о финансово-экономическом положении страны. Принята обширная резолюция с перечислением ряда практических мероприятий, при чем указано, что успешное их выполнение возможно только при переходе власти Советам Предлагалась и эсэро-меньшевистская резолюции (они всегда шли вместе против большевиков), я привожу обе. Простое сопоставление их указывает на убожество тех конкретных мероприятий, которые могли предложить эсэры и меньшевики рабочему классу. Вместе с тем их же резолюции напомнят нам, что тогда они признавали финансово-экономическую разруху России достаточно грозной, явившейся результатом войны, а потом свалили всю вину на большевиков.

Вот эти обе резолюции: 1) Общее собрание Благуше-Лефертовского района 12 июня 17 г. вынесло след. резолюцию: Полное растройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая целый ряд важнейших производств, подрывающая сельское хозяйство, прерывающая железнодорожное сообщение, лишающая многомиллионное промышленное население город поадвоза хлеба,—такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватив ряд отраслей хозяйственной жизни. Успешная борьба с разрухой возможна лишь при крайнем напряж[illegible] сил народа и принятии ряда немедленных революционных мер, как на местах, так и в центре государственной власти. 2) Ни бюрократическим путем, т.-е. созданием Пр-ва с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибылей капиталистов, ни при сохранении их всевластия в производстве, ни при господстве финансового капитала—спасения от катастрофы найти нельзя. Это с безусловной ясностью установил опыт целого ряда частичных проявлений кризиса в отдельных отраслях производства. 3) Спасение страны от катастрофы требует, чтобы рабочему и крестьянскому населению, было внушено не словами, а делом, самое полное и безусловное доверие к тому, что руководящие и полновластные учреждения как на местах, так и в центре государства не останавливаются перед переходом в руки народа большей части прибылей, дохода и имущества крупных и крупнейших банковых, финансовых, торговых и промышленных магнатов капиталистического хозяйства. Не проведя этой меры в жизнь на деле, нельзя ни требовать, ни ожидать проведения действительно революционных мер и действительного напряжения революционной энергии рабочей и крестьянской массы населения.

Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо: во 1) чтобы во всех центральных учреждениях, ведающих этим делом, было обеспечено большинство за рабочими организациями, (профсоюзами, С. Р. Д., заводскими комитетами) не менее $^2/_3$ голосов, при обязательном привлечений к участию, как не отошедших от дела предпринима-

телей, так и технически-научно образованного персонала; во 2), чтобы фабричные и заводские комитеты, а равно профессион. союзы, получили право участвовать в контроле над каждым предприятием с открытием для них всех торговых и банковых книг и с обязательством сообщать им все данные. Рабочий контроль должен быть распространен также и на таких же правах на все банковые и финансовые операции с выяснением всего финансового положения дела.

Рабочий контроль, уже признанный капиталистами в ряде случаев конфликтов, должен быть немедленно развит путем ряда тщательно обдуманных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер, в полное регулирование производства и распределение продуктов рабочими.

7) В виду полного расстройства всей финансовой системы и всего денежного дела, в виду невозможности оздоровить его, пока длится война, в интересах наилучшего снабжения предметами первой необходимости, как городского, так и сельского населения, необходима организация в широком областном, а затем и общегосударственном масштабе, обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и т. д. продуктов на хлеб и другие сельско-хозяйственные продукты. Широкое привлечение городских и сельских кооперативов к участию в этом деле совершенно необходимо. 8) Лишь одновременно с осуществлением указанных мер возможно и необходимо введение всеобщей трудовой повинности, которая одна только в состоянии обеспечить наибольшую экономию сил народного труда. 9) Одним из важнейших условий устранения экономической разрухи, является скорейшее прекращение нынешней империалистической войны.

10) Планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки С. Р. Д. Сол. и Крест. Деп.

Резолюция меньшевиков и эсэров: Общее собрание С. Р. Д. Благушенско-Лефортовского района, обсудив вопрос о финансово-экономическом положении России, признает, что переживаемая страной хозяйственная разруха является серьезной угрозой завоеваниям русской революции, и потому в интересах ее упрочения и развития необходимо осуществить решительную реорганизацию всего народного хозяйства по единому плану. С этой целью считает необходимым: 1) дея-

тельный и постоянный контроль над производством, осуществляемый государственной властью с участием представителей рабочего класса в лице С. Р. Д., профессиональных организаций и проч.

2) Передачу в руки государства общественно-необходимых предприятий, в случае отказа предпринимателей от продолжения на них производства.

3) Национализацию государственно-необходимых и достаточно концентрированных отраслей производства, как то жел. дор., угольные копи и проч.

4) Уничтожение производства предметов роскоши и перевод занятых в этом производстве рабочих рук в другие общественно-необходимые отрасли производства.

5) Планомерную организацию распределения продуктов и установление неподвижных твердых цен на предметы массового потребления.

6) Установление минимума заработной платы.

Для получения необходимых финансовых средств, правительство должно решительно порвать со старой финансовой системой, основанной на непосильном обложении неимущих классов, и провести широкую налоговую реформу, вступив на путь налоговой беспощадности в отношении к имущим классам. В этих целях необходимо скорейшее осуществление следующих налоговых мероприятий: 1) общепоимущественного налога, 2) конфискацию военной сверхприбыли прироста богатств в результате падения рубля, а также нормировку прибыли известным минимумом. 3) Изменение ставок подоходного налога в смысле их усиленного повышения, а равно и повышения свободного от обложения минимума дохода. 4) Расширение и повышение наследственного налога вплоть до полной конфискации наследственного имущества в известных случаях. 5) Установление налога на незаслуженный прирост ценностей. 6) Налог на роскошь. 7) Конфискацию монастырских капиталов и капитала дома Романовых и передача их в руки государства. 8) В случае необходимости—принудительный заем. Для проведения всех указанных мер, необходима организация наших сил вокруг Советов Р. и С. Д. для поддержки Врем. Прав-ва в осуществлении намеченной финансовой экономической программы, что только и в состоянии вывести Россию из критического по-

ложения, в которое привело страну старое Правительство. Вместе с тем собрание полагает, что только скорейшее прекращение войны на основе мирной программы, которую провозгласил Петроградский Совет Р. С. Деп., способно создать благоприятные условия для улучшения экономического положения страны, ибо затяжная война—главная причина нашей хозяйственной разрухи.

И наконец, в связи с июльскими событиями в Петрограде районный совет при сильном сопротивлении м-ков и эсэров принял резолюцию (92—против 50), требующую перехода власти в руки советов и проведения целого ряда мер по организации промышленности—против воли помещиков, прекращение войны—против воли империалистов всех стран. Хотя в резолюции не написано черным по белому, но, конечно, совершенно ясно, что сделать все это—против воли фабрикантов и помещиков можно только одним путем—путем социальной революции. Эта резолюция последняя, которую мы приводим из ряда резолюций о власти, ибо она сказала последнее слово. Вот она: принимая во внимание „1) что выступление Петроградских рабочих, солдат и матросов в дни 3—5 июля являются стихийной, но верной и решительной попыткой разрушить заговор против революции, организуемый представителями крупной буржуазии, 2) что обстановка Петроградских событий с несомненностью показывает, что частичные проявления движения были захвачены выполнены черными противниками революции и злейшим врагом социалистического пролетариата, 3) что приемы, предпринятые правительством для подавления движения и попытка объявить врагом народного дела целые слои пролетариата и определенную политическую партию—знаменуют открытый переход власти на контр-революционный путь, 4) что разложение коалиционного министерства и неустойчивость общего поведения центральных Сов. Р. и С. Д. несут величайшую опасность для страны, общее собрание С.Р.Д. Лефорт. Благушенскаго района полагает, что правильным и действительно революционным по содержанию выходом из современного положения является: 1) передача всей полноты власти в руки Советов Р. и С. Деп. для создания правительства, способного не только закрепить достигнутые завоевания, но и поднять революцию на высшую ступень, 2) ре-

шение новой революционной власти задач, которые ныне с невиданной остротой поставлены в порядок дня: а) раскрытие и подавление заговора против революции, в) проведение мер— против воли капитала—по организации промышленности, с) разрешение земельного вопроса, вопреки сопротивлению помещиков, д) приступ к прекращению войны не на словах, а на деле—против империалистов всех стран".

Затем, отметим третий крупный вопрос, который обсуждался в районе—это земельный. Мы имеем возможность привести две резолюции по этому вопросу, первая была принята в Введенском нардоме 19/IV после целого вечера обсуждения: 1) земельный вопрос должен быть решен в интересах народа еще до созыва Учредит. Собрания. 2) Собрание, отвергая неорганизованный беспорядочный захват земли, высказывается за отобрание земель крестьянством, соединенным в сельские, волостные, уездные, губернские, областные и Всероссийский советы крестьянских депутатов. Советы крестьянских депутатов должны действовать совместно с Сов. Р. и С. Д. 3) Требовать от Врем. Правит, декрета (закона) о переходе земли к народу. Признавая же, что нынешнее Времен. Правительство, защищающее интересы буржуазии, не сможет издать такого закона, собрание находит необходимым заменить его правительством, выбранным народом, выбранным Советами Р. Кр. и Сол. Депутатов". В ней достаточно четко и ясно рисуется мнение собрания по земельному вопросу.

Второй раз обсуждение происходило в Введенском нардоме 3/V, оно открылось лекцией местного эсера Будкевича. Ее основной лейт-мотив, конечно, „земля крестьянам", но тогда, когда решит Учредит. Собрание, а пока будем уважать законность и право (конечно, помещиков).

Когда выяснилось, что возражения наших товарищей встречают полное сочувствие со стороны слушателей, то инициаторы лекции—эсэры пытались уклониться от принятия какой-либо резолюции под тем предлогом, что это была лекция, по которой резолюции выносить не полагается. Однако, собрание не согласилось с этим мнением, избрало другого председателя и вынесло нижеследующую резолюцию: „Революция, начатая революционным пролетариатом и войсками, не может быть победоносна, если деревенская

беднота останется простым зрителем этой революции. 2) Организуясь в волостные, уездные и губернские комитеты, деревенская беднота должна все помещичьи земли, кабинетские, удельные взять в свои руки без всякой оплаты. Сделать это следует немедленно, но непременно организованно по постановлению крестьянских организаций. 3) Хорошо устроенные имения деревенская беднота в обще-государственных и своих интересах не должна разбивать на мелкие части. 4) Революционный народ не должен позволять Временному Правительству вмешиваться вооруженной силой в земельное движение крестьян".

Она несколько отличается от первой тем, что в ней резче подчеркивается роль деревенской бедноты в общей массе крестьянства и что указывается на необходимость сохранения хорошо устроенных частно-владельческих имений и что она находит необходимым немедленный, но непременно организованный захват земли. В общем, двумя этими резолюциями вполне иллюстрируется точка зрения рабочих и солдат нашего района по земельному вопросу, точка зрения определенно революционная, вполне правильная.

Из других вопросов, которые мы отметим,—это вопрос о рабочей печати, неоднократно поднимавшийся на митингах и собраниях. Мы приведем только одну резолюцию принятую в день рабочий печати 22|IV в Введенском нардоме: „собрание приветствует революционные газеты в Москве—„С. Д.", в Петрограде—„Правду", ту „Правду", которая продолжает дело рабочей газеты, выходившей под тем же названием в темные, мрачные годы царского произвола свергнутого Николая Кровавого. Собрание выражает негодование по поводу травли наших газет, защищающих дело рабочих, крестьян и солдат,—травли, поднятой буржуазными газетами и темными силами".

Надо отметить, что наша печать пользовалась в то время огромной популярностью и любовью и всякий призыв к ее поддержке встречал весьма сочувственное отношение, и сборы, производимые для этой цели, давали по тому времени довольно крупные суммы, особенно сборы на типографию для „Соц. Демократа" и для посылки наших газет солдатам в окопы.

Отмечу еще несколько резолюций о 8 часовом рабочем дне, которые принимались первое время довольно часто. Привожу только одну из них, которая была принята на собрании рабочих Военно-промышленного завода 19/III: „установление 8 часового рабочего дня мы считаем не только экономическим завоеванием, но рассматриваем его как факт огромной политической важности в борьбе за освобождение рабочего класса“. Подобная же резолюция была принята митингом на Семеновской площади 9/IV и на ряде других митингов и собраний. Нообходимо вспомнить, что буржуазия предпринимала яростные атаки на 8 часовой рабочий день, стараясь натравить солдат на рабочих указаниями, что на фронте рабочий день солдата круглые сутки, что надо работать, чтобы дать на фронт снаряды, обмундирование и т. п., а то от этого страдают солдаты. Лживость и гнусность подобных измышлений приходилось вскрывать как в прессе, так и на собраниях, где бывало обычно много солдат.

Наконец, отметим, что рабочие и солдаты уже поняли что представляют для дела революции ее выдающиеся вожди и в первую очередь Ленин, к личности которого они относились с особенной любовью; и чем многочисленнее были нападки на т. Ленина, олицетворявшего революционную соц.-демократию-большевиков, тем чаще раздавались на митингах и собраниях приветствия ему и протест против гнусных выпадов. Приводим некоторые из этих резолюций: Собрание солдат и рабочих в Введенском нардоме от 21/IV единогласно постановило: „приветствовать т. Ленина, как стойкого борца революционного пролетариата, стоящего на интернациональной позиции. Собрание решительно протестует против буржуазных правых партий и травли, которую они ведут против т. Ленина“. Там же 22/IV принята следующая резолюция: „собрание приветствует т.т. Ленина, Либкнехта, как истинных интернационалистов и марксистов, как вождей революционной демократии. Все покушения и травля на т. Ленина нами будут разбиты, как разбит подгнивший трон Николая Кровавого“. Солдаты генерального госпиталя на своем митинге 16/V вынесли следующее приветствие: „Приветствуем революционную социал-демократию и стойких борцов за III интернационал—Фр. Адлера в Австрии, Карла Либкнехта в

Германии и неутомимого борца т. Ленина в России". Наконец, резолюция на митинге у Семеновской заставы (около 1000 чел.) в день празднования международной солидарности пролетариата, 1 мая: „Приветствуем горячо дорогого т. Н. Ленина, как стойкого борца-марксиста и неизменившего международному пролетарскому Интернационалу. Пусть наш привет будет протестом против тех, кто против Вас". Итак, вот главные вопросы на которых откликалось и выковывалось революционное сознание рабочих и солдат района: борьба за 8 часовой рабочий день и землю, борьба за прекращение империалистической бойни и отсюда железный неумолимый вывод—борьба за власть советов, за диктатуру пролетариата. Лозунги нашей партии за 3—4 месяца стали лозунгами рабочих масс, их воля к борьбе и победе слились с нашими стремлениями—дали октябрьскую революцию. Весь этот путь пройден за 8 месяцев: февраль—октябрь. Всего 8 месяцев. Но за эти 8 месяцев из небольшой группы подпольных работников-большевиков вырос могучий авангард рабочего класса; но за эти 8 месяцев распыленный, неслыханно эксплоатируемый рабочий класс познал себя, как истинного носителя революции, сплотился, построил свои организации; но за эти 8 месяцев солдат—„серая скотинка" стал гражданином, понял общность интересов рабочего и крестьянина бедняка, каким он в массе был; но за эти 8 месяцев темный рабочий и почти безграмотный крестьянин —солдат подняли свое сознание до возможности понять и решить труднейшие проблемы современной эпохи.

И вот прояснилось сознание, родилась и окрепла воля к победе над вековым гнетом буржуазии и в тесном союзе партия большевиков, рабочий и солдат-крестьянин сбросили с себя иго капитала, зажгли факел социальной революции на весь мир.

По истине революции—это локомотивы истории! Но как бы бешенно скор ни был их пробег, великие события этого времени не должны и не могут изгладиться из нашей памяти!

Михаил Розенштейн.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В дни февральской революции я работал на заводе Гакенталя в Басманном районе.

Еще до наступления февральского переворота у нас на заводе шла деятельная революционная работа, настроение среди масс было приподнятое, свержение самодержавия являлось ближайшим лозунгом. Группа товарищей, державшая связь с другими заводами, правильно учла настроение масс и когда встал вопрос о свержении царизма мы стали настаивать, чтобы всю массу рабочих вывести на улицу...

У нас имелась связь с военно-промышленным заводом, где была большая ячейка и когда мы от них получили сведения, что в Петрограде началось восстание рабочих, первым делом наша группа и сочувствующие ей объявили забастовку и устроили летучий митинг. На этом митинге приняли резолюцию, в которой говорилось, что теперь, когда восстали петроградские рабочие и пошатнулся трон Николая, мы должны во что бы то ни стало широко организовать забастовку и остановить все ближайшие фабрики.

В количестве 250 человек, бывших в В. Т. У. отделение завода Гакенталь, мы двинулись по всем ближайшим фабрикам, мы призывали рабочих итти в центр, где разъясняют сейчас петроградские события. С большим успехом нам удалось снимать рабочих, которых мы группами в 50—100 человек направляли в центр. Уже к часу дня рабочие со всех окружающих фабрик были сняты. Мы группой в 50 человек также направились к центру. До нас дошли слухи из Рогожско-Симоновского района, что там расставлены цепи городовых, которые не пропускают рабочих, однако, потом выяснилось, что всем рабочим удалось проникнуть в центр. У Красной площади мы встретили конную жандар-

мерию. Нас оттиснули, но группами по 5—10 человек нам удалось пробраться на Воскресенскую площадь. Здесь мы услышали от товарища, говорящего в трубу (рупор), что нужно главным образом направляться к казармам. Нам перечислили казармы и указали районы, в которых надо снять солдат. Мы направились группами с красными флагами, за нами двинулась большая толпа. Шли по Сретенке к Сухаревой.

Вскоре вся Сухарева площадь была запружена народом. Подошли к воротам Спасских казарм. В это время раздался залп. Толпа отшатнулась в сторону, но затем снова энергично двинулась к воротам, некоторые пробрались через забор и окна. Солдаты очень сочувственно разговаривали с нами и скоро открыли ворота, весь двор наполнился рабочими. Офицера не пускали в самые казармы, но рабочие сумели прорваться, чувствуя надвигающуюся опасность для себя офицерство трусливо говорило:

— Мы бы пошли с вами, но у нас военная дисциплина...

Солдаты, уже имевшие связь с рабочими, конечно, агитировали за совместное выступление с рабочими. Эти переговоры длились с 5 час. вечера до 8 час. утра. Тем временем все больше и больше рабочих проникало в казармы, и кое-кому из рабочих уже удалось вооружиться.

К утру самые передовые части вышли на площадь (названий рот не помню), как раз в это время с Ходынки подошла артиллерия, воинские части совместно с рабочими направлялись за артиллерией на Красную площадь.

Когда мы в этот день пришли на Красную площадь—все было заполнено народом... Солдатские части стояли все время.

Рабочие и солдаты разоружали полицейских, арестовывали приставов, околоточных и вели их в центр под конвоем. Работа шла очень успешно. Часть сил была двинута к тюрьмам для освобождения политических. Боевых организованных столкновений с полицией в нашем ройоне не было за исключением одиночных стычек.

Но в других районах, как например, в Рогожско-Симоновском подобные столкновения происходили. Какой-то пристав с околоточным и несколькими городовыми пытался стрелять в рабочих, шедших в центр, но рабочие успели

схватить их и спустить в Яузу. Затем были отдельные случаи выстрелов из-за угла, но в общем кровопролитий в февральскую революцию почти не было, ведь тогда даже кадеты навязывали на себя красные банты и делали вид, что идут вместе с рабочими.

Разсказав о первых моментах революции, я хочу остановиться на конструкции нашей партийной организации. По указанию М. К. в нашем районе был создан временный комитет. В марте было созвано общее собрание подпольных товарищей в нашем районе было немного—приблизительно человек 75—100. Из их числа был избран районный комитет и сделаны выборы на Московскую конференцию, которая происходила, как мне помнится, в марте месяце, на Ильинке, в здании Биржи. Здесь было много споров относительно объединеня с меньшевиками. Яхонтов и ряд других товарищей, которые потом вышли из нашей партии и примкнули к меньшевикам и объединенцам, настаивали на создании единого фронта. Однако основное ядро конференции допускало лишь временную совместную работу с меньшевиками в совете и борьбу за диктатуру пролетариата и свержение капиталистов, но ни в коем случае не слияние с ними. В этом духе было принята подавляющим большинством резолюция.

Затем я хочу указать на некоторые штрихи тогдашних Советов Р. Д. и других организаций на местах. Когда организовался совет и паралеллельно с этим заводские комитеты на фабриках и заводах, в них вошли вместе с большевиками, меньшевики и эсеры. На нашем заводе были все политические оттенки. Мы избрали в Моск. Совет с.-р., а кандидатом большевика. Когда эсеры и меньшевики отчитывались на общем собрании, мы их разбивали, принимали резолюции большевиков и проводили большевиков в Совет, устраивая перевыборы.

Теперь скажу несколько слов о нашей экономической борьбе.

В промежуток времени от февральской до октябрьской революции в нашем районе был проведен целый ряд кратковременных экономических забастовок. Наши требования удовлетворили по большей части даже без вмешательства профсоюзов.

По долгу Члена Временнаго Правительства, волею народа по почину Государственной Думы возникшаго, обѣщаю и клянусь передъ Всемогущимъ Богомъ и своею совѣстью служить вѣрою и правдою народу Державы Россійской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство, ненарушимо соблюдая во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ моихъ начала гражданской свободы и гражданскаго равенства и всѣми, предоставленными мнѣ мѣрами подавляя всякія попытки, прямо или косвенно направленныя къ возстановленію стараго строя.

Клянусь приложить все разумѣніе мое и всѣ мои силы для осуществленія въ полнотѣ всѣхъ обязательствъ, Временнымъ Правительствомъ всенародно на себя принятыхъ.

Клянусь принять всѣ мѣры для созыва въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительнаго Собранія, передать въ руки его полноту власти, мною совмѣстно съ другими членами Правительства временно осуществляемую, и преклониться предъ выраженною симъ Собраніемъ народною волею объ образѣ правленія и основныхъ законахъ Россійскаго Государства.

Въ исполненіи сей моей клятвы да поможетъ мнѣ Богъ.

15 Марта 1917.

Текст присяги Временного правительства.

Помнится мне первая забастовка на нашем заводе. Это было в конце мая или в начале апреля. Наша ячейка принимала в ней деятельное участие, забастовка была проведена без санкции профсоюза. Наши рабочие предъявили хозяину требования, которые он сначала отказался удовлетворить, тогда его посадили под домашний арест и продержали 8 часов. После этого предприниматель удовлетворил все наши требования.

В дальнейшем, когда появились тезисы т. Ленина, в нашей партии почувствовались некоторые колебания, многие из товарищей указывали, что т. Ленин имеет синдикалистический уклон, что он оторвался от России, не учитывает данного момента и т. д. Однако эти колебания длились недолго, скоро все поняли правильность его тезисов и необходимость их проведения в жизнь.

На первой демонстрации 12 марта мы шли под лозунгами „Долой войну", „Вся власть Советам", „8-ми часовой рабочий день", „фабрики рабочим—землю крестьянам" и т. д. Большевики все больше и больше завоевывали симпатии масс. На митингах принимались большевистские резолюции. Борьба с буржуазией с каждым днем обострялась, в особенности, когда встал вопрос о кризисе министерства, куда вошло шесть социалистов—меньшевиков и эсеров и десять капиталистов. 18 июня М. К. организовал демонстрацию, носившую безусловно боевой характер под лозунгом „Долой десять министров капиталистов". Демонстрация прошла с большим успехом, хотя ей пришлось выдержать жестокое столкновение со всеми группами буржуазии. Из самых крупных заводов, принимавших участие в демонстрации были: военно-промышленный, шевро-хром и др.; наша демонстрация прошла стройными сомкнутыми рядами к Московскому Совету и обратно. По дороге буржуазия и черносотенцы бросали в нас камнями и вырывали знамена с надписями: „Долой войну" и „десять министров капиталистов". Огнестрельное оружие не пускалось в ход, но борьба была отчаянная. Демонстранты сумели выйти победителями, удержать знамя и в боевом порядке вернуться домой.

Теперь, товарищи, я хочу остановиться на июльских событиях в Москве. К этому времени фракция большевиков в Совете значительно выросла и уже составляла приблизительно одну треть всего совета. Но большинство там было

всетаки эсэров, хотя и у меньшевиков была довольно значительная фракция.

3-го июля наша фракция решила во что бы то ни стало пойти к Московскому совету, организовать митинг, высказать солидарность с фракцией большевиков Петроградского совета и разоблачить ту ложь, которая была вылита подлецом Алексинским на т. Ленина. В этот день, придя на пленум совета (заседание происходило в Политехническом музее), наша фракция заявила, что те клеветники, которые выливают грязь на рабочую партию и ее вождей, тем самым душат революцию и что фракция большевиков в знак своего протеста уходит с заседания. В этот момент часть эсэров во главе с разъяренными офицерами подбежала к трибуне и устроила скандал. Как мне помнится тогда т. Ведерников был начальником Красной Гвардии и находился в президиуме, он заявил:—не страшно ваше бряцание оружием, ибо у нас есть достаточно сил, которыми мы в любой момент можем отразить ваше нападение. После этого фракция большевиков покинула зал заседания и направилась к зданию Московского Совета. Там был организован митинг. Наши товарищи и анархисты, которые в этот момент нас поддерживали, произносили с балкона речи. Митинг прошел удачно. По его окончании двинулись по Тверской улице в Гнездниковский пер., где был Московский комитет. Здесь встретились с отрядами юнкеров, которые разсеяли часть демонстрантов, остальная часть пошла вперед к М. К., тут встретил нас т. Подбельский, выступил с краткой речью и предложил разойтись по районам. Правда, демонстрация наша не была внушительной, но все таки здесь было создано настроение в нашу пользу.

Теперь я остановлюсь на той травле, которой подвергались большевики со стороны временного правительства, кадетов, меньшевиков, эсэров, черносотенцев, и просто мещански настроенных обывателей в июльские дни. Не говоря уже о той клевете, которая сыпалась на нас со всех сторон, нередко бывали также случаи, что члены нашей партии подвергались на улицах избиению.

Комитетам партии приходилось работать полулегально. Наш Басманный комитет также подвергался обыску. У нас имелось немного оружия, но оно было так хорошо спрятано,

что отыскать его при обыске не удалось. Вся наша литература также просматривалась. Арестов в самом комитете не было, но при уличных набегах полиции был арестован ряд наших товарищей.

В конце июля (по старому) в Московском Совете и в Городской Думе был поднят вопрос о смертной казни для солдат. Меньшевики и эсэры стояли за смертную казнь. Наша фракция большевиков—против смертной казни. Это привлекло сочувствие масс на нашу сторону. Положение меньшевиков и эс-эров поколебалось, рабочие, которые раньше шли за ними—теперь пошли за большевиками. Как раз в тот момент к нам присоединилась группа рабочих—объединенцев. Да этого времени объединенцы, не имея определенной программы, то помогали нам, то наоборот мешали. Однажды один из этих объединенцев, как мне помнится, Гальперин, очень помог нам, присоединив свой голос к нашей резолюции в Совете против смертной казни, которая большинством была принята. Эту резолюцию мы проводили также по фабрикам и заводам, везде она получала большинство; там, где были избраны в Совет меньшевики и эс-эры, рабочие делали перевыборы и посылали большевиков.

Отмечу еще один важный момент—это созыв 12 августа так называемого демократического совещания, на которое были приглашены царские генералы, как например, Корнилов, и представители буржуазии. Представители же нашей партии явились на совещание лишь для того, чтобы огласить декларацию, разоблачающую контр-революционный характер этого совещания и демонстративно покинуть его.

В знак протеста против этого совещания в Москве с ее окрестностями бастовало 12 августа около 400.000 рабочих. Наши товарищи повсюду устраивали митинги, раскрывая карты буржуазии и предупреждали массы о грозящей опасности.

Когда наше предсказание оправдалось и Корнилов организовал военный заговор против Временного Пр-ва, Керенский струсил и стал призывать большевиков образовать единый фронт для борьбы с черносотенными врагами. В это время было арестовано несколько монархически настроенных генералов и офицеров. Но мы сразу предупреждали рабо-

чих, что Временное Пр-во вовсе не стремится к их действительному освобождению, а лишь хочет их использовать в своих целях.

Теперь я остановлюсь на работе Городской Думы. Вскоре после февральской революции, в дни засилья эс-эров, их прошло в Городскую Думу 115 человек (как выяснилось после, в Городской Думе было 40% кадетов, называвших себя эсэрами), затем шли меньшевики, а нас там было всего человек 20, во главе с т. Скворцовым-Степановым.

Это было время тяжелой борьбы. С сентября начались выборы в районные думы, давшие нам везде большинство. Фактически мы, организовали совет районных дум, который сыграл колоссальную роль. В районных думах рабочие из низов имели своих представителей, свою рабочую партию в лице большевиков, между тем, как в городской думе собралась компания бывших домовладельцев, шедших под эсэровскими лозунгами, и когда районным думам противопоставляли городскую, победа всегда оставалась на стороне первых. И накануне октября, когда встал вопрос о свержении Временного Пр-ва под лозунгом „Вся власть советам", мы имели в районных думах надлежащую базу.

Цихон.

ЗАВОД МИХЕЛЬСОН.

Прежде всего я остановлюсь на нашем заводе бывш. Михельсон, который сыграл очень важную роль в революционном рабочем движении Красного Замоскворечья. В начале 1915 г. прибыла сюда целая группа рабочих из Питера от Путилова, а т. к. завод Михельсон вновь открывался, требовались рабочие во все цехи. Наплыв путиловцев внес живую революционную струю в тихую Гоперовскую (Гопер-владелец завода) крепость, в котором рабочие, старого подбора жили по 20—30 лет, ничего не требовали, покорно ожидая хозяйской милости. С прибытием путиловцев хозяйское благополучие было нарушено, посыпался ряд требовоний: организации больничной кассы, своевременной уплаты жалования, отмены штрафов, отмены обысков и т. д. вплоть до института старост, что вызвало сильный гнев администрации. Пошли сплошные аресты, были арестованы т.т. Крылов Мих., Журавлев, Костин и целый ряд других тов. Должен сказать, что атмосфера на окружающих заводах в районе была далеко не большевистская, в большинстве аполитичная, а если и было на некоторых заводах политическое течение, то зараженное шовинизмом и шкурничеством. Публика была в большинстве военнообязанная, боявшаяся попасть на фронт, да еще находившаяся под влиянием меньшевиков из военно-промышленного комитета. (Девяткина, Красникова от Сытина, Черегородцева от Бромлей и др. им подобных фруктов).

Из нас небольшая группа товарищей, в лице товарищей: Горбачик Ольги, меня, Уварова Андрея и Волкова Ивана, задалась целью организовать ячейку. В первую голову связь со столовкой Коммерческого Института, которая в то время являлась единственным проводником культурно-просве-

тительных и политических начинаний в районе. Мы достали через т. Тера (который являлся ответственным организатором района от МК), пропагандистку т. Люсю Лесинову и друг., которые читали лекции у нас в кружке; собирались мы где попало: у меня, у т. Уварова, в подвалах и т. д. Работа пошла полным темпом. Кружок наш расширялся, в 16 году мы имели 17 членов ячейки и сумели завоевать авторитет у рабочей массы, что показали выборы в больничную кассу—прошли наши списки по всем цехам. Сознание рабочих росло, требования рабочих были организованные, обдуманные, на разбор тех или иных конфликтов шли наши парни всегда предварительно согласовавшись в ячейке... Помимо заводской работы, ячейка много поработала по связи с другими заводами, где вели отчаянную борьбу с оборонцами. Должен сказать, что влияние меньшевиков Девяткина и Черегородцева в массах было настолько сильно, что о нас не хотели и слышать. Но не взирая на все мы продолжали работу, шли тихим, но верным шагом, завоевывая связь и разъясняя рабочим окружающих предприятий гибельную политику оборонцев.

Работа не пропала даром. 9 января 1917 года мы вывели наш завод на улицу с красными флагами, под лозунгами „Долой войну“ и „хлеба рабочим“, с пением Варшавянки, сняли рабочих с фаб-ки Котова и Ганзина, часть из нас направилась к з-ду Бромлей, (з-дам же Бари и Динамо не пришлось примкнуть к нам, т. к. они были отрезаны полицией у Цинделевского моста). Выступления у нас были согласованы через Попка от Динамо, который впоследствии оказался провокатором.

Не взирая на отчаянный отговор меньшевиков и их агитаторские способности, нам удалось вытащить большую половину рабочих, рассказав им, что их уже ждет целый ряд фабрик и заводов. Мы направились на Шаболовку, к фабрике Симоно, рабочие которой присоединились к нам и пошли к Калужской площади массой в количестве несколько тысяч. Сняли рабочих с ф-ки „Шарико-Подшипник“ и Ефремов. Тут полиция уже была безсильна. Мы направились по Пятницкой к электрической станции, но когда мы проходили мимо Сытина, оттуда из засады выскочили целые лавы конных и пеших городовиков с обнаженными

шашками, пошли в ход болты, гайки, булыжник и т. д. Ряды были расстроены, многие товарищи тяжко избиты и арестованы. После этого работать стало труднее, вести работу приходилось с большой осторожностью, шпики шныряли повсюду, события развивались не по дням, а по часам. В связи с неудачей на фронтах и вздорожанием продуктов недовольство рабочих росло. К лозунгу „Война до победного конца“ рабочие стали относится с презрением, в особенности женщины, имеющие на фронтах своих мужей, братьев и детей. Вид калек, ползущих и просящих по улицам и ничем не обеспеченных, кроме образков и медалей на груди, все это волновало рабочих и даже обывателей. Не помню точно какого числа, в феврале, ячейка получила задание от МК ознаменовать международный день женщины-работницы. Мы собрались для обсуждения этого вопроса на квартире Уварова, где также присутствовала пропагандистка (ныне покойная) Люся Лесинова.

Здесь мы решили устроить митинг, связаться с другими фабриками и заводами и еще раз попытаться вытащить рабочих на улицу. Распределили между собой роли, кто как должен действовать, меня назначили делать доклад на этом митинге. Но так как после первой демонстрации за нами усиленно следили, что не могло ускользнуть от нашего взора, и мы ждали с часу на час обысков и арестов, (уже многие из нас не ночевали на своих квартирах), то решили выступающего загримировать и только не сделали это за отсутствием средств: с нас запросили, насколько помню, что-то более 70 рублей. Тогда решили устроить хотя бы маленький маскарад с переодеванием и окружить оратора тесным кольцом своих парней.

В означенный день, около 10 ч. утра, по свистку из цеха остановили завод и собрались в новом гранатном корпусе. Я вкратце, как мог, обрисовал современный момент и отметил значение женщины в освободительном движении. Была вынесена резолюция: кончить работу, выйти на улицу и снять с работы другие заводы. С пением Варшавянки рабочие двинулись к воротам, появились красные флаги, политические лозунги: „Долой войну“. Я забежал на скорую руку в „парламент“ (уборная), переоделся и, согласно накануне выработанному плану, я и Волков Иван (ныне покойный)

побежали к зав. Бромлей. Часть тов. побежали на другие заводы оповестить, что Михельсон выступил, а часть осталась руководить демонстрацией у Бромлея. Нам с Волковым удалось вытащить весь завод, кроме кирочной мастерской, не взирая на ярое противодействие меньшевика Черегородцева и др. Мы направились по переулку на Шаболовку чтобы снять лежащие на пути к Серпуховской площади фабрики и заводы, но не доходя до Донской улицы отряд конной и пешей полиции рассеял плетьми шествие.

В это же время у нас на заводе произошло следующее: администрация и полиция заперли ворота. Когда рабочие, дойдя до ворот, увидели их запертыми, начали споры да ругань, стали митинговать, появились провокаторы, настроение переменилось, администрация воспользовалась случаем —стали поступать предложения вернуться к станкам, а так как в гранатном отделении большинство было лавочников да торговцев, укрывшихся от войны—в результате вышло на демонстрацию человек 200 с небольшим, да и те после обеда тоже приступили к работе.

Не вышли на работу только члены ячейки в количестве около 17 человек. Положение создалось пиковое: на квартиры явиться было нельзя, некоторые товарищи пробовали, но видя снующих подозрительных типов, возвращались, а на завод и подавно явиться нельзя—это было равносильно отдаче себя в руки охранки. Стали один по одному собирать своих парней, решили собраться, чтобы обсудить создавшееся положение. Место назначили в кабачке „Теремок". Чтобы отвлечь внимание, заказали 2 бутылки спирта, в отдельном кабинете устроили пляску. Саша Киреев (убитый в октябре), очень хорошо плясал, одним словом, симмулировали „пьянку". Из докладов товарищей, ходивших на другие заводы, выяснилось, что везде получалась такая же картина. Симоновку тоже рассеяли полицейские, у нас же на заводе нашлись такие рабочие из лавочников, которые грозили при нашем появлении на завод нас выдать полиции. Решили ночевать где попало и назначили место встречи на другой день...

Вечером стали распространяться слухи, что в Питере всеобщая забастовка, утром также ходили разные слухи, но точно никто ничего не знал. Рабочие при встрече говорили

нам, что администрация о чем то все шушукается, стала обходительнее. Это нас воодушевляло, мы заработали еще энергичнее. Не взирая на то, что вся полиция была поставлена на ноги, мы обежали почти все крупные заводы, столовку, а также и МК, информируя их о случившемся.

От МК мы получили некоторые задания и листовку для распространения. Каждый час были все новые, хотя и непроверенные версии, положение круто изменилось, мы пошли на завод и действительно убедились в растерянности администрации. Об аресте нас уже не было и речи, с нами, что называется, стали заигрывать. Многие прохвосты и провокаторы, которые у нас были на подозрении, как например, Золоцов (впоследствии оказался действительно провокатором) и другие, ему подобные, начали „розоветь".

Вечером после работы мы пошли в столовку, выбрали для связи нашей ячейки с МК Ольгу Горбачик, меня и Волкова Ивана.

В районе ночью получили через МК подтверждение, что в Питере всеобщая забастовка. Всю ночь работали по разноске сведений и заданий, а также печатали листовки. Под утро получили от МК задание выступить на завтрашний день, о чем будем оповещены через докладчика, которого нам пришлют на завод. Мы с своей стороны предупредили все окружающие заводы, чтобы они были наготове и держали связь с нами. От МК мы получили распоряжение, что о моменте выступления нас уведомит Попок с завода Динамо. Утром мы вышли на работу, а также вышли на работу и все рабочие, но к работе не приступали. Рабочие, собравшись кучками, обсуждали создавшееся положение. Каждую минуту получались разнохарактерные сведения, в том числе и провокационные. Ждем час, другой, но Попка все нет, решили послать парней к нему. Попок сказал: ждите, потому что нет оффициальных данных из Питера. Когда же мы ему сказали, что ждать нечего, иначе рабочие выйдут сами, помимо нас, он уговаривал подождать во избежание кровопролития. Когда мы с Волковым или Уваровым, не помню точно, прибежали на завод, туда уже пришел меньшевик (фамилию забыл), который нам сказал, что нужно выступать, мы же сказали, что ждем директив МК и обойдемся без его помощи. Подождали еще некоторое время, Попок

все не приходил, побежали в столовку к Тёру, он сказал, выбирайте в Совет, направляйтесь к Думе. По свистку собрали весь завод, из маленьких кучек выросла громадная масса—более 2000 человек. Выбрали представителями в Совет Ольгу Горбачик, Волкова Ивана и меня. С красными флагами и песнями выступили на улицу, соединились на Серпуховской площади с другими заводами, выступившими по нашему предупреждению и, вооружившись чем попало: кто болтами, кто нагайками, кто отточенными из напильников кинжалами—двинулись вперед. Характерно, что у нас в ячейке было всего лишь три бомбы и один испорченный „бульдошка", купленные на собранные деньги с членов ячейки. (В нашей подпольной ячейке был организован небольшой фонд и приобретено помимо вышеуказаннного оружия рублей на 30 книг, которые после февральской революции вместе с денежным фондом—около 70 рублей—были сданы в Райком т. Уваровым, казначеем нашей подпольной ячейки). Во время шествия наша ячейка и нам сочувствующая молодежь, вооруженная гайками и болтами, решили итти цепью впереди и, если понадобится, дать сопротивление вплоть—до бросания бомб. Все шло хорошо, массы двигались стройными рядами, но только что прошли Сытина, как выскочили из засады конные и пешие городовики, с нашей стороны полетели болты, гайки, на момент массы были несколько дезорганизованы, мы же продолжали итти цепью, не взирая на то, что из нас кой-кого стали бить. Мы выхватили имеющиеся у нас бомбы, предупредив, что будем их бросать. Тогда городовики попятились и стали кричать—расходись,— мы же продолжали итти, сзади сопровождаемые полицией. Дойдя до Красной площади, мы увидели следующее зрелище: море народу... взобравшись на фонарный столб, ораторствовал до хрипоты т. „Крокодил" (Фельдман), призывая окружающих итти в тюрьмы освобождать товарищей и в казармы к солдатам, агитировать за присоединение к рабочим. Я и Ольга, ведя под руки сильно побитого товарища Волкова, который впоследствии умер, проходя мимо Исторического музея, увидели сгруппировавшихся, как истуканы, неподвижно стоящих конных жандармов. Можете себе представить, сколько у нас было презрения к этим жалким гадам, так и хотелось броситься отомстить за доро-

гого и хорошего революционера т. Волкова Ваню, который обливаясь кровью говорил, что придет время и они будут жалеть, эти жалкие холопы, что они мешали рабочему движению; но подойдя к Иверской, он совсем стал чувствовать себя плохо, пришлось его отправить домой.

У Думы народу было море, т. Вознесенский, как сейчас помню, в грамофонный рупор сообщал новости из Питера. Мы, предъявив свои мандаты, как выборные от завода в Совет, прошли в Думу. Там уже орудовал меньшевик Никитин и Черегородцев, стали собираться наши: Пивунов, Обух, Ногин и другие товарищи. Мы направились целой лавой, запрудив все улицы, к Спасским казармам. Там во время митингов были провокационные выстрелы со стороны офицеров, но народ все же не расходился. Солдаты, выстроенные на дворе, стояли и не решались тронуться, кроме одиночек, для присоединения к нам.

И лишь под вечер, когда какой-то инвалид, подойдя на костылях, стал усовещевать солдат со словами: товарищи солдаты, вы боитесь, имея оружие, посмотрите, к вам пришли рабочие с голыми руками, в блузах, от станков, идя на смерть, потому что не знают—пойдете ли вы с ними или будете в них стрелять.

Это очень на солдат подействовало, стали отделяться сперва по одиночке, потом группами и скоро тронулся весь полк, остались только офицеры, да и из них многие примкнули потом.

С музыкой направились к Думе, туда уже подошли коекакие другие части. Отсюда ездили освобождать заключенных в Бутырки, потом в Таганку. Помню, когда освободили т. Дзержинского, в арестанском платье только что из тюрьмы, он выступал в Совете (думе).

На другой день с организовали фракцию, от фракции были представители в комитете общественных организаций, в том числе и я. Пришлось там сидеть с палачем рабочего класса Рябушинским и другими ему подобными. Там были представители от рабочих как большевиков, так и меньшевиков, с первого же времени появились острые противоречия между интересами революционных рабочих и соглашателями вкупе с Рябушинским и компанией. Так продолжалось около двух недель. Мы ежедневно, по утрам, делали доклады ра-

бочим, информируя их о событиях. На местах же стали проводить в жизнь лозунг „8-ми часовой рабочий день", а так как проводниками этого и других лозунгов, (как например, „Долой войну") были большевики, то сочувствие к нам рабочих масс росло не по дням, а по часам. Наша ячейка также росла количеством и авторитетом, связи и влияние нашего завода на окружающие предприятия в то время были огромны. Мы пронюхали, что на Ряз.-Уральском вокзале в складах Сибирского банка лежит оружие, эвакуированное Варшавской полицией. Мы решили его взять, организовали группу товарищей и, с ведома столовки, совместно с некоторыми нашими товарищами студентами Коммерческого Института, как например Петра Арутюнянца, и других, нам удалось завладеть несколькими сотнями винтовок, маузеров, браунингов, „Смит-Вессонов" и патронами к ним. Все это мы сложили на грузовые автомобили и развезли, сперва в несколько мест, а потом решили спрятать у себя на заводе, обставив так, что немногие об этом знали, даже в ячейке.

Дело в том, что стены завода нового корпуса имеют двойную стенку, ночью мы туда и запрятали все винтовки, патроны, периодически по ночам чистя и смазывая их. Вплоть до октябрьской революции никого не посвящали в то, где они находились, оставив ограниченное количество в завкоме для охраны. Револьверы Маузера и браунинги в большинстве раздали по рукам нашим парням.

В период с февраля до октября, не покладая рук, с полной энергией по ночам точили бомбы и начиняли их. Можно сказать со спокойной совестью, что наш завод ко дню корниловщины был хорошим арсеналом. Нашим оружием были вооружены в октябре не только наши рабочие и окружающие заводы, но и Двинцы. Одновременно мы организовывали красную гвардию, в которой у нас только на заводе насчитывалось более четырехсот человек (не считая Котова-Ганзена и др. предприятий), обучавшихся под нашим руководством и нашими инструкторами. А также мы завели товарищеское братское сотрудничество с 55 запасным полком, проводя целый ряд удачных начинаний, как например, культурно-просветительные работы и материальную поддержку солдат рабочими, делавшими отчисления. Мы организовали бесплатную для солдат доставку газет „Социал-Демократ", книг,

совместные концерты и другую братскую помощь, которая доходила порой даже до курьезов. Например, поставят кого нибудь под ружье, сейчас бегут к нам жаловаться... Мы устраивали совместные заседания полкового комитета и завкома и разрешали совместно вопросы. Все это создавало самую неразрывную спайку; бывало во время уличных митингов, если где либо обидят михельсоновца, то достаточно узнать хотя одному солдату, то сейчас же бегут целыми группами на выручку. А обид тогда было много, травили германским золотом, изменой и всей соглашательской подлой ложью. Да еще под боком были школы 2, 3 и 4-я юнкеров, стоящих в Александровских казармах, которые своими выходками волновали, как рабочих, так и солдат.

Одним словом, спайка была на редкость крепкая, братание буквальное. 55-й полк был окрещен Михельсоно-большевистским, не только рабочими, но и обывателями,—жизнью жили одной, горе переживали и радость вместе. Характерный случай произошел 22 апреля 1917 г., когда Милюков бросил лозунг о Дарданелах.

Наш завод решил протестовать. Когда мы созвали завком (завком был исключительно большевистский) и оповестили полк о нашем намерении, то через несколько времени прибегают к нам в завком посыльные из полка со словами, что нас приглашают на заседание полкового комитета, (обсуждается вопрос, выступать полку или нет). Я, т. Иванов, Уваров и др. в количестве 12 человек отправились на заседание. Председатель полкового комитета в то время был т. Сергей Крюков, ныне покойный. На протест офицеров, входящих в комитет, которые заявили, что присутствие Михельсоновцев здесь лишнее, так как решается вопрос чисто военный,—чреватый последствиями, т. Крюков возразил, что приглашенные рабочие из завкома до сих пор пользовались решающими голосами в полковом комитете, также как и члены полкового комитета в завкоме, и что в данном случае представляется право каждому товарищу из завкома по своему усмотрению голосовать или нет. Мы, конечно, этим правом не только воспользовались, но даже послали сказать остальным товарищам, чтобы скорее бежали сюда, что те и не замедлили исполнить. Не помню, сколько

пришло, но результаты голосования были поразительные: 1) на вопрос выступить или нет, большинством постановили—выступить; 2) на вопрос как выступить, мирной демонстрацией или с оружием—голосование показало—с оружием; 3) на вопрос брать ли патроны, поступило предложение итти в полном вооружении. Голоснули опять, оказалось за это предложение большинство. Тогда офицеры подняли бучу, что они не поведут роты, а командир полка совсем отказался итти. Ну что же, пришлось и на это согласиться, вместо командира взял на себя командование т. Крюков под руководством Тера и Марьина из Райкома. Кстати сказать, покойный Крюков, такой военный, что не только командовать, но и ходить то по военному не мог. Не взирая на это полк выстроили на плацу, послали гонцов за братом Крюкова Федором, который был прапорщиком и с флагами „долой Временное Пр-во и Милюкова Дарданельского", написанными наскоро мелом и краской, тронулись на Тверскую к Совету. Также выступили и все заводы, оповещенные нами. Я, т. Новиков и Хоркин тоже с красным флагом с тем же лозунгом поехали на машине в МК в Капцовское училище предупредить, что район выступил во главе с воинскими частями в полном вооружении. Застали мы там т. Землячку, Вегера, Овсянникова, Ногина, Пятницкого и др. товарищей. Они были несколько поражены, но делать было нечего, т. Землячка предложила ехать навстречу и приветствовать. Не помню точно всех, кто с нами тогда поехал, но знаю, что т. Овсянников, Ангарский и, кажется, Ногин В. П. или Бухарин. Не доезжая до Иверской, на площади, громадная толпа буржуазно-эсэровской дребедени нас остановила. Проехать было невозможно, толпа на нас наседала с требованием убрать флаг с надписью „Долой Временное Правительство". Машина у нас заглохла, шофер слез заводить, толпа наседала с диким воем: „Бей, рви". Нам пришлось взяться за оружие, у нас были с собой маузера. Толпа все зверела. Не знаю чем бы это могло кончиться, если бы не курьезный случай: по всей вероятности в корбюратор попала капля воды и когда шофер стал заводить, получился взрыв на подобие выстрела, толпа, испугавшись выстрела бросилась в разные стороны. Со стороны же Красной площади послышался какой то шум и трескотня, а так как мы стояли в

низине и за большим количеством людей, нам не видать было, что делается на Красной площади.

Оказалось, что как раз в тот момент подходил к Иверской 55-й полк. Услышав выстрел, полк в несколько тысяч человек рассыпался по всей Красной площади, а трескотня слышалась от щелканья затворами при заряжении винтовок. Картина была жуткая, но и смешная; через несколько мгновений бегут к нам не один, а двое Крюковых, с обнаженными шашками, со свитой, т.-е. генералитетом и унтер-офицерами со словами: „Кто стрелял“? Мы рассказали, что произошло.

Полк опять выстроился, не помню, кто то выступал с приветствием. Направились к Совету, там, увидев массу, выступил Хинчук с балкона. Он успокаивал, говоря, что все меры будут приняты и просил итти домой. Буржуазная шушера пыталась порвать наши флаги, и тут-то вот и проявила себя наша заводская Красная Гвардия. В количестве более ста человек, вооруженная под пиджаками маузерами, под командой Пана выступила она вперед, как один; на глазах меньшевистско-эсэровского исполкома, наблюдавшего с балкона, как вся буржуазия и обывательщина бросилась бежать в разные стороны, услышав команду: — „Красная Гвардия, вперед“.

Со Скобелевской площади мы направились к Капцовскому училищу в МК. Там с приветствиями выступали, если не ошибаюсь, т. Рыков, Землячка и другие; оставив караул МК, мы направились в район. Шествие по тому времени было грандиозное. Дошли мы до дому благополучно, никаких препятствий не встречали на пути, кроме в испуге прячущейся буржуазии и глазеющей обывательщины.

На другой день мы узнали, что на нас глядя выступали и другие районы, как например, Бауманский, у которого, благодаря слабой организации, были порваны флаги и некоторых товарищей поколотили, о чем рассказывал участник тов. Белорусов с военно-промышленного завода (Б. Вехельт).

Позднее 55-й полк также принимал участие в совместных с нами выступлениях 3 и 5 июля, 18-го июля с протестом против наступления на Стоходе и 12-го августа против Московского Совещания. В дни корниловщины, имея крепкую спайку с воинскими частями, которые Керенский окрестил большевистскими и которые не раз отказывались ехать

на фронт, а также имея у себя на заводе сильную организацию, мы имели возможность задавать тон не только в районе, но и в Москве. Влияние наше было сильное, работа кипела и были хорошие результаты, не взирая на препятствия, которые ставила нам администрация в лице таких пройдох русской промышленной буржуазии, как Михельсон, председатель общества фабрикантов и заводчиков.

К октябрю, в районе и в частности у насна заводе стали готовиться и усилили работу по точке гранат, по ночам и даже днем. После исторического заседания Моссовета в Политехническом музее (кажется 11 августа) с протестом против корниловщины, когда мы с возмущением стаскивали с трибуны, Кибрика и Черепанова—за клевету на московский пролетариат, который они обвиняли в предательстве за то, что рабочие объявили забастовку протеста против тирании Корнилова и введения смертной казни. Выходки Кибрика, Черепанова, Шварца и др. им подобных настолько возмутили всех более или менее честных пролетариев, не говоря уже о большевиках, что если бы не увещевание уважаемых наших товарищей, бывших в Президиуме: т. т. Муралова Н. И., Мостовенко, Ногина, Смидовича и Когана (ныне покойного) не знаю чем бы все это могло кончиться, так как терпение у рабочих изсякало.

Позднее споры с соглашателями об организации Красной Гвардии, история с двинцами и наша победа на выборах в Думы, все это вместе взятое сгущало атмосферу и час развязки приближался. Особенно это чувствовалось в пролетарском нашем районе. Низы очень сильно подталкивали, наши центры сомневались и боялись, что рабочие еще не готовы. Но рабочие были готовы и достаточно учли свои силы, в чем сомневались наши верхи. Я хорошо помню историческое бурное собрание у нас в районе за несколько дней до октября, когда представители МК не решались на выступление, боясь поражения. Тогда рабочие заявили категорически, что выступят самовольно, ибо дальше терпеть нет возможности. И лишь убедившись, что это заявление не пустые слова, а действительность, МК стал предпринимать шаги в этой области. В частности у нас в районе был выработан план, было учтено все оружие и т. д. Если не ошибаюсь, 22 или 23, меня (я в то время был секре-

тарем ячейки и райкома) вызвал в МК военный организатор т. Пече и сказал, что надо выделить группу товарищей из ячейки способных на все, если понадобиться и умереть. Нам дано было следующее задание: нужно произвести обыск у городского головы Руднева, на Чистых прудах, и в особняке в Петровском парке (фамилии не помню), т. к. по имеющимся сведениям туда вывезено большое количество пулеметов, ими надо воспользоваться. Для отвлечения внимания будут даны ордера Моссовета на предмет обыска. Нам же помимо выделения товарищей приказали достать автомобили со своими шоферами и захватить винтовки (количества не помню, что-то около ста) для вооружения двинцев, которые с нами поедут для окружения домов, где будут производиться обыски. Приказано было явиться всем к восьми часам утра в Горсовет к Сухаревой. Я, придя из МК, собрал ячейку; не говоря о цели, назначили персонально более знающих товарищей, способных на все и малосемейных. Через т. Махниковского, который был завгаражем Земсоюза на Соляном дворе, сзади Трамвайной станции, достали шоферов большевиков, 2 грузчиков, 2 легковых машины и к означенному часу явились в Горсовет к Сухаревой площади. Всех своих парней вооружили как надо маузерами, бомбами и т. п., а также привезли винтовки и бомбы для двинцев. Все это было обработано более или менее конспиративно, даже не знали те члены ячейки, которые не внушали большого доверия. Когда ехали в Горсовет, мимо Лубянской площади, там были расставлены рябые французские пушки, как нам было известно, без снарядов.

Получив инструкции, ордера и адреса, на автомобилях отправились по назначению—одна группа на Чистые пруды к Рудневу, другая—в Петровский парк, в обоих группах были двинцы. Я поехал с группой в Петровский парк, как тут, так и там обыск не дал положительных результатов. Кроме небольшого количества револьверов ничего не нашли.

Курьезный случай у нас произошел с полицией или как ее уже называли в то время, милицией. Мы ордер в милиции не визировали. Когда мы окружили особняк, который с садом занимал почти целый квартал, через некоторое

время прибегает к нам начальник участка узнать в чем дело. Наши его пропускают в ворота и приводят к нам, мы показали ордер, он успокоился и хотел уходить, но мы заявили, что уходить он не может, должен здесь присутствовать. Через некоторое время прибегает помощник, его постигла такая же участь, пришли еще—и тех мы оставили. Через короткое время почти весь участок был у нас, тогда начальник участка стал просить, чтобы мы их отпустили, потому что в участке никого не осталось, мы ему заявили, т. к. мы вам не доверяем и чтобы не произошло лишнего возбуждения населения, выпущен никто не может быть до окончания обыска, а чтобы скорее кончить, вы должны помогать нам. После обыска дали знать шоферам заводить машины; в последний момент, обезоружив всех присутствующих из участка, уехали. Хотели ехать через Тверскую заставу, но товарищи, стоявшие на часах, заявили, что проходившие граждане говорят, что у Тверской стоит полк казаков, а почта занята юнкерами, тогда мы решили дать круг через Бутырскую заставу. Слухи эти оказались провокационными. Доехали до Совета благополучно, уже было темно, ссадили двинцев и, забрав винтовки, отправились на завод.

В наше отсутствие многое изменилось, юнкера, стоявщие в Александровских казармах, днем в полном вооружении с пулеметами и с хулиганскими песнями ходили по улицам и мимо завода, чем страшно возмутили солдат 55 полка и рабочих, и лишь только авторитет наших парней остановил рабочих и солдат от расправы с хулиганами.

Вечером, придя в Райком, я нашел такую картину: нерешительность и сомнение верхов и отчаянный напор за выступление низов. Под напором рабочих решили на другой день 24 или 25 октября, не помню точно, отправить делегацию в Моссовет о немедленном вооружении всех рабочих оружием, находящимся в складах и арсеналах.

Также под напором развивающихся событий было созвано экстренное заседание райкома с присутствием активных товарищей от заводов, а также с представителями МК. Должен сказать, что это собрание было одно из бурных нашего района. Было две точки зрения — представители центра доказывали, что нужно быть осторожными, держаться выжидательной позиции и ни в коем случае не реагировать

оружием на хулиганские выходки юнкеров и прочей дряни. Рабочие же высказывались, наоборот, за немедленное выступление и за пресечение в корне выходок юнкеров, не останавливаясь ни перед какими жертвами. В противном случае рабочие выступят помимо МК. Споры были ожесточенные, доходило чуть не до кулаков. Поздно ночью решили выступать, о чем довели до сведения МК и Моссовета. Выделив парней решили послать делегацией в Моссовет с требованием о немедленном вооружении всех рабочих. Выработали план действий, наметили кандидатов в Ревком, от совета решили ввести на паритетных началах от всех трех фракций: от левых эс-эров Зито, от меньшевиков, не помню точно, кажется Красникова, от большевиков Коссиора и еще кого-то не помню. Связались с другими районами, где была почти такая же картина. В Моссовете под напором районов стали принимать более решительные меры к организации Ревкома. Первоначально назначили по районам военных диктаторов, у нас в районе был назначен тов. Фельдман, по кличке „Крокодил“, который, конечно, не был никогда не только военным, но даже и винтовку то не умел держать. Но не взирая на это, он как подобает диктатору, взял на учет все военные части и назначил на каждую военную часть комиссара. Я был назначен комиссаром 55 запасного полка.

Утром, придя на завод, согласно накануне выработанным в Райкоме директивам, часть выделенных товарищей, совместно с представителями других заводов, направились в Моссовет с требованием немедленного вооружения рабочих. Мы же в свою очередь стали доставать из стен винтовки, бомбы, револьверы и к ним патроны. Каково же было удивление служащих и администрации, а также и рабочих, когда стали разбирать стены и достали груду оружия. Помещением, где было спрятано оружие, первоначально был завком, а впоследствии контора. И вот, товарищи, вообразите каково было положение контр-революционной администрации и обывательски-настроенных служащих, работавших и ничего не подозревавших о существовании под боком целого арсенала разного оружия.

К вечеру выяснилось, что товарищи, отправившиеся в Совет, арестованы юнкерами на трамвае у Красной площади.

Картина была уже ясная, мосты Каменный и Москворецкий постепенно занимались юнкерами и студентами.

Был ли создан в центре Ревком, не знаю, но точно помню что на наш район был назначен (Моссоветом или Ревкомом) чрезвычайный комиссар или диктатор т. Фельдман— „Крокодил"; в то время в столовке происходили совещание за совещанием, работа кипела во всю, вооружались и вооружали, чем могли; мобилизовали все оружие и транспорт, а на заводах работа также кипела по организации отрядов Красной Гвардии. Предполагали создать Ревком с представителями меньшевиков и с.-р., которые обещали к нам прислать представителей: от с.-р. Зита, а от меньшевиков Малкина, но ни тот ни другой не пришли, а вместо Малкина пришел Красников, который пробыв несколько часов, тоже удрал.

Вечером, не помню какого числа, 26 или 27 октября, решили из столовки перебраться в ресторан Полякова, на Калужскую площадь, где потом во все дни октябрьского боя был штаб и Ревком. В это время юнкера и студенты стали уже безобразничать, обыскивая прохожих, что и сделали с некоторыми товарищами при переходе из столовки к Полякову. Не помню точно кого обыскивали, кажется Гуревича и Илью—обыскала группа белого студенчества во главе с офицером; этим поступком страшно возмутили наших боевиков, была выделена группа товарищей, чтобы проучить нахалов. Наши встретили их на Большой Серпуховке и здесь произошла первая стычка с кровопролитием в нашем районе. В ночь и под утро перестрелка перекинулась к Чугунному мосту, Каменному и на Остоженку, где начались уже формальные бои не на живот, а на смерть. Теперь остановлюсь насколько мне память позволит, (потому что за пять лет много ушло из головы) на ходе боевых действий и роли 55 полка, комиссаром которого я был.

После выше приведенного случая со студентами, свидетелем чего я был сам и перехода Штаба с Малой Серпуховки (столовки) в ресторан Полякова, я и командир полка, он же и председатель полкового комитета, по фамилии Дебюсси, (который не только не принимал никакого участия кроме дебоширства, но и оказался большим негодяем и пьяницей) получили от Ревкома задание немедленно занять

Чугунный и Малый Каменный мосты и не давать распространяться к району юнкерам, которые уже заняли Б. Каменный и Замоскворецкий мосты и начали теснить их обратно, а также мы получили задание во что бы то ни стало держать электрическую станцию „86 г.“ и трамвайную и послать через мост одну роту для охраны Моссовета.

Дебюсси, командир полка, стал спорить да ругаться с Цивцивадзе с угрозой, что не поведет полк, не помню сейчас, чем он это мотивировал. Я же не стал ждать, поехал в полк, где был созван экстренно полковой комитет, я сообщил поведение комполка и задание Ревкома, выбрали нового председателя т. Сокола, который и был во все время событий, а в помкомандира полка выдвинули т. Будзинского, который должен был вести работы. Тут произошел довольно таки траги-курьезный случай: новый наш командир, не имеющий в то время ни на грош военной выправки, одетый в рваную шинель, с внешней стороны похож был на плохого кашевара, но только не на командира. Одну роту, кажется, 11-ю послали в Моссовет, 4-ю роту выстроили на плацу во дворе казарм. И вот новый наш командир полка, т. Будзинский, не умея обращаться с винтовкой, взяв у одного из солдат и не зная, что она заряжена, ранил себя в руку, которую ему сейчас же перевязали. После этого он выступил с речью к солдатам, которые охотно пошли занимать мосты; итти пришлось цепью, гуськом по тротуару, потому что из окон стреляли; но не взирая на это солдаты шли смело, подбодряемые рабочими—красногвардейцами.

К утру у нас из полкового комитета были посланы роты на смену, а также и продовольствие. В это же время, сбежавший командир полка Дебюсси, под видом обыска взял 10-ю роту, самую ненадежную, в Коммерческий Институт. Нашли там в лаборатории спирт, перепоил всех и сам напился. Пришлось его арестовать, а роту сменять более надежной 12-й, из политических ссыльных.

Работа была очень тяжелая и трудная, но не взирая на это, солдаты перемешанные с рабочими, выполняли задания Ревкома хорошо. Состав полка был следующий — всего числилось офицеров по штату около трехсот, явилось утром и расписалось около 50-ти человек, да и те ушли на квар-

тиры под видом недомогания или другими путями укрывались от боя. Фактически с нами остались и пошли в караулы и с ротами 17 человек, чином не выше прапорщика, остальные ушли накануне в Александровское училище к юнкерам. Партийный состав был следующий: большевиков нас было раз два и обсчитался, я—присланный от Ревкома, Будзинский, Антонов и еще человека 2 сочувствующих нам, что же касается 12-й роты, то там было довольно таки порядочное количество левых с.-р., которые за небольшим исключением работали в контакте с нами.

На второй или третий день событий, не помню с кем, с Будзинским или Антоновым, пошли мы обходить казармы и слышим такой разговор:

— Иванов, а Иванов, — наверно большевики то за нас...

— А почему ты думаешь.

— Как почему... Гляди—ка наших чертей то (т.-е. офицеров) нет с нами, они все ушли к Рябцеву. Это подлинные слова солдат.

55-й запасный полк, у которого была также тесная связь с заводом Михельсона, сыграл колоссальную роль в октябрьском перевороте не только для Замоскворечья, но и для всей Москвы. Заслуги его не забудет рабочий класс гор. Москвы.

Теперь я перейду к отдельным моментам боев в Замоскворечьи. Был такой случай: не помню на какой день событий, патруль нашего полка задержал три кухни, запряженные парами казацких лошадей, везших обед из котлов ф-ки Котуар, из казармы, кажется 3 сотни, солдаты которой ушли в Кремль. В полковом комитете мы решили кухни оставить в полку, содержимое в кухнях отдать по ротам, а лошадей за неимением фуража отправить в Ревком для разведки. Но, так как у казаков в большинстве лошади собственные и они нас просили, чтобы мы их с лошадьми не разлучали, причем они дали честное слово, что они никаких козней не будут строить, а будут подчиняться приказаниям Ревкома, то мы их направили на Калужскую. Они сели верхом, но так как у казаков, хотя и кашеваров, имеются лампасы, то сразу же дошли до Ревкома слухи, что на нас двигаются казаки. Не прошло и трех минут, как звонит к нам Илья Цивцивадзе с бранью: какого, дескать,

чорта мы спим, нас казаки окружили. Мы по телефону говорим, что казаков здесь нет никаких, он ругается и приказывает, чтобы весь полк сейчас же был в боевой готовности, что мы и сделали, а сами с т. Соколом и Рачитским поехали на машине в Ревком узнать в чем дело. Там целая паника, все кричат, что казаки наступают, а когда показались с красными лампасами, ничего не подозревая мирно едущие верхом 6 всадников, то панике не было предела: все разбегались, некоторые прятались, рабочие готовились к отпору; стоило нам с Рачитским большого труда доказать, что это пленные из нашего полка.

Был еще у нас такой случай с 4-й ротой, у Большого Каменного моста мы не могли сменить роту и доставить продовольствие, потому что она находилась под перекрестным огнем: из садика Храма Спасителя, с башни Кремля и с угла Ленивки и Лебяжьего переулка строчили юнкера из пулеметов. Положение было отчаянное, патроны у солдат тоже иссякли, помощи подать никак было нельзя. И вот мы решили ночью во что бы то ни стало добраться до 4-й роты. Рачитский, Азарх, я и еще несколько товарищей, привязав на веревке, кто буханку хлеба, кто патроны, (в то время товарищи, сидящие на башне с часами трамвайной станции усиленно стреляли, чтобы отвлечь внимание юнкеров) на животе, ползком добрались до солдат, радости их не было конца. Во время этой операции мы имели три жертвы. Солдаты сразу ожили, стали отвечать на выстрелы усиленно, и когда Рачитский приказал солдатам по возможности ползком выбираться с набережной, то большинство не хотело возвращаться, получив патроны и хлеб. Что же касается башни трамвайной станции, то целый ряд товарищей, забравшись туда, откуда, как на ладони виден Кремль и садик Храма Спасителя, сейчас же подстреливали каждого из белых, как только он неосторожно покажется. Позиция была очень удобная, так продолжалось несколько дней. Юнкера никак не могли догадаться откуда парни палят из трехлинейных винтовок, от выстрелов которых дым незаметен. И вот однажды, когда мы сидели на башне, к нам влез товарищ от Поставщика, фамилии не помню, с берданкой и выстрелил неосторожно, чем выдал нашу позицию юнкерам и тут нас из Кремля, с Ленивки и от Храма просто засыпали из пу-

леметов. Сидеть дольше не представлялось никакой возможности, штукатурка от пуль засыпала глаза, было несколько товарищей раненых, а при спуске с башни и убитых. В это же самое время убит был с нашего завода юноша Саша Киреев и ранен в глаз т. Коршунов. Позиция временно была потеряна, пришлось стаскивать пулемет на чердак ф-ки Эйнем. Юнкера все наглели, но когда пулемет заработал, тут спесь у них была сбита и наше положение улучшилось, а также сократились и жертвы. Еще раз скажу, что башня трамвайной станции выполнила свою роль в октябре не только по обороне станции, но и была одной из главных помех юнкерам в Кремле, мешавшая передвижениям. Хотя это нам стоило многих дорогих жизней, но что делать, цель оправдала средства.

Однажды ночью нас из полка с т. Рачитским вызвали в Ревком. Т. Штернберг сказал, что из Каширы движется полк казаков, а так как Рачитский был офицером, то ему предложили ехать к ним на переговоры, узнать с какой целью они движутся, и дали нам одного казака (фамилии не помню). Мы отправились на автомобиле, куда немного раньше ездил от Ревкома т. Карпов. Когда мы приехали, на 17-й или 18-й версте в деревне действительно остановились казаки, и когда мы в комитете стали вести переговоры, то нам задавались глупые вопросы: правда ли, что в Москве колодцы отравлены, стариков и детей избивают и т. д. Когда мы им говорили, что ничего подобного нет, и когда т. Рачитский подтвердил, как беспартийный, что со стороны большевиков никаких безобразий нет и если они хотят убедится, то могут с нами ехать, казаки сперва слушали с недоверием, а потом поехали. Мы им показали, как мы обращаемся с пленными и тогда они убедившись, поехали назад, чем было предотвращено дальнейшее их продвижение.

Самая же главная позиция, где наш район принимал участие и понес большие жертвы—это Остоженка. Во время взятия Штаба на этой позиции был убит т. Добрынин, один из начальников отряда и много других товарищей. Там же убита предательской пулей с крыши дорогой товарищ всему району, известная Люся Лесинова. Там же еще убит мальчик с нашего завода т. Андреев, уронивший винтовку за бруствер окопа, а так как был очень маленький лет 12—13 и не мог

достать ее своими рученками, он вылез из окопа, чтобы взять винтовку и был из пулемета весь издырявлен, получил сорок с чем то ран, вот как погиб малыш, стрелявший почти изо всех винтовок, лежащих на бруствере, когда тот или иной товарищ уходил погреться в чайную, которая у нас была на Остоженке, против окопа, где был перевязочный пункт с продовольствием. И вот, когда уходили греться товарищи, тогда малыш Андреев, ростом такой маленький, что мог во весь рост бегать из конца в конец по окопу незаметным для юнкеров, он палил по очереди из оставшихся винтовок, давая знать юнкерам, что окопы не пусты. Этот мальчик—герой, убежавший от отца украдкой в окопы, погиб славной смертью. Получивши сорок две раны, он боролся со смертью после ранения около 3-х суток. И когда мы к нему пришли в больницу проведать, придя в себя он нас встретил со следующими словами:—„Ну что ж, как Штаб взяли и юнкеров разбили". Мы сказали: „Да". Тогда этот малютка забыв про свои раны закричал „Ура" и с улыбкой на устах вскоре умер. Так умирали герои-рабочие. Но есть герои еще живые, которые показали неимоверную отвагу во время октября—это т. Сычев Николай, который при взятии Штаба на Пречистенке, обвесив себя ручными гранатами в количестве около тридцати штук, пробравшись по крышам с дома на дом и телефонным столбам, стал бросать гранаты в окопы юнкеров и в здание Штаба, чем создал панику и ускорил взятие Штаба.

Когда был взят Штаб на Пречистенке и пленные офицеры в количестве ста тридцати двух человек, стоило больших трудов удержать массы, в особенности солдат, от самосуда. И когда офицеры были доставлены к нам в полк, то пришлось вызвать рабочих с завода и под их конвоем отправить пленных в арестный дом, солдаты же требовали немедленной расправы.

Вот что у меня осталось в памяти об ОКТЯБРЕ после пяти лет.

Должен сказать, что среди рабочих подъем был колоссальный, как среди партийных, так и беспартийных. Я помню, какое получилось разочарование и недовольство среди боевиков, когда было объявлено перемирие на 24 часа. Фактически у нас в Замоскворечьи перемирия и не было, также

продолжались перестрелки и был выработан план, чтобы посредством лодок подъехать около берега по Москва-реке к речке Неглинке, ворваться по трубе в Кремль и взять его приступом. Не знаю, что бы из этого вышло, но события опередили Штаб, юнкера сдались под отчаянным напором рабочих, которые убедились, что во время перемирия юнкера сумели получить провокационным образом кое-какое подкрепление с Брянского вокзала, а именно: „баталион смерти", который однако не мог предотвратить участи белых и лишь только увеличил решительность и самоотверженность рабочих и солдат.

Заканчивая, должен сказать, что хотя я и сам был в 55-м полку, но заслугу его, не хочу умалить. Я должен сказать, что вдохновителями боев везде были рабочие-коммунисты, которые за собой вели не только рабочих беспартийных и солдат, но также и партийную интеллигенцию, которая в то время отличалась большой нерешительностью и сговорчивостью, и рабочие, чувствуя все противоречия, через головы многих, не считаясь с жертвами, сделали в 1917-м году с винтовкой в руках Красный Октябрь, победив юнкеров. Пройдет несколько лет и рабочий с таким же успехом, с такой же настойчивостью, хотя быть может и с неменьшими жертвами, с молотком в руках победит нашу нищету и разруху, прокладывая путь к свету и знанию.

Н. Стрелков.

НА ЗАВОДЕ БЫВ. „ПОСТАВЩИК“, ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙОНА.

Завод до февраля 1917 года.

Завод в былое время был не из боевых, работающие на заводе мужчины и женщины жили по-долгу и поэтому находились в большой кабале у хозяина. От просвещения стояли вдалеке, всякие революционные выступления вне завода касались его очень мало. Война подлила столько духу „патриотизма“, что даже самой дирекции пришлось останавливать рабочих во время немецкого погрома. Но война также сыграла в жизни завода, работавшего специальное военное снаряжение, большую роль; ему пришлось расширять штат по всем отделениям.

Набор нового рабочего элемента влил свежую струю в жизнь завода. На заводе стали появляться прокламации разных партий; больше всего производили впечатление прокламации протеста против войны, 5-ти думских депутатов, которые вызывали горячие споры в „курилках“.

Самодержавие сдавало позицию за позицией... В конце 1916 г. было разрешено Городской Думе улучшить питание для рабочих, начали открываться общественные столовые, наш завод пошел по этому пути и созвал делегатов для устройства столовой.

В январе 1916 года объявлена была карточная система, рабочие заволновались, требуя устройства хлебораздаточной лавки, чтобы не стоять в чередах у булочных, директор пошел на уступки и организовалась лавка (теперь в ней кооператив). Эта уступка подняла дух рабочих. И когда весть о перевороте докатилась до Москвы, она уже ждала этой вести, подготовленная подпольными организациями к грозному выступлению.

Февральская революция заставила весь завод выйти на улицу, быть на Красной площади, и наскоро избрать представителя в Совет, который оказался меньшевиком. Тогда еще не было резких разделений между б-ками и м-ками. В порыве упоения радостью победы над самодержавием нам трудно было разбираться. Но после 2-го заседания Сов. Раб. Деп. уже были переизбраны представители и тут-то оказалось, что большевистский дух на заводе существует, в Совет прошел тов. Новиков, который первый из ораторов стал оттенять большевистскую позицию и привлекать к себе сторонников. Все собрания и резолюции нашего завода были проникнуты духом большевизма и к 5-му маю, когда впервые ячейка зарегистрировалась в Замоскворецком районе, в ней был уже, хотя и слабый, но открытый отряд большевиков. Не мало пришлось перенести этому передовому отряду, попавши в водоворот борьбы с сильными меньшевиками и эсерами, но он духом не падал, он рос и креп... Для более планомерной работы был приглашен инструктор из Замоскворецкого района т. Корешков, который руководил делопроизводством Заводского Комитета и вместе с тем развивал самосознание у молодого коммунистического отряда посредством лекций и бесед, и мы стали вести ожесточенную борьбу с другими партийными группами в завкоме.

Забастовки от февраля до октября 1917 г.

После февральской революции рабочие, сбросив самодержавие, увидели, что они еще не добились своих прав и начались волнения, руководимые большевистским течением. Рабочие не останавливались на мелких экономических требованиях—они стремились выставлять обще-пролетарские требования, как, например, 8-ми часовой рабочий день, удаление реакционных мастеров и т. д. Волна забастовок началась с слесарно-механической и кузнечной мастерской и прокатилась до кожевенного цеха. Сперва слесарно-механические мастерския бились около недели, требуя повышения заработной платы, сокращения рабочего времени и удаления инженера Ковалевского. Выбрали комиссию для переговоров с администрацией, директор Поленов выполнить требования категорически отказался, грозя, что кто не выйдет на работу, будет считаться уволенным. Боевой дух ра-

бочих не знал границ, они решили устроить итальянскую забастовку, впредь до выполнения требований, и, для переговоров, вызвали на собрание инженера Ковалевскаго, который притти отказался, и по постановлению общего собрания на другой день был вывезен с завода на тачке и, когда вывезли его за ворота, то предложили ему на завод больше не являться. Это сильно подействовало на директора Поленова, который сейчас же удовлетворил частичные требования рабочих, а именно, набавил 15% заработной платы. 2-ая забастовка разразилась в июне месяце. Эта стачка кожевников продолжалась 3½ месяца. Рабочие держались дружно, все проходило под руководством большевиков, основными требованиями были: 8-ми часовой рабочий день и признание Советов, эта забастовка кончилась в пользу рабочих. Не успели встать на работу, как наступили Октябрские дни, и безпартийная масса, под руководством большевиков, приняла горячее участие в движении.

Партийная борьба до октября 1917 г.

У меньшевиков и у эс-эров были все шансы для вербовки членов: висели объявления по всему заводу о принятии в члены, в большом количестве были газеты и листовки, и были также сильные ораторы, в то время, как у большевиков был лишь один Новиков и ему сочувствующие. Но когда в заводской комитет делегатами попали самые сливки рабочего класса в количестве 75 человек, они повели там ожесточенную борьбу с меньшевиками. В марте месяце большевики дали первый бой меньшевистскому течению. Прения сосредоточивались на вопросе о проведении в жизнь займа свободы, который распространяли меньшевики. Приглашенный из Замрайона т. Колосков дал разъяснение всем делегатам о значении займа свободы, делегаты вынесли резолюцию, отвергая поддержку займа; меньшевики в этом бою потерпели поражение. Второй бой был 1 июня на общем собрании, по избранию заводского комитета, меньшевики предложили избрать 15 человек и выдвинули свой список. Большевики же настаивали на избрании по одному делегату от 25-ти до 100 чел., а эти делегаты уже из своей среды должны были избрать исполнительный орган.

Принимается большевистское предложение, председатель — меньшевик, видя, что победа на стороне большевиков, старается как нибудь затушевать этот печальный для себя факт, его разоблачают, как нарушающего волю общего собрания, начинается суматоха... Наконец, председатель не выдерживает, кричит: — идите с большевиками... бросает председательскую трибуну и убегает. Собрание выносит резолюцию, позорящую меньшевиков за невыполнение воли собрания. С этого дня окончательно укрепилось влияние большевиков. Среди меньшевиков и эс-эров начался раскол, некоторые переходили в наши ряды, сознавая свои ошибки, но борьба с этими партиями еще не кончилась и пришлось продолжать ее и после Октября.

Организация Красной Гвардии и ее работа.

С 1-го июня, как только был избран новый завком в большинстве из коммунистов, они повели работу по созданию культурной комиссии, открытию столовой и организации Красной Гвардии под лозунгом: „Не выпускай, рабочий, оружие из своих рук до полной победы". Этот клич был брошен всем рабочим и желающих откликнулось много. Был сформирован отряд до 80-ти человек, который за неимением оружия, обучался палками под руководством старого солдата тов. Левакова. Настроение данного отряда было боевое, все рвались поскорее в бой, в воздухе висело что-то грозное. И вот 26 октября приехали из района, привезли берданок и 10 штук патрон и тут же был получен приказ собраться ночью и итти в штаб Красной Гвардии. Но беда была громадная—почти не было оружия. Обыскав директора и других лиц, нашли около 10-ти револьверов и пошли выбивать юнкеров. Несмотря на то, что были мало обучены и плохо вооружены, но боевой дух был силен и долг свой Красная Гвардия выполнила честно.

Штаб помещался на Калужской площади и до нас дошел слух, что идут казаки на выручку белым по Калужской дороге. Наши заводские Красно-гвардейцы во главе с т Паном пошли встречать казаков, вырыли окопы, сделали разведку: два десятка пошли охранять Коммерческий Институт по распоряжению Штаба, а другие два десятка, во главе с т. Смирновым, пошли на Крымский мост, засели

в Зачатьевский монастырь и совместно с 15-ю солдатами 3-го Саперного батальона держали бой с юнкерами. Начальник нашего отряда сделал распоряжение во что бы то не стало держать монастырь в своих руках и наши ребята—красногвардейцы исполнили этот приказ. Тяжело было держаться, имея на руках малое количество патрон, но все-таки троекратные атаки юнкеров были отбиты. С какой гордостью наши два десятка красногвардейцев разоружили юнкеров, забрали 14 пулеметов, много винтовок и пленных и препроводили их в Хамовнические казармы. Много дней и ночей провели без сна, но ропота не слышно было, ибо отряд знал, что борьба еще не кончилась. Наш заводской отряд Красной Гвардии не ограничился этим, он также выезжал в Коломну, Данков, Рязанской губ. и Гжатск, Смоленской г. и возвращался с хорошими результатами. В этих столкновениях был ранен т. Воробьев.

Впоследствии Красная Гвардия осталась охраной завода, честно идя по пути Советского строительства.

М. И. Павлов.

ПОРТНОВСКИЕ МАСТЕРСКИЕ ЗАВОДА „ПОСТАВЩИК".

В 1916 году, особенно в последние месяцы, было заметно, как начало наростать недовольство в рабочих массах, дороговизна росла с каждым днем, а заработок рабочего становился все меньше, чувствовалось, что что-то должно произойти. В это время я работала на заводе „Поставщик" в Замоскворецком районе. С организацией подпольной еще не была знакома. И все ожидавшиеся политические события меня мало тревожили. После убийства Распутина начали говорить на политические темы смелее, особенно на квартире, где мы помещались в одной комнате 7 человек, хозяин этой комнаты достал где-то историю России—нелегальную, где описывали проделки наших русских царей. Мы эту книжку читали и обсуждали, что делали раньше и что делать теперь рабочему, когда он связан войной, которой не видно конца. „Русское Слово" писало о событиях в Питере: „Убийство Распутина князем Юсуповым". Это всех рабочих взволновало, и они начали ожидать новых событий.

Работа же на заводе „Поставщик" продолжала итти своим чередом. 28 февраля около 12 часов дня в мастерскую входит надзиратель Панфилов и просит кончить работу и итти домой. Мы в недоумении. Что это значит. Конечно, кончили работу, сложили ее, идем домой по направлению к Павелецкому вокзалу, а там группа людей с красными флагами поет марсельезу и др. революционные песни. Присоединившись к ним, направляемся в центр—по дороге нам попадается группа городовых, смотрит на проходящих с флагами, но ничего не говорит. Двигаемся дальше к Театральной площади, а там вся площадь заполнена народом, выступают кадеты, меньшевики и эс-эры и другие буржуазные ораторы. С этого времени на заводе жизнь начинает

итти по новому. Помню первый митинг на заводе, где надо было выбрать заводской комитет. На трибуне появились меньшевики: Монахов, Трифонов и рабочий меньшевик Ефремов, которые начали вести агитацию за меньшевиков. Большевиков было мало, да и сочувствующих также. Но в заводской комитет все-таки попал один большевик, остальные же меньшевики. Ячейка большевиков была человек из десяти, активно работали товарищи Новиков, Кондрашев, Киселев и Максимова из портновского отделения. В самом начале революции влияния ячейка имела мало, т.-к. на заводе большое засилье было меньшевиков во главе с Трифоновым. Большевистской организации в подпольное время на заводе я не знала, но как только пало самодержавие, большевики появились во главе с т. Новиковым, который и попал в первый заводской комитет. В марте месяце я вступила в члены партии в райкоме. Ячейка в это время была человек из десяти.

Ярко вспоминается мне 1 мая 1917 года, которое мы впервые после падения царизма праздновали свободно. В этот день, рано утром, я направилась на М. Серпуховку в студенческую столовую, где помещался Замрайком. Там шли приготовления к демонстрации: кто сшивал материю, кто писал лозунги, работа шла лихорадочно. В 10 часов утра вышли на Серпуховскую площадь, где встретились с организациями от фабрик и заводов. Народу было много. Вся площадь была залита знаменами. Лозунги были от разных партий: меньшевиков, эс-эров и анархистов. Знамя Замоскворецкого райкома большевистской организации шло впереди, на котором была наклеена открытка с потретом т. Ленина. Все чувствовали себя легко и свободно распевали революционные песни. Тут вспоминалось последнее 1-ое мая во времена царизма, как мы в этот день сидели на заводе, работать не начинали, но и бросить открыто работу не решались, сидели у машин и потихоньку разговаривали, как бы уйти с работы в Сокольники, где собирались рабочие и обсуждали свое горькое житье. Под страхом расчета наше портновское отделение так и не вышло в этот день отпраздновать свой рабочий праздник.

Придя на Красную площадь, мы тут встретились с новыми организациями. Больше всего обратил на себя наше

внимание лозунг „равноправие женщины". За этим лозунгом шли исключительно хорошо упитанные дамы из интеллигентной среды, которые после октября объявили саботаж. Чем дальше шли, тем больше разного народу примыкало к нам. Участвовали в этой демонстрации все, начиная с большевиков и кончая партией „Нар. Свободы". Проходя по Никитской мы все чаще и чаще начинали слышать из окон голоса „Долой Ленина" и тут вражда начинала разгораться.

Пришли обратно с демонстрации в Замрайон. На Коровьей площадке был митинг, выступали с грузового автомобиля ораторы от меньшевиков и эс-эров. От большевиков выступали т. Кириллов и Мышкин. На грузовике были разные противоположные плакаты, как-то: „Долой войну", „Война до победного конца" и др. В этот же день поздно вечером пришли обратно в райком и не чувствовалось усталости от такого хождения по всему городу. В райкоме мы отдыхали, пили чай, делясь впечатлениями дня, проведенного так свободно после падения царизма, и тут же организовали клубную комиссию.

Наступили и выборы в Районную Думу. Наша политическая работа на заводе стала подвигаться вперед, мы всеми силами стали вести агитацию по отделениям и видели, что на нашей стороне стало много сочувствующих. Из Райкома приносили литетатуру, портреты Ленина и Зиновьева и распространяли их по отделениям, работницы начали покупать их очень охотно, но темные силы и тут не зевали. Они начали вести агитацию, что Ленин германский шпион и большевики продадут Россию, как только возьмут власть. Предвыборную кампанию в районную Думу проводил т. Усиевич (впоследствии погибший на фронте). Он подвергался со стороны меньшевиков и эс-эров такой ругани, что рабочие сразу увидели, что они старались лишь загрязнить большевистскую партию, а дела от них не видно. Особенно это можно было наблюдать по их работе в заводском комитете. Выборы проходили очень оживленно, мы постарались на заводе распространить много большевистского „5-го номера", что однако доставалось очень нелегко. Помню, как я пошла накануне выборов с „номером 5" на Павелецкий вокзал и предлагала, чтобы голосовали за большевиков. Там оказалось много меньшевиков, они так организованно вели аги-

тацию, что на меня посыпались разные ругательства, в толпе говорили, что я, мол, совсем не работница с завода, а просто нанятая большевиками за германские деньги, которые Ленин привез из-за границы. Но это нас, большевиков с завода не удержало продолжать свое дело. В конечном итоге на выборах мы получили большинство и на заводе после этого партийная работа пошла оживленнее. Было массовое вступление в члены партии. Заводской комитет в большинстве стал наш, меньшевики потеряли под собой всякую почву.

Но вот настали и июльские события в Петрограде. Рабочие потерпели поражение, и снова начинается злая травля на Ленина и других вождей большевиков. Но чем больше враги старались доказать рабочим, что большевики шпионы, тем рабочие массы больше отходили от них.

Август пришел со своим знаменитым Московским совещанием. На собрании всего завода мы постановили в этот день не работать в знак протеста против этого совещания буржуазии. Глава меньшевиков завода Трифонов был выбран от завода „Поставщик" депутатом в Московский Совет. 12 августа утром собрались на заводе на митинг по поводу совещания в Большом театре и потребовали от депутата Трифонова ответ, почему он не выразил воли рабочих и сказал ложь, заявив в Московском Совете, что завод „Поставщик" работает. Он начал объяснять, но его слушать не хотели и кричали, что меньшевики болтуны и соглашатели, изменники рабочему классу.

После этого совещания на заводе начали организовывать Красную Гвардию. Шли занятия по военному обучению при заводе, подготовлялись к октябрьским дням.

Р-ца с завода „Поставщик" *Юдина.*

ИЗ НАШЕЙ БОРЬБЫ И ПЕРВЫХ УСПЕХОВ В ЗАМОСКВОРЕЦКОМ РАЙОННОМ СОВЕТЕ.

В июне месяце на одном из пленумов Райсовета, впервые появилась группа большевиков на заседании его—это была делегация телефонного завода в составе Эпштейна, Каурова, Головачева, Добралана, Шиллерта, Ротшильда и автора этих строк. Назвавшись фракцией, мы стали присматриваться к публике, прислушиваться, подбирать сочувствующих и революционных товарищей рабочих других предприятий района.

Впервые от имени большевиков, выступая с речью, мы сразу же бросили семя на восприимчивую почву— меньшевики определенно это почувствовали. Почтенный, известный меньшевик Девяткин, всячески нас саботировал, не предоставлял слова и т. д. Рельефно помнятся мне наши выступления по вопросу о контроле производства в период саботажа промышленников, позиция меньшевиков и эсэров давала нам богатую почву, которую мы использовали, и авторитет нашей группы и ее численный состав возрастал.

В Исполнительном Комитете Совета наших товарищей большевиков ни одного не было, меньшевики и эсэры являлись хозяевами монополистами.

Наша позиция и революционность лозунгов привлекли быстро большинство пленума на нашу сторону. Цель Райкома передать руководящую роль в наши руки приблизилась. На одном из пленумов (число точно не помню) поднимаем вопрос и проводим решение переизбрать Исполком.

Через неделю выбираем, и Девяткины, Малкины - эти заядлые присяжные буржуазии, точнее г-на Сытина, побиты нашим большинством.

Лучшие товарищи района: Цивцевадзе, бывший тогда Секретарем Райкома, Шиллерт, Кауров, Константинов, погибший на Чехо-Словацком фронте в 1918 г., Головачев и многие другие входят в состав Исполкома и Президиума, автор этих строк избирается Председателем Райсовета.

Аппарат Районного Совета у нас в руках, у нас в руках знамя боя, мы с трибуны Совета проводим наши лозунги, революционизируем массы.

Девяткин, Малкин, Дмитриев и другие видные меньшевики отступают, мы усиливаемся, делаем дело революции.

Подчинив себе Конфликтные Комиссии, агитационные и тому подобные другие органы той эпохи, ведем большую работу.

Июльские дни, этот жестокий удар в спину нашей партии, резко дал себя почувствовать и нашей фракции Совета.

Никогда не забыть одного убийственно тяжкого момента. Собирается Пленум в столовой фабрики б. Циндель, собираются делегаты меньшевики, эсэры, шумят, разводя демагогию. Наших товарищей-большевиков, смотрю, маловато. Я, тогда уже будучи Председателем Совета, придя раньше, собираю наших ребят, но вместо большой массы, большевистски настроенной, кругом меня незначительная кучка. Вплотную подходит ко мне т. Стеклов, один из энергичных товарищей и чуть выговаривая слова, спрашивает: „Товарищ Ратехин, правда ли, что Ленина привезли с Зиновьевым в запломбированном вагоне, правда ли, что они на немецкие деньги и т. п. и т. п.“... Сердце сжималось от боли, слушая эти вопросы. Подходит другой тов. Константинов: „Где Ленин.—Улетел, говорят, что теперь будет“... и так далее.

Не помню, как и состоялся в этот вечер Пленум Совета и сейчас больно и тяжко при воспоминании этого.

Вот еще один из оригинальных фактов этого момента. На электрической станции 1886-го года собрался в эти дни митинг. На предприятии этом все это время господствовали меньшевики, большевиков на станции было никак не более 5 человек. Я отправляюсь туда для выступления, со мною несколько наших ребят. Говорит эсэр, затем меньшевик (не помню фамилии), наконец, дают слово мне, подхожу к массе не сразу, кругом да около, наконец, ставлю основной вопрос о причинах травли нашей партии со стороны буржуазии и ее подголосков, толпа гудит, шум, крики и все как полагается, еще и еще говорю, меня прерывают. Кое-как кончили митинг, собираются отдельные группы, спорят, подходят несколько стариков рабочих-бородачей—меня задерживают.

Проверим, говорят, братцы, кто он такой. Показываю удостоверение завкома, — путевку Райкома, наконец, мандат Члена Исполкома С. Р. Д. и председателя Замрайсовета. Обыскивают далее, по моей рассеянности в этот раз у меня было два удостоверения от завода: одно на имя Ратехина от Завкома с моей настоящей фамилией и другое старое удостоверение заводоуправления, выданное в мае на имя Сычева, так как я поступал впервые на завод, не легализовавшись в Москве, и случайно оставил в кармане это предательское удостоверение. В итоге меня объявили арестованным, дескать, подтверждается факт шпионажа, имеет два документа, две фамилии. Лишь после длинной истории всяких доводов, разговоров, личных ставок и проч., мне удалось выпутаться из создавшегося положения.

Во второй половине июля в Коммерческом Институте собирается фабрично-заводская конференция и опять мы восстанавливаем наше положение, выступаем также резко и тут побиваем блок меньшевиков и эсэров, после выступления Фельдмана и моего, аудитория наша. Президиум конференции переизбираем, берем в свои руки; меньшевики и эсэры покидают конференцию, мы же обрабатываем к октябрю готовые кадры передовиков рабочих Замрайона.

Работая в районе, главным образом, агитационно, помнится как с Юрием Мышкиным, мы на огромном большинстве заводов находили активные силы в помощь нашей партии, в подготовке переворота.

Помнится, в августе, в момент знаменитого Государственного Совещания „живых сил страны“ Замрайсовет высказался за стачку и проводил ее образцово; устроенные митинги на заводах прошли блестяще, рабочая масса района показала преддверие предстоящей схватки.

В конце августа или начале сентября, когда уже было наше большинство и в Московском Совете и его Пленуме, мне довелось занять должность Секретаря фракции большевиков М. С. Р. Д. Совмещать уже не представлялось возможности и в сентябре мне пришлось оставить Замрайон и целиком отдаться работе фракции М. С. Р. Д., иногда лишь бывая в районе.

Ратехин.

ЗАВОД „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ (БЫВШИЙ БРОМЛЕЙ).

В революционном движении я начал принимать участие с 1913 г. В то время я служил слесарным мастером на Сущевском заводе несгораемых шкафов и кухонных плит в Москве. Как мастеру, мне приходилось постоянно вращаться среди рабочих, отношения у нас всегда были хорошие, многие из них смотрели на меня, как на своего товарища, и говорили о своей жизни, о том, чем они занимаются в свободное от работ время. Из разговоров с ними я узнал, что среди них многие принимают участие в политической работе, которая в то время велась во всевозможных кружках. Роль одного из таких кружков играло в то время Общество Народных Развлечений, куда я тоже вступил весной этого года. В правлении общества была активная группа лиц. Из них я некоторых знал, как например: Поскребухина А. А., служившего в то время в одном из магазинов Чичкина конторщиком, который впоследствии оказался провокатором и после февральской революции был расстрелян в Москве; затем помощника присяжного поверенного по фамилии (если не ошибаюсь) Розенталь или Розенфельд и еще несколько человек рабочих, фамилии которых я забыл. Хотя О-во это не так было заметно, но в нем велась политическая работа интенсивно. Помню, летом очень часто устраивались загородные экскурсии, где выступали с речами на политические темы и выступали довольно смело.

В 1914 г. я перешел на завод Бр. Бромлей в Москве, куда поступил в качестве слесаря. Так как здесь я был уже не служащим, а рабочим, то я быстро узнал, кто занимается политической работой. На заводе оказалась группа довольно активных лиц, но они почти все примыкали или к меньшевикам или к эсэрам. Работа велась сначала в больничной

кассе, а затем в кооперативе; я был членом правления того и другого. Не удовлетворяясь тем течением, которое было в заводской группе,—мне оно казалось слишком правым,—я примкнул к большевистской группе, существовавшей в то время при Московском союзе металлистов „Единение". Я, как уполномоченный в Союз от членов завода, имел непосредственную тесную связь с правлением Союза. Кроме того, я был членом ревизионной комиссии Союза. Как уполномоченный я вербовал на заводе членов в Союз и вместе с тем проводил в жизнь все, что намечалось в его правлении: вел агитацию за забастовку, распространял прокламации. Правление Союза состояло почти целиком из лиц, примыкающих к большевистской группе. Большинство правленцев было с завода „Динамо", который в то время считался самым революционным заводом в Москве. Из правленцев Союза я знаю следующих лиц: Соколов из О-ва Электрического Освещения 1886 г.—секретарь Союза. Считался самым старым и активным работником. (Впоследствии он оказался провокатором и был расстрелян после февральской революции в Москве). Молодкович с завода Добровых и Набгольц, Захаров с завода „Дукс", Макаров и Стернин с завода „Динамо", Калинин и Шишкин из Московских Обозных мастерских. Большинство из них были в 1915 и 1916 г. г. арестованы и высланы из Москвы. Как выяснилось впоследствии, они были преданы охранке Соколовым.

С меньшевиками мне впервые пришлось столкнуться на заводе при выборах в Военно-Промышленный Комитет. Вопрос о вхождении в Военно-Промышленный Комитет долго дебатировался везде и в особенности в союзе металлистов. Помню, последнее по этому вопросу собрание уполномоченных при союзе, спорили до хрипоты: большевики против вхождения, меньшевики—за. Верх был за большевиками, было постановлено выборы по заводам производить на делегатском собрании, но при выборах отказаться от вхождения в Военно-Промышленный Комитет. В то время, на заводе Бромлей был один из крупных работников меньшевик—плехановец, Черегородцев, по профессии литейщик, прекрасный оратор. Он незадолго до выборов в Военно-Промышленный Комитет приехал из Петрограда, и, как хороший оратор, овладел на заводе массой. Он прошел от завода на делегатское собра-

ние и был на этом собрании избран председателем рабочей группы Военно-Промышленного Комитета. Хотя у нас и были разногласия с меньшевиками в некоторых вопросах тактики, но пока старый строй подтачивали общими силами.

Во время войны было трудно вести политическую работу, потому что большинство рабочих были военнообязанные и каждый боялся быть уволенным с завода и отправленным на фронт.

Несмотря на жестокие преследования полиции, революционное движение заметно росло и крепло. В 1916 г. стали появляться прокламации, в которых говорилось, что война, затеянная царем и капиталистами, разоряет страну, закабаляет рабочих. В них рабочий класс призывался восстать и свергнуть царя. Читая эти прокламации, рабочие становились бодрее и время от времени давали это понять.

В конце 1916 г. положение рабочих ухудшилось недостатком продовольствия и прогрессировавшим вздорожанием продуктов первой необходимости. На этой почве на заводе Бромлей было несколько забастовок, которые разгонялись полицией. В начале 1917 г. на заводе были две забастовки, во время которых рабочие выходили с завода с красным флагом и революционными песнями. При первой забастовке полиции удалось рассеять толпу поблизости от завода, вторая же была более внушительная: бромлеевцам удалось снять с работы и другие окрестные заводы и фабрики, и толпа в 4 или 5 тысяч человек дошла до Калужской площади, где была встречена большим нарядом конной и пешей полиции. Несмотря на все старания полиции, толпа прорвалась с Калужской площади и двинулась по направлению к типографии Сытина на Пятницкой улице. У Сытина также удалось снять с работы, но подоспел большой наряд полиции с нагайками, и при встрече с ней произошла свалка, где мне тоже попало нагайкой, хотя и был в ватном пальто, тем не менее синяки у меня остались большие. После этого бромлеевцы были страшно озлоблены и клялись отомстить городовым.

Ждать пришлось недолго. Приблизительно недели через три после этого произошла февральская революция. Начало революции, помню, было таково: 28 марта, приблизительно в 2 или 3 часа пополудни, на завод Бромлей пришли ра-

бочие с завода „Динамо“ и заявили, что в Петрограде началась революция; фабрики и заводы все остановились и по всему Петрограду происходят стычки с полицией. Немедленно был собран митинг, где было обсуждено создавшееся положение и постановлено объявить забастовку, условившись собраться на второй день утром на заводе. По уходе с завода я отправился в центр города посмотреть, что там происходит. Придя на Красную площадь, я увидел большую толпу и 2 наряда вооруженной конной и пешей полиции, приблизительно до 200 человек. Они стояли у Исторического музея и Иверских ворот. Несмотря на то, что на площади было много народа, который собирался кучами и обсуждал происходившее, полиция стояла на месте, никого не разгоняя. Мне показалось странным, что они были такие смирные, т. к. до этого они свирепствовали, разгоняя даже небольшие группы, а здесь собралось несколько тысяч человек, и они бездействуют. Я понял, что дело их проиграно.

Отсюда я направился на Воскресенскую площадь (Площадь Революции). Там у Городской Думы тоже стояла большая толпа народа. С подъезда Думы в рупор передавались в толпу полученные из Петрограда телефонограммы, в которых говорилось, что в Петрограде идут бои рабочих с полицией, горит охранка и Кресты, выпущены политические из Петропавловской крепости и т. п.

С площади я пробрался в здание Думы. Там было полно набито народом. У всех на устах были слова о том, что настала подлинная революция. У всех почти было заметно приподнятое веселое настроение, только небольшая группа студентов (не помню какого учебного заведения) доказывала несвоевременность революции; но они были сбиты со своих позиций рабочими и вынуждены удалиться. В думе в это время шло экстренное заседание гласных Думы. Здесь я встретил Соколова, секретаря союза металлистов. У него был вид унылый. Так как союз металлистов в 1916 г. был закрыт градоначальником, то я потерял связь с некоторыми из правленцев. Увидя Соколова, я заговорил с ним о дальнейшей тактике нашей группы. Он мне сообщил, что после закрытия союза он и бывший председатель союза Захаров подали градоначальнику новый устав на регистрацию, после чего Захарова арестовали и выслали из Москвы. Мне пока-

залось странным почему его, Соколова, не арестовали, т. к. он был самым видным работником, и у меня зародилось подозрение, что у него что нибудь неладное, что и подтвердилось впоследствии: он состоял на службе в Московской охранке, работал с ротмистром Ганько, он предал и бывшего председателя Союза Молодковича, когда тот собрался уехать из Москвы в Воронеж, то был арестован на вокзале.

Из Думы около 7 час. вечера я отправился домой с пачкой прокламаций. По пути я встретил у манежа артиллеристов, шедших с музыкой и революционными песнями на Воскресенскую площадь. Придя домой, я встретил у себя околоточного надзирателя, который принес мне повестку с требованием явиться 1 марта в участок к приставу, в которой не было указано по какому делу я призываюсь. Меня заинтересовало, почему он принес повестку, но не делает обыска, и я заметил, что он был чем то смущен и заявил ему, что в участок я не пойду. Когда я вынул из кармана пачку прокламаций и сказал ему, что в них пишут о революции в Петрограде, а завтра будет и в Москве, и что поэтому мы больше их не боимся, он, не сказав ни слова, ушел.

На второй день утром я пошел на завод. Это было 1 марта. С завода все мы направились в центр города. По пути мы зашли на Снарядный завод Второва, за Калужской заставой, и, соединившись еще с другими заводами, мы в количестве 5.000—6000 человек двинулись по Большой Якиманке к Большому Каменному мосту, подойдя к которому мы встретили наряд солдат, охраняющих мост, и стали вести с ними переговоры о том, чтобы они нас пропустили через мост. Солдаты молчали, не отвечали ничего, выставив штыки вперед, только караульный начальник все кричал нам, чтобы мы не подходили к мосту, иначе он прикажет в нас стрелять. Но мы видели по лицам солдат, что они в нас стрелять не будут и, уговаривая их незаметным образом, подошли к ним вплотную и обезоружали караульного начальника, отняв у него шашку. Он так растерялся, что забыл дать какую-нибудь команду караулу, и мы прошли через мост.

Придя на Воскресенскую площадь, я увидел море голов. До сих пор я такого зрелища никогда не видел. С середины дня стали прибывать из казарм воинские части.

Во время этих событий завод не работал в течение недели. За это время происходили выборы в Московский Совет, в который от завода были избраны меньшевики и эсэры. Они в то время имели сильную позицию. Они поддерживались и служащими завода. Помню я, на выборы в Московский Совет пришел представитель фракции большевиков, но не имел успеха. До апреля месяца на заводе меньшевики и эсэры были хозяевами положения. В апреле, не помню какого числа, кто-то пришел в завком и заявил, что в Петрограде Гучков и Милюков восстали против Керенского и хотят его свергнуть. Завод забастовал и рабочие направились в центр города. В городе повсюду происходили митинги, шел горячий спор между буржуазией и рабочими,—первые поддерживали Гучкова, вторые – Керенского. В то время еще большинство рабочих не понимало предательской политики Керенского. После этого со стороны нашей большевистской фракции повелась агитация за изгнание капиталистов из состава правительства. Рабочие заметно стали левсть. В июне я официально вступил в партию большевиков. На заводе нас было всего 6 или 8 членов фракции большевиков. Меньшевистская и эсэровская фракции насчитывали у себя до 30—40 членов.

Неопределенность политики Керенского и тяжелое положение рабочих (заработная плата сильно задерживалась) создали к концу лета большевистское настроение. Стали говорить о передаче завода государству. Была избрана комиссия от рабочих и служащих в Петроград с ходатайством о передаче завода государству, т.-к. акционеры отпуск заводу денег прекратили совсем. Но по приезде делегации в Петроград правление завода получило крупный заказ и взяло под него аванс для расплаты с рабочими и тем удержало завод за собой. Пред октябрьской революцией настроение на заводе было определенно большевистское, на общих собраниях меньшевикам и эсэрам уже не давали говорить.

Наступили октябрьские дни. Накануне выступления, вечером, я поехал в Московский Совет узнать, что происходит. Войдя в здание Совета, я нашел там большое оживление. Здание было переполнено народом. В залах совета шли митинги. Вопрос о выступлении с оружием против Временного Правительства был решен. На митингах выступали

товарищи: Смидович, Подбельский, Усиевич и др., которые разъясняли, как действовать. В это время были получены сведения, что наши большевистские отряды ходили в Кремль на разведку, где юнкера встретили их выстрелами. Поздно ночью я поехал домой на трамвае. В это время уже кое-где слышались выстрелы.

На следующий день в заводе утром был устроен митинг, на котором меньшевики и эсэры старались удержать рабочих от выступления. Но их не послушали и было постановлено выступать с оружием. Мне было поручено съорганизовать Красную Гвардию, в которую я набрал на заводе более трех сот человек. Но винтовок было мало,—из района дали всего около 100 штук. Мы разделились на две партии: одна пошла по направлению к Большому Каменному мосту, а другая к Крымскому мосту. Я был во второй партии. Засев у Крымского моста, мы выбивали юнкеров из лицея Цесаревича Николая, откуда юнкера в нас стреляли разрывными пулями. Но мы их оттуда выбили. Через три дня к нам прибыли свежие силы, которые нас сменили. Жертвы с нашей стороны были небольшие, нам помогали из Хамовнических казарм артиллеристы, которые выбивали белых из орудий.

Бурдачев.

КРАСНАЯ ПРОХОРОВКА.

Прохоровка была в то время пороховницей рабочего класса Москвы, оставшейся от первой революции—1905 г. В ней еще тлели искры, которые то вспыхивали под бурями ненависти на своих эксплоататоров, то снова потухали...

В те годы у нас на фабрике были одиночки, которые имели связь с партийными, а больше с профессиональными организациями. Пред выборами в 4-ю Государственную думу революционное настроение стало проявляться все сильнее. В то время стали выходить газеты „Северная Правда“ и „Луч“—в Петрограде и „Наш путь“ в Москве (после выхода 12 или 14 номеров он был закрыт). Тут проблески революционного настроения у рабочих стали ярче: начались сборы на организацию и на газеты. Как наиболее деятельных можно отметить следующих товарищей: на ситцевой ф-ке в отделении мастерских Ивана Зайцева и Степана Сазонова, в печатной—Владимира Горшкова и ряд других. В прядильной, хотя и мало было большевиков, но все-таки существовало основное ядро и уже к февральской революции я лично познакомился там с Меркуловым. Ткацкая была гнездом эсэров. В механическом, где были квалифицированные рабочие, царила половинчатая группа меньшевизма во главе с т. Розановым, который при объявлении войны прошел от фабрики Прохорова в Военно-Промышленный Комитет.

Пред объявлением войны у нас была забастовка, предъявили около 15 пунктов требований. В этой забастовке рабочие потерпели поражение и ряд их был выброшен с фабрики. Одного из лучших товарищей — руководителей, петроградца Ивана Михайловича мобилизовали.

Помню тогда мы, человек восемь, сделали партийную массовку и решили после ликвидации забастовки, провожая Ив. Мих. на фронт, снабдить его связями. С фронта он писал нам, что ведет в армии подготовку к свержению гнилого самодержавия. Последнее письмо от него было получено из германского плена.

Как только грянула февральская революция и начались выборы в Совет Р. К. и С. Д., наша Прохоровка на первом своем собрании избрала в Московский Совет 12 делегатов. Первое собрание делегатов, прошедших от фабрик и заводов Красной Пресни, было на углу Малой Грузинской ул., в столовой № 9, где тогда помещалось Санитарное Управление Красного Креста. Вижу, там уже появилась инициативная группа во главе с Борисовым и Розановым. Председателем был избран Борисов, эсэр.

Наше ядро прохоровцев, я, Меркулов, Малинин и др. стали протестовать и тут сразу ярко проявились наши партийные разногласия. 6 депутатов, избранные нашей группой в Моск. Совет после первого же заседания примкнули к фракции большевиков.

Вскоре наша организация выросла до 20—25 чел. и мы повели работу по всему фронту: в парткоме, в совете, в профсоюзе текстильщиков. Везде прохоровское ядро большевиков проявляло активность, энергично проводя в жизнь директивы, данные партией. Наше ядро прохоровцев, как один, голосовало в Совете против войны и „займа свободы". Помнится мне одно собрание... На большой кухне собралось около 7 тысяч человек, пот льет от духоты, кругом кричат: мы вас избрали, а вы голосуете против „займа свободы", продаете нас...

Много нам стоило труда, чтобы пробить брешь к сознанию рабочих и разъяснить им, что этот заем послужит только к лишнему пролитию крови рабочего класса.

Деятельное участие принимали прохоровцы и в подготовке к выборам в районные думы, агитируя за большевистский № 5.

В правление профсоюза текстилей от нас входили т. Меркулов, Васильев и Емельянов. В районных профессиональных организациях также участвовали наши товарищи,

например, тов. Заморенов и ряд других. От центрального союза текстилей в Моск. Совет провели 60 человек.

Когда по распоряжению М. К. был организован Красно-Пресненский парткомитет, по Больш. Предтеченскому пер., д. 4, от нашей Прохоровки там стали работать тов. Меркулов, Емельянов, Шильняк, Шаногин и ряд др.

Во время Московских демонстраций, ядро прохоровцев проявило большую активность, призывая рабочих района к участию в наших красных демонстрациях, и в дни Московского совещания наше ядро призывало рабочие массы вести партийную линию.

На нашей фабрике в то время была активная группа правых эсэров; они влияли на настроение рабочих масс и однажды хотели устроить дебош против большевиков, но это им не удалось.

Пред октябрем ядро прохоровцев имело уже корни во всех организациях. Пред моментом боя, я помню историческое заседание Центральной и всех районных дум, происходившее в Сухаревском Народном Доме.

На этом заседании правое крыло—эсэры и меньшевики, как змеи шипели, и тут проявилась вся их подлость и видно было, что они защитники не рабочих интересов, а буржуазии.

Наши большевики держались дисциплинированно, после длинных прений была принята наша ультимативная резолюция, меньшевики и эсэры покинули заседание, а мы кричали им вдогонку: — трусы, прохвосты, продажные шкуры...

Я помню, выйдя из этого заседания, мы с тов. Гришей Беленьким наняли извозчика и когда мы ехали, юнкера уже открыли стрельбу.

Приехав в район, через несколько минут после заседания райкома с активной частью нашей организации, был избран революционный комитет под председательством тов. Слесарева Ивана. Тут же стали вести перепись оружия и все были вооружены револьверами, большевики в первую голову. На баррикадах, в дозорах, в разведках прохоровцы шли в первых рядах. Наиболее активные из них товарищи—Меркулов и Емельянов были в боевом штабе, а другие распределяли оружие.

После победы октябрьской революции наши прохоровцы присоединились к постройке рабочего государства: участвовали в создании Красной Армии, в работе совета, в поднятии производства, и во всех партийных мобилизациях. Словом, начав перед 1905 годом с тяжелой борьбы с царскими холопами, наша Прохоровка дождалась красных дней революции и вышла на широкий путь пролетарского строительства.

Воробцов.

ПРОХОРОВКА В ФЕВРАЛЕ.

Февральская революция на нашей фабрике была встречена с большим подъемом. Я хочу с вами поделиться тем, что происходило в эти дни у нас здесь, на этой кухне. Я помню, как первое время вся наша забота была в том, чтобы узнать, что делается там, в центре Москвы. Все говорили, что самодержавие свергнуто, что наступила новая полоса в русской жизни, но хорошенько разобраться во всем этом мы еще не могли.

Наконец, было созвано общее собрание, для того, чтобы выбрать депутатов в Московский Совет. На этих выборах избирали тех товарищей, которые были известны по 1905 г. и тех, которые были так или иначе выдвинуты самими рабочими. Первые дни революции на Прохоровке не работали, взволнованно ждали первого Московского Совета, который собирался тогда в Думе, куда и были посланы нами представители. На этом первом заседании совета, как сейчас помню, так много собралось людей, что мы не могли поместиться: часть стояла в самой зале, а часть в коридорах. Председательствовал Хинчук, который руководил довольно долго этим советом. На этом первом заседании совета докладывалось, что в Питере и в Москве власть сменена, что ставленники царя свергнуты и власть перешла к демократии, но демократии не рабочей, а буржуазной. В этом первом совете рабочие получили очень мало, хотя с первого взгляда казалось будто бы очень много... Дело в том, что силы в нашем совете очень и очень были слабы, а параллельно с этим советом, здесь в Москве был организован, так-называемый „Комитет Общественной безопасности", в который входили все прежние представители либеральных партий, которые в то время находились здесь в Москве (партия ка-

детов, октябристов), и решения Московского Совета лишь постольку проводились в жизнь, поскольку с ними были согласны эти представители. В Московский Совет депутаты выбирались не по партиям, а просто по инициативе рабочих, и первые депутаты с Прохоровки в Московский Совет в большинстве были большевики.

Из 13 человек было 9 человек большевиков. Эта большевистская ячейка, которая была, правда, еще слишком маленькой, так как здесь на Прохоровской фабрике осталось засилье меньшевиков, все-таки повела к сплоченности, к тому, что и в следующий раз мы могли себя отстоять. В этот раз в Московский Совет прошло 5 большевиков. Правда, нас ругали, костили всячески, но то дело, которое делали наши депутаты они все-таки правильно поставили.

Затем стали организовываться на местах Районные Советы. Так как у нас фабрично-заводских комитетов не было, а имелись лишь старшины, которые накануне революции были разогнаны, то одновременно с районными советами были организованы и фабрично-заводские комитеты. Из наиболее активных товарищей, попавших в Районный Совет были: Рыкунов, Александров и Слесарев; они ходили по фабрикам, организовывали рабочих и подготовляли выборы в Московский Совет. Кроме того районные советы занимались всеми вопросами, которые только назревали в данный момент.

В Московском Совете тогда было еще большинство меньшевиков и с-р. Правда, и у нас в районе были меньшевики и с.-р., но председателем Районного Совета был т. Рыкунов, большевик. И хотя меньшевики и эс-эры были в большинстве, но когда назревали какие-нибудь жизненые вопросы, то наши товарищи большевики старались их проводить. Когда в Московском Совете был поднят вопрос о 8-ми часовом рабочем дне, то меньшевики и эс-эры говорили, что надо подождать, что сейчас не время вводить 8-ми часовой рабочий день. Но представители от партии большевиков заявили; что мы будем стоять за 8-ми часовой рабочий день, чтобы его провести административно в виде определенного пункта. Тогда мы пошли по фабрикам и сказали, что Московский Совет большинством постановил 8-ми часовой рабочий день. И мы его провели, это потому, что хотя боль-

шевистская партия была в меньшинстве, но этого требовала жизнь. Однако 8-ми часовой рабочий день легко было провести на больших фабриках, а у мелких ремесленников, у кустарей это провести было труднее. И вот опять эту работу проделывали районные Советы во главе с большевиками. Работа была очень тяжелая, кропотливая, надо было убедить рабочих, которые были забиты, подчинены, что теперь у них есть защита в Московском Совете и в Районных Советах. С большим трудом, но это все-таки удалось. Почти по всей Пресне тогдашний Красно-Пресненский Совет провел 8-ми часовой рабочий день, кроме того мы завели разбор конфликтов, почти ни один случай не проходил мимо Районного Совета, где работал т. Рыкунов и др. Они ходили по фабрикам и везде разбирали конфликты.

Вот подошло 1-е мая. Прохоровская фабрика выступила с грандиозной демонстрацией, никогда, ни в одном году такой не бывало. В этой демонстрации мы, большевики, в первый раз выбросили лозунг: „Долой войну". Меньшевики и эс-эры по этому поводу говорили нам здесь на собрании, что мы провокаторы, что мы предатели. И вот наше знамя, на котором было написано „Долой Войну" было изъято из демонстрации. Но для нас было ясно, что ту войну, которую вел Керенский, которую начал вести царь Николай II, продолжать для народа будет вредно, и рабочие массы должны были в этом отношении сказать свое слово.

Когда был объявлен „Заем Свободы", рабочие на фабрике говорили, что большинство будет поддерживать этот „Заем Свободы", но я помню, что большинство голосовало против займа, потому что мы не хотели вести братоубийственную войну, затеянную в интересах буржуазии.

В то время вернулся Вл. Ильич из-за границы, стали говорить, что он подкуплен Германией, чтобы прекратить войну. Но мы тогда говорили, что меньшевики это выдумывают, а рабочий класс видит правду.

Подошли июльские дни, в Петрограде хлынула волна рабочей стихии. Мы в Москве пошли демонстрацией к Московскому Совету и указали, что арест наших товарищей большевиков не может быть допущен, так как в Петрограде восстание рабочих очень серьезное, что правительство должно быть установлено рабочее,

а если будет другое правительство, то наши фабрики опять достанутся тем же фабрикантам, которые нас насиловали и дальше будут это делать.

Когда прошли июльские дни, у нас на Прохоровской фабрике меньшевики повели агитацию против большевиков. Как в Петрограде, так и в Москве были произведены многочисленные аресты, мы были выбиты из колеи, т. Рыкунов в Районном Совете не мог работать, ему не давали вести дело, точно также как и другим большевикам, которые активно работали. Тогда мы пошли работать в профессиональные союзы, чтобы подготовлять рабочие массы. Мы в союзе текстильщиков на первом собрании провели в Московский Совет одного большевика. Я помню, как т. Хинчук удивлялся, что мы в союзе текстильщиков достигли большинства. Мы постепенно стали занимать положение в Московском Совете и рабочий класс стал убеждаться, что те обещания, которые давали Керенский и Церетелли, все были отняты и теперь через заводские комитеты надо было снова добиваться этих прав.

Пришел Корнилов, тогда говорили, что будет Дума, которая нас разгонит. После разгрома Корнилова, мы остановились перед фактом перелома настроения пред октябрем. Перелом получился во время выборов в Районную Думу. Я помню, как мы ходили на митинги и говорили о том, как разгромлены генералы. Меньшевики на нас кричали „долой", но мы все-таки на Прохоровской фабрике получили для большевиков большинство. В Пресненской Думе председателем был покойный т. Попецкий, т. Лихачев был тов. председателя. Тут мы могли сказать меньшевикам и с.-р., что невзирая на то, что они имели силу легального существования, все-таки мы с Прохоровской фабрики прошли в большинстве. И вообще по Москве большевики получили большинство. Произошел перелом, не только на фабрике, но и во всем Пресненском районе. Фабрика Тильмана первая примкнула к большевикам, потом к Пресненскому Совету стали примыкать и другие фабрики и таким образом уже к сентябрю мы имели большинство в Совете. Я помню, как мы заседали в Студенце, который захватили, как только захватили власть.

После прежних хозяев там все было разорено, прекрасные оранжереи они вывезли за границу. Из того, что досталось рабочим, мы организовали первый, правда, не очень хороший, рабочий театр, там мы хотели дать рабочему классу цикл лекций. Меньшевики и эс-эры нас травили и говорили, что ничего не выйдет, но в интересах большевистской партии было нести в рабочие массы просвещение и мы старались все силы направить к тому, чтобы рабочие собирались в этом самом Студенце. Когда с Прохоровской фабрики приходили туда большевики, то их выбирали всегда в большинстве. Когда в мае прохоровские рабочие кричали, „долой большевиков" мы говорили: придет время, нас опять выберете. Это время пришло в сентябре месяце. И когда прохоровская фабрика выбрала своих закаленных в 1905 г. рабочих, то, конечно, районный совет был под руководством нашей коммунистической партии.

Подошел октябрь. Восемь суток мы, которые участвовали в этом восстании, как один человек, совершенно не спали ни днем, ни ночью, не имели покоя, каждую минуту были настороже. В наш район входила Ходынка, и с этой Ходынки были подвезены пушки к Московскому Совету, и эта артиллерия защищала нас от врага, которого, как мы знали, если бы мы не победили в октябре, он бы нас победил дальше и остались бы мы под гнетом, как после 1905 года.

Меркулов.

СТРАНИЧКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Февраль. Неясные известия из Петрограда. Атмосфера подавленная. Носятся разнообразные слухи. Кто-то сообщает: завод будет взорван... Кругом шум, валятся табуретки, спотыкаются работницы, хватают верхнюю одежду и взволнованные выбегают из отделения. Не успокаивает даже грозное слово мастерицы Козловой: „Тише". Через несколько минут все работницы на дворе.—Что случилось? Толпятся рабочие с других фабрик, пришли и Цинделевские рабочие. Возгласы: пора кончать с рабством. Николая кровавого питерские рабочие согнали с трона. В Петрограде уже третий день развевается красное знамя,—краткое пояснение и все с восторгом очутились на улице. Тов. Аболь, высоко поднявший небольшое красное знамя, большими шагами, во главе толпы спешит в сторону Тверской. Прошли таким образом около 50 шагов, как вдруг из дома, на углу Тверской и Лесной, выскочила колонна конных околоточных и городовых. Зажмурившись, надевши фуражки на глаза, с обнаженными шашкам и они бросились на нас. Мгновение— и улица пуста... Под охраной „ангелов" стоит юноша с красным знаменем—его повели...

На следующий день во дворе завода собрание, приходит извещение о демонстрации из центра. Осуществлен первый акт—февральская революция. Как все изменилось, администрации как-будто не имеется. Работа на последнем месте. На первом месте партийные споры и собрания. Янович, как мефистофель ползает по Григорьевскому контрольному отделу и агитирует во всю, за ним идет Свирская (оба из меньшевистского лагеря) они подбивают одураченных рабочих и работниц конкурировать с большевиками на выборах в завком, профсоюз и совет. Однако в результате получается

блестящий провал эсэров и меньшевиков на выборах в Московский Совет Р. К. и С. Д. Кандидаты большевиков: Щукин, Прохоров и Аболь получили каждый больше 2300 голосов, а шесть кандидатов соглашателей: Рассказов, Ларионов, Ливен, Торбеев (меньшевики), Горбенко и Топоров (эсэры) все вместе получили 1397 голосов. Большевизм, как гигант, шагает вперед и словно мощным ударом молота разносит во все стороны своих врагов, идущих под номером одиннадцать, и в Московский Совет Р. К. и С. Д. проходят победителями большевики за номером пять. Проходит небольшой промежуток времени и большевик говорит открыто, что для коалиции Керенского вырыта могила и призывает всех честных рабочих, воинов свободы, быть готовыми на похороны своего классового врага на 25 октября, призывает создать диктатуру пролетариата.

Мрачное октябрьское утро. В заводском дворе собираются труженики завода. На возвышенности стоят товарищи: Батышев, Даман, Трейман, Щукин, Цыганов и др. Они сообщают о положении дел и дают директивы. К нашему удивлению Соловьев, Яновиц и Фактулин—тогдашние меньшевики, протирая сонные глаза, также спешат совместно с другими занять в строющихся колоннах место. После чего все направляются на Нижнюю Масловку.

Помещение переполнено, не хватает винтовок, чтобы удовлетворить такое огромное количество борцов.

Прибывают первые раненые. Уже пятый день идет бой и не утихает грохот орудий.

Рассветает, настало утро, двор завода переполнен людьми. Измученный, с глубоко впавшими глазами т. Батышев, охрипшим голосом сообщает новейшие события, кругом трещат пулеметы и от пушечных выстрелов мелькают огоньки, еще дня три и побежден будет дракон... Совершен второй акт—Октябрьская революция.

Залман.

ВТОРОЙ КОЖЕВЕННЫЙ ЗАВОД.

Во время февральских событий в Москве, я работал на одной из кожевенных фабрик нашего района. Мне особенно ярко припоминаются дни 25-го и 26-го февраля, тревожные дни, когда глухие раскаты петроградских событий доходили смутно до слуха рабочих, но не было ничего определенного и никаких газет из Петрограда не получалось. И только 26-го к вечеру мы получили несколько листков, напечатанных на машинке, указывавших на обстоятельства, при которых произошло начало февральской революции. С этой поры пред нашими рабочими, наиболее развитыми, п. ч. большинство из нас были членами союза, встал вопрос о присоединении к петроградским рабочим. Утро 27-го февраля было решающее, и мы пригласили часть рабочих „Листа", Крамера и целого ряда мелких предприятий и, снявшись с работы, с флагом красного цвета направились к Думе. По дороге нас разгоняли, но все-таки наша демонстрация дошла до Думы. Здесь интересно отметить момент создания Московского Совета: с разных концов города приходили колонны рабочих с фабрик и сейчас же здесь, по предложению товарищей, выбирали представителей и посылали их в Совет *). Так создался московский совет. Помню нас выбрали 15 ч., но мы не успели попасть в Думу, ибо как только мы поднялись на Думское крыльцо, нам предложили большую, сложную задачу—отправиться в казармы и снять солдат. Сейчас же рабочие разделились снова на колонны и группами направились в казармы. Мне пришлось быть в Спасских казармах, где был расположен 193 запасный полк. Когда мы подошли—вся Сухаревская площадь и вся улица до Орликова переулка была занята

---

*) Автор обобщает частный случай (примечание редакции).

рабочими. По моему тут было не менее 10 тыс. человек и у всех было одно желание—вывести солдат на улицу. Но однако это представляло сложную задачу, мы неоднократно порывались проникнуть в казармы, но перед воротами стояла застава. Желая устроить панику, в нас выстрелили холостыми зарядами. Некоторым попало в руки и ноги, но все таки большинство осталось на месте и только наиболее трусливая часть разбежалась. После того, как на нас не подействовали холостые выстрелы, а солдаты 193 полка, повидимому, отказались стрелять настоящими патронами, были приведены две роты солдат другой части к Орликову пер., но и они заявили нам, что стрелять в рабочих не будут, тогда их отвели к Покровским казармам. До 9 часов мы старались всеми правдами и неправдами протиснуться через забор между солдатами и смешавшись с ними, составить свое большинство. Но это нам не удалось. Когда из Спасских казарм намеревались вывести две подводы с патронами, мы задержали их и забрали себе эти патроны. Вывести весь полк мы все-таки не смогли.

В первых числах марта мы ввели на своей фабрике явочным порядком 8-ми часовой рабочий день и организовали завком. Я помню, мы заявили, чтобы без нашего контроля ничего не делалось. Но контролировать производство, не имея понятия о деле, мы не могли. Организации большевиков до середины марта у нас не было. Фабрика была основана в военное время. Все была молодежь...

С 1915 года почти все наши рабочие состояли членами союза кожевников и когда вышла газета „Социал-Демократ", мы никакой другой газеты не выписывали и, когда приходили агенты и предлагали выписать „Русское Слово" или „Раннее Утро" мы отказались. Еще интересно отметить один момент: когда на одном из собраний мы поставили вопрос, как рабочие относятся к временному правительству и предложили резолюцию о его свержении, все подняли руки. Это показывает, что все рабочие, особенно молодые, относились сознательно к революции и понимали, что дело, начатое в феврале не кончено.

Андреев.

СИМОНОВКА И ЗАВОД „ДИНАМО“.

(по воспоминаниям активных рабочих).

Пред февральской революцией на заводе „Динамо“ на почве продовольственных затруднений шло сильное брожение. Продовольственное дело находилось в руках продовольственного комитета О-ва местных фабрикантов и заводчиков при участии местного кооператива, при чем через представителей кооператива неоднократно поднимался вопрос о предоставлении места в означенном комитете представителям больничной кассы и представителям заводов, что всегда систематически отклонялось. За несколько дней до революции подпольная большевистская группа завода вела агитацию за изъятие дела снабжения рабочих продовольствием из ведения продовольственного комитета и передачу его в руки рабочей комиссии. По этому вопросу борьба развертывалась, охватывая всю рабочую массу. На заводе постоянно происходили общие митинги и собрания рабочих, при чем выносились резолюции с требованием ликвидации продовольственного комитета О-ва фабрикантов и заводчиков.

На рабочих собраниях большевики использовали продовольственные затруднения с целью агитации против войны. Настроение рабочих повышалось, переходя порой в открытое недовольство. Революционные лозунги сплачивали рабочих и их организованность росла с каждым днем. В течение января и февраля беспрерывно было брожение внутри завода и происходили демонстрации. К февральской революции «Динамо» подошел, полный бодрости и революционного духа, имея сильную большевистскую организацию.

* * *

В последних числах февраля стали приходить смутные сведения о безпорядках и волнениях в Питере. Рабочие

завода быстро проявили интерес, негодуя против войны, благодаря чему большевистская организация пользовалась симпатиями. Вскоре через большевиков окончательно выяснилось, что питерское движение приняло большие размеры.

По получении этого известия на заводе, с утра 27-го февраля по мастерским происходили собрания. Большевики развили сильную агитацию за выступление. На обще-заводском собрании, после прений, решено было выступить. Во время собрания явились рабочие с Прессового завода во главе с большевиком и присоединились к общему собранию.

Всей массой двинулись к воротам, свистки раздавались по всему заводу.

Полиция, которая постоянно находилась на заводе и усиленная к этим дням, растерялась. Рабочие без препятствий вышли на улицу.

У ворот завода наскоро решили остановить завод Бари. Толпа запрудила улицу и, подойдя к Бари, увидела, что рабочие ломятся в ворота. Под напором массы ворота с треском слетели с петель и баривцы влились в толпу демонстрантов.

Показались и рабочие завода „Амо“, выкинувшие красный флаг без надписи, где в это время работали большевики: Вимба, Лидак, Смирнов и б. эсэр Горшков.

Рабочие не знали маршрута и не знали, что происходит в центре города.

Проходя слободку, отдельные рабочие выходили из толпы и обезоруживали попадавшихся навстречу городовых.

В Симоновке, у Спасской заставы, в Таганке постовые городовые остались без револьверов. Толпа спустилась к Яузскому мосту, к которому стекались рабочие других заводов района. Караулившие мост драгуны беспрепятственно пропустили толпу.

На Воскресенской площади, против здания Городской Думы, симоновцы слились с громадными толпами народа.

* *

На следующий день с утра на заводе появились листовки. Опять, как и накануне, было организовано собрание, после которого, не сдаваясь на уговоры все еще находившейся на

заводе полиции, рабочие вышли на улицу. У Бари околоточный упорно не допускал пройти на завод, но был обезоружен. Баривцы присоединились. Масса густо заполнила улицу. Шли дружно, организованно. На углу Воронцовской улицы, при входе на Таганскую площадь, раскинулась цепь городовых, переодетых в солдатские шинели. На правом фланге стоял околоточный.

Рабочие, шедшие рядами, при виде полиции, инстинктивно взялись за руки, крепко держась друг друга.

Так подвигалась безоружная толпа с красным флагом к цепи полиции, преградившей вход на площадь. Ближе и ближе подходили передовые ряды рабочих.

Послышались звуки рожка.

Раз, два, три.

Раздалось несколько залпов, один за другим. Толпа повалилась на мостовую. Полицейские стреляли в воздух, тогда как околоточный из револьвера стрелял в упор. Толпа опомнившись, разбежалась в разные стороны, в подворотни, в подъезды, перелезая через заборы.

На мостовой остался неподвижно лежать рабочий завода „Динамо“ тов. Д. В. Астахов. Он был мертв. Лишь долгое время спустя его тело подобрали рабочие и отнесли в ближайшую школу.

Отдельными кучками, в одиночку, разными переулками направлялись рабочие в центр.

Некоторые, обойдя Таганскую площадь, дошли до Яузского моста, где полиция не пропускала рабочих района, подошедших со стороны завода Гужон. В момент схватки с приставом и каким-то офицером, оказавшимися на этом мосту, был убит рабочий завода Гужон тов. Астахов. Полиция, расстроенная не будучи в состоянии произвести выстрелов, молила о пощаде и спасалась бегством.

Рабочие проникли в центр.

* * *

В Думе уже заседал „рабочий“ комитет из состава Военно-промышленного комитета во главе с Чарегородцевым и другими, пытаясь объявить себя Советом рабочих депутатов. Большевики, в частности Попок устроили им скандал, называя их самозванцами. Часть, в том числе и динамовцы, вышли из зала на площадь и устроили митинг.

Перед Думой на площади стояли громадные толпы народа. Из этой группы был выброшен красный флаг с надписью—„долой войну".

Поднялось нечто невообразимое: среди тысячных криков слышались возгласы: „это провокация".

Смятение, крики, давка—-флаг, разорванный, скрывается в людской гуще...

В „Комитет" от Симоновского района тут же на площади были посланы Попок и Уханов.

Только на утро Попок и Уханов вернулись на завод и на общем собрании рабочих объявили о решении создать Московский и Районные Советы.

Выбраны были: Уханов, Попок и Будкин, кандидатами Соколов и Еремин *). В тот же день рабочие овладели полицейскими участками и установили охрану из рабочих.

В Симоновке, в участке и на постах появились рабочие в типичных блузах и картузах с берданками в руках и с полицейскими шашками через плечо.

Завод стоял. Шли собрания, создавались общественные организации, происходили выборы в заводской Комитет.

С первых же дней выявились политические течения: самое сильное большевистское, сплоченное, отдельные эсэры, воинственно настроенные и совсем редкие меньшевики.

Февраль вступал в свои права. Резко и остро развертывалась борьба рабочих за экономические требования, с безудержной быстротой переходя в политическую борьбу за власть.

Ю. Чанин.

---

*) Эсэр, остальные большевики, из них Попок впоследствии оказался провокатором.

РОГОЖСКО-СИМОНОВСКИЙ РАЙОН (ЗАВОД „АМО“).

В октябре 1916 г. после устроенного срыва с работы, в виду понижения расценок, целой бригады слесарей, человек в 12, на телефонном заводе бывш. Земгора (по большой Семеновской ул., в Лефортове), мне с остальными товарищами пришлось разойтись по разным заводам и фабрикам. Я с товарищем Litozнеeком 3 октября 1916 г. поступил на завод „АМО“. Завод „Амо“ начал строиться летом 1916 г. С первого же момента поступления пришлось присматриватся и нащупывать почву, но дело шло очень медленно, ибо на заводе работал разнородный элемент, большинство строительные рабочие, которые не имели никакого понятия о классовой борьбе. Металлистов было мало и неспаянная группа. Вскоре пришлось познакомиться с т. Смирновым С. П. (большевиком) и Горшковым тогда—эс-эром.

9 января 1917 г., под видом экономических требований, прибавки 3 коп. в час, нам удалось уговорить рабочих не выходить на работу и таким образом отпраздновать тот день, хотя и не полностью.

В тот же день несколько товарищей собрались в чайную Маслова у Спасской заставы и, под видом организации Потребительской кооперации при заводе, обсуждали вопрос об отношении к созыву 4-й Государ. Думы. Было решено устроить забастовку, которая и была проведена 14 февраля 1917 г. в знак протеста против созыва 4-й Государственной Думы; в этой забастовке приняли участие все металлисты за исключением отдельных лиц и строительных рабочих. После этой забастовки началось усиленное брожение среди всех рабочих. И с этого момента пошла агитация и пропаганда со стороны социалистических групп и лиц, им сочувствующих.

На заводе „Амо“ к февральской революции выявились две социалистических группировки, С. Д. Р. П. (большевик.), в которую входили т.т. Смирнов, Вимба и Лидак, и эс-эров с т. Горшковым во главе.

28 февраля 1917 г. забастовали металлисты и вышли на улицу, а строительные рабочие остались пассивными. На 1-ое марта утром после общего собрания рабочих, на котором пришлось выступать нескольким ораторам и обрисовывать положение в Петрограде и на заводах г. Москвы, все рабочие, в количестве 1700 чел., вышли на улицу с криками „Долой самодержавие“ и, соединившись с заводами Динамо, Бари и др. в общую массовую демонстрацию, направились в центр к Городской Думе. Когда мы по Воронцовской улице подходили к Таганской площади, нам путь был отрезан солдатами. Их командир-офицер требовал, чтобы мы разошлись, но когда мы не послушались, то он скомандовал на „изготовку“. После второго требования разойтись, которое тоже не было исполнено, командир приказал стрелять. Раздался залп и т. Астахов, рабочий завода „Динамо“, оказался убитым, видимо, что солдаты стреляли вверх, а офицер убил т. Астахова.

Демонстрация разбежалась и отдельными группами по переулкам отправилась в центр города. Тут почти со всех районов стекались группы рабочих и примыкали к демонстрации, идущей к Спасским казармам; здесь демонстранты пыталися всякими способами вывести товарищей солдат, которые были заперты в казармах; это продолжалось почти до трех часов ночи, но безрезультатно, лишь отдельные группы солдат присоединились к демонстрации.

На другой день, т.-е. 2-го марта, на заводе „Амо“ состоялось общее собрание рабочих, происходили выборы в Московский Совет, избраны были: т.т. Вимба, Лидак, Егоров и Смирнов, все большевики. На протоколе подписалось множество рабочих, на основании чего все были утверждены членами Моссовета.

Помню, как нам, большевистской ячейке, пришлось отстаивать интересы строительных рабочих, обманутых дирекцией „Рябушинских и К°“. Дирекция завода „Амо“ отпустила строительных рабочих на пасхальные каникулы. Но когда через две недели они вернулись, им вместо работы

предъявили рассчетные листы, как уволенным. Но мы, большевики, в лице завкома встали на защиту их и нам удалось заставить заводоуправление заплатить им за две недели вперед или дать возможность отработать, а часть была уволена с уплатой вперед.

Таких неожиданных рассчетов, безо всяких мотивировок со стороны администрации завода, амовским рабочим пришлось пережить не один, а целых 4, начиная с апреля до октябрьской революции. И во всех этих конфликтах большевики, облеченные полным доверием со стороны рабочих, выходили победителями.

Особенно мне памятна последняя забастовка 2 октября 1917 г., за которой немедленно последовал бы рассчет, если бы октябрьская революция не положила конец этой вакханалии промышленников.

Приблизительно в апреле месяце в Симонове возникла революционная Районная Дума по принципу представительства от партийных организаций, фабзавкомов, Потребит. О-ва, Больничной кассы и представителей промышленников крупных предприятий в районе: Динамо, Амо и Бари; большинство от нашего района прошло большевиков. Характерно, как тогда представители рабочих организаций единодушно, умело использовали фабрикантов в интересах рабочего класса: без копейки денег мы сумели создать из внесенного фабрикантами аванса продовольственный орган при Районной Думе.

После этого был организован Симоновский Райсовет, который в 1918 г. слился с Рогожским Советом.

Еще один момент хочу отметить, когда Исполкому Совета и Правлению Думы пришлось обсуждать вопрос относительно создавшегося положения в Симоновском милицейском Комиссариате. Комиссариат на первых порах был организован стихийно, туда попали случайные элементы, и потому было решено милицию настоящего состава распустить и набрать вновь по рекомендации с фабрик и заводов. Но, принимая во внимание, что это было накануне пасхи и вновь набрать не представлялось возможным, решили распустить старую милицию, а самим занять посты, что и было сделано. Однако разоружить первый состав милиции удалось нелегко, ибо не мало из них было пьяных.

Большинство временного Комиссариата составилось из рабочих з-да „Амо“ во главе с завкомом, которые и несли все обязанности до набора новых милиционеров. Комиссаром был избран т. Горшков—с.-р.

После февральской революции была однажды попытка объединить меньшевиков и большевиков, инициаторами явились меньшевик Рудаков и интернационалист Гаврилов. Я помню, как т. Макаров, большевик, возражал против этого и он был прав, ибо вся идея объединения лопнула, как мыльный пузырь, когда столкнулась с действительностью. С этих пор началась идейная борьба с меньшевиками, которые из Симонова скоро исчезли; остался лишь один меньшевик Щеголевский, игравший неважную роль среди широких рабочих масс в районе.

Помню июльские дни 1917 г., когда в центре происходили уличные митинги, когда большевикам почти не давали говорить против пресловутого наступления Керенского. Помню, как вся эта свора, начиная меньшевиками, эсэрами и кончая черной сотней, на Советской площади травила большевиков и каждого принимали, как германского шпиона. Помню, как они нас освистывали и бросались даже с кулаками, когда мы отправлялись с митинга по Тверской и Леонтьевскому пер. к Капцовскому училищу, где находился М. К. Р. С. Д. П. (больш); но как только кто-нибудь из нас показывал ствол револьвера, все сразу отскакивали. Помню покойного товарища Бандурина и т. Пече, как им приходилось выдерживать натиск со стороны этой своры и, когда она становилась нахальнее, тут т. т. Бандурин и Пече сразу хватались за Наган и, заметив ствол нагана, свора сразу сдавала... И так мы пробрались до М. К. К этому времени подоспели рабочие с фабрик и заводов, со всех районов. Тут вся свора как-то замолкла и полезла по своим норам.

Еще, как сегодня, в памяти день знаменитого пленума Московск. Совета Раб. и Солд. Депут. по поводу совещания 12-го августа промышленников, по словам Временн. Пр-ва, этих „живых сил страны“. Меньшевики и эсэры решили участвовать в нем без большевиков и принять все меры недопущения забастовки. Большевики сорвали Пленум и на отдельном совещании во 2-й аудитории Политехнического инсти-

тута решили устроить забастовку—протест против совещания промышленников—забастовка была проведена. Бастовало на 12-е августа 400,000 чел. по всей Москве и в том числе все Симоново и завод „Амо“. Потом наступили Корниловские дни, где также принимали участие все заводы в Симоновском районе. После ликвидации корниловщины пошла усиленная подготовка к военному делу всех рабочих.

Активное участие принимали наши рабочие и в выборах в Учредительное Собрание. Симоновский район дал большинство голосов Р. С. Д. Р. П. (большевиков).

Все эти этапы февральской революции проходили живой картиной пред глазами рабочих и определяли их отношение к той или иной социалистической партии. На основании этого опыта и уверенности в своих силах рабочие массы еще задолго до октября шли за большевиками и вместе с ними вступили в бой в октябрьские дни 1917 г. за социальную пролетарскую революцию.

В бой вступили с большим энтузиазмом и подготовкой, но без оружия, которое пришлось приобретать в процессе борьбы во время самых боев. И в этом случае симоновские рабочие, во главе с большевиками, сыграли немаловажную роль, захватив симоновские патронные склады, откуда снабжали патронами все рабочие отряды и воинские части в Москве и даже в уездах, примкнувших к пролетарскому революционному движению.

Так мы пришли от февраля к великому октябрю.

А. Лидак.

ЗАМЕТКИ О ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В „ОКРУЖКЕ“ В 1917 Г.

3 марта 1917 года после почти 9-летнего пребывания в разных тюрьмах я вышел „на волю“ в гор. Ярославле и через несколько дней приехал в Москву. Почти полная оторванность за долгие годы от партийной жизни и необходимость искать заработка заставили меня два месяца удерживаться от активного участия в партийной жизни. Жадно вчитываясь в партийные органы разных оттенков, я почувствовал, что вовсе уже не так сильно отстал от партийной мысли. Идеи большевистских газет были моими идеями. Я так же освещал и оценивал все события, как и они. Комитеты всех социалистических партий в марте 1917 года помещались в Капцовском училище. Все они занимали очень немного места. Отдельную комнату занимал Московский Комитет. В другой помещался Окружной Комитет, Областное Бюро и железнодорожная организация.

Газеты продавали в общем коридоре и на площадках лестницы. Забежишь в Капцовку и видишь рядышком сидят продавцы социалистических газет всех направлений и покупаешь. Стоит запоздать и можно газет не получить. Большевистскую литературу на улицах трудно было достать. Все заполняли собой буржуазные газеты. Царил капитал. Где же было бороться с ним маленьким большевистским газетам, выпускаемым сравнительно в очень небольшом количестве.

Как „политический освобожденный“ я заходил в помещение общества помощи каторжанам и ссыльным. Тюремные годы до известной степени связывали представителей различных социалистических течений в одно целое против тюремной администрации. Там образовался своего рода

клуб, в котором постоянно толпилось много народу. Устраивались митинги. В атмосфере общего радостного нервного возбуждения по случаю освобождения из кутузок всякого рода—уже проскальзывали нотки противоречий, критики, чувствовались расхождения. Они все более и более определялись и укреплялись и было жаль, что те, кто когда-то боролся с самодержавием и пробыл долгие годы в каторге, тюрьме, ссылке, начинают расходиться в разные стороны, не понимают друг друга. Та спайка, которая в тюрьмах объединяет всех и с.-р., и с.-д. большевиков, и меньшевиков—начинала слабеть. И хотелось, чтобы также дружно все боролись за социализм, как боролись за лучший режим в тюрьмах. И жаль было расставаться с этой мечтой. А суровая действительность быстро выясняла полную невозможность ее. Помню, я на одном большом собрании каторжан и ссыльных произнес горячую речь в том смысле, что теперь в деле развития революции социалисты всех оттенков должны забыть разногласия и единым фронтом наиболее энергично осуществлять наши идеалы. Моя речь вызвала несколько кислых замечаний „бабушки" Брешковской, указывавшей, что как раз большевики являются непремиримыми. Но у нас таково было общее настроение, что моя мысль встретила общее сочувствие. И я даже при бурных аплодисментах расцеловался с нею и получил от нее ее портрет. Понемногу „политические" рассыпались, разъезжались по разным городам, втягивались в работу и „объединительное" настроение проходило. Его сменяла ожесточенная борьба партий, но долго еще оставались личные теплые отношения у тех, кто сидел долго вместе и выйдя на волю пошел по разным дорогам.

Вначале мая я как-то встретил Ведерникова. С ним мы познакомились в „коровниках", — Ярославской каторжной тюрьме и даже одно время жили в одной камере. Он рассказывал о том, что в Московской окружной организации мало работников и предложил мне сделаться агитатором окружного комитета. Я настолько очухался и освоился после тюремного заключения, что согласился. С 14 мая 1917 года я приступил к работе в Окружной организации. И Московский комитет, и Окружной, и Областное бюро по занимаемым ими помещениям, по характеру работы очень сильно напоминали нелегальные организации. Они только вылезли из подполья,

но продолжали сохранять свой прежний характер. Секретари и технические работники сидели в своих комнатах за столами, здесь же лежали небольшие кучки свеже испеченных брошюр для продажи. Постоянно приходили партийные товарищи для того, чтобы переговорить о делах. Главной темой разговора было устройство митингов. Время от времени собирались агитаторы (они же вели и организационную работу) и представители уездов. На заседаниях бюро и комитета они присутствовали всегда. Эти заседания были немногочисленны и обыкновенно состояли из 10—15 человек, не больше. Работа заключалась в устройстве митингов в уездах по фабрикам и заводам, организации ячеек, издании листовок и продаже брошюр. Секретарем окружного комитета была Надежда Николаевна Колесникова. Центральными активными работниками: В. И. Соловьев, Н. И. Овсянников, Н. Л. Мещеряков, Ведерников, Зевин, я, Смирнов. Техниками были Анна Георгиева, юноша 16 — 17 лет, Дугачев, и Николаев. На местах существовали небольшие группы и отдельные партийные товарищи, окруженные сочувствующими. Никакой оформленности организаций на местах не было.

В партийную организацию записывались совершенно свободно. На Глуховской мануфактуре в Богородске, наприм. в большевистскую организацию записалось много старух. Такова была атмосфера, таково общее возбуждение, что в организацию стремились сотни и тысячи и готовы были считать себя членами партии, хотя бы они совсем ничего не знали о партийной программе и тактике. На Глуховской фабрике в организацию записалось чуть ли не 3000 человек. На митинги массы рабочие валили валом. Тысячные митинги были обычным делом. Горячие речи масса слушала с упоением. Она впитывала в себя революцию, отходила душой от мороза самодержавно-буржуазного гнета. Темная масса горела желанием узнать, что делается в Москве, в Петрограде, что будет с войной, разобраться во всем происходящем. Она кипела жаждой активной борьбы. Она выделяла десятки и сотни даровитых самотверженных борцов. Отовсюду, со всех фабрик и заводов, тянулась они к партии.

Массам рабочих пришлось столкнуться с различными освещениями событий представителями различных партий.

В недоумении останавливались они: где же правда? И мучительно работала мысль. Борьба велась между двумя течениями: большевистским и меншевистско-эс-эровским. Ясная логика большевиков, их революционность в вопросе о войне и мире, о земле, о фабрикантах и заводчиках неудержимо притягивали рабочих. Эти мысли и чувства сходились с нутром рабочего. На другом полюсе стояли меньшевики и соц.-рев. Они были во Временном Правительстве, на их стороне была государственная власть. Они толковали и защищали все мероприятия Правительства, а большевики их критиковали. И многие рабочие недоумевали. Чем же плоха та власть, которая сменила царя, которая дала „свободу“. А тут поползла грязная клевета: большевики—предатели. Они действуют на руку немцам. Эта клевета гармонировала с неизжитым патриотизмом и заставляла иногда с недоверием относиться к большевикам. В особенности это встречалось в тех местах, где во время революции оказались меньшевики и соц.-рев., которые сразу же бросились в массовую работу и приучили массу видеть в них „своих“, там же, где, наоборот, было больше большевиков, неохотно слушали их противников. Ряд фабрик и заводов сразу же стал цитаделями большевизма. Проводник, Орехово-Зуевская мануфактура, Богородско-Глуховская мануфактура и т. д. И в других уездах, где были большие фабрики и заводы, преобладание было, бесспорно, большевиков. Только в Волоколамске, Коломне и отчасти в Серпухове чувствовалось иногда преобладание, во всяком случае сильное влияние с.-р. и меньшевиков. Борьба за влияние велась на митингах и в Советах, на пленумах и в Исполкомах. В самой Москве Губернский Совет был очень слаб. Он еще не успел объединить в себе все центральные губернские организации: земство, губ. инспекцию и пр. Окружной комитет уделял мало внимания его работе и занимался преимущественно завоеванием и укреплением мест. Губернский Совет находился не в руках большевиков. И только к концу лета влияние в нем большевиков стало преобладающим. Влияние губ. Совета на места, на уездные советы, было очень слабым. Места жили своею жизнью, чутко прислушиваясь к тому, что делалось в Москве и Петрограде. Масса медленно проникалась в своей толще революционным сознанием, смелела, организо-

валась около большевистских групп. Борьба велась в Советах. Советы рабочих депутатов везде были большевистские, солдатских-меньшевистские и крестьянских - эсэровские. Первыми были завоеваны солдатские советы.

Борьба на митингах, пленумах, секциях и исполкомах советов, и фабрично-заводских комитетах, борьба с саботажем хозяев и фабрично-заводской администрации продолжалась все с большим и большим успехом в течение всего 1917 г. Никакого сопротивления революции ни февральской, ни октябрьской не было в Моск. губернии. Только в 1918 уже году были попытки выступления против советской власти: сожжение здания Совета и убийство членов исполкома в Павловом Посаде, убийство членов Исполкома в Звенигороде, выступление кулацких элементов в Волоколамске и торговых элементов в Клину.

Для характеристики настроения наиболее темных рабочих в мае—июне 1917 года могут служить следующие факты. На одном из митингов пред воротами фабрики в Наро-Фоминской собралось до 3000 народу. Местный житель, с.-р., стал говорить на тему, что большевики предатели, Ленин немецкий шпик. Мне с трудом дали говорить. И после митинга, когда я шел среди расходящейся толпы, послышались возгласы: не приезжай больше к нам. А когда я вскоре вновь приехал, то узнававшие меня противники из рабочих говорили: ты опять приехал, уходи подобру поздорову. Но я не уходил, а приезжал снова. И небольшая группа рабочих, на которых я опирался, упорно вела свою линию иногда против огромного большинства. Но жизнь была за нас. Логика революционной мысли задевала души за самое живое место и оставляла там занозу. И понемногу сочувствие росло и скоро трудно стало говорить меньшевикам и соц.-рев. Их не желали слушать, им не верили.

На Яхромской фабрике толпа рабочих в несколько тысяч человек не вместилась в здание театра и сгрудилась у входа. Шум, крик—тащи большевика топить в речку.! Шум, не дают говорить. Сижу на сцене у рампы на стуле и смеюсь. Члены фабзавкома говорят, что ничего не выйдет, не дадут говорить.—Дадут, пусть покричат, устанут. Через час при полной тишине говорю. Вы слыхали о бабе-яге. Ею в де-

ревнях пугают детей. Вот перед вами баба-яга—большевик. Смех, полуторачасовая речь, аплодисменты и полный перелом настроения.

На станции Затишье на строющемся заводе Электросталь чуть—чуть не убили двух работников Богородской организации: Гришу Беленького и Васю. Их уже начали бить. Не подоспей из Богородска отряд казаков и все было бы кончено. На фабрике Кузнецова подговоренная управляющим кучка служащих и рабочих с палками рвалась избить автора этой статьи. Милиция выручила. Во всех этих случаях отдельные лица фабрично-заводской администрации, прислужники хозяев, да иногда соц.-рев. натравливали малосознательную массу на большевиков. Шипели они по углам, подговаривали, клеветали и все более и более проваливались по мере роста революционного сознания. Уезды жили своею жизнью. Строили организацию, боролись с соц.-револ. и меньшевиками, завоевывали Советы. Окружной Комитет был только руководящим и информирующим центром. На его заседаниях представители уездов ориентировались в текущем моменте, обсуждали организационные вопросы. Окружной комитет обслуживал докладчиками уезды, снабжал литературой, но переброской сил он почти совсем не занимался. Только посылал в районы навертывающихся работников. Непосредственное руководство в организационной работе, в особенности влияние на подбор работников в Исполкомы Советов, профсоюзы и райкомы было совсем ничтожным. К осени т. Колесникова и т. Земин выбыли из окружной организации. Появился ряд новых работников. Т. Тимофей Иванов, Блинов, Ис. Миньков, Бобровская, из ячейки ф-ки Проводник т. Сапронов и Барышников из Орехово-Зуева.

В выборе демократических земских собраний и Городских Дум большевики приняли деятельное участие и одержали большие успехи. В ряде уездов они составили самые сильные фракции: Орехово, Богородск и др. Предвыборная кампания была очень оживленной: боролись на митингах, предвыборных собраниях все партии, начиная от правых (к. д. и правее) и кончая социалистами всех оттенков. Большевики в общем всюду выходили победителями. В городских Думах и земских собраниях возникло новое поле борьбы. А в это время уездные советы крепли и организовывались. Если

июльские дни сказались в усилении травли большевиков, то октябрьская революция не встретила никакого сопротивления. Население уездов или плохо знало, что происходит, или сочувствовало революции. А некоторые советы и парткомитеты фаб.: Проводник, Орехово-Зуево и др. отправили в Москву на помощь целые отряды. Советы к октябрю уже всюду были в руках большевиков. Октябрь победил в Москве. Рабочие перешли в дальнейшее наступление. С конца года начался роспуск и захват земств и городских дум. Везде они проходили гладко. Слезливо плакались с.-р. и меньшевики, но выступать против не смели. К концу 1917 года в исполнительных комитетах уездных советов большевики безраздельно царили. Губисполком стал вполне большевистским. Окружной комитет окреп, непосредственное влияние его на уездные комитеты и организации значительно усилилось. Меньшевики и эс-эры потеряли почти все свое прежнее влияние. Связи с Московским комитетом были очень слабы. Каждая организация, и городская, и губернская жили своею особой жизнью, были всецело поглощены своими делами. Связь была по большей части персональная.

Год революции дал большие результаты, всколыхнул до самой глубины рабоче-крестьянскую массу: она приучилась видеть в большевиках свой передовой авангард. Окрепла связь губ. центра с уездами. Наступила эпоха упорной обороны республики от наступления мировой и русской буржуазии и советского строительства. И в этой борьбе рабочие Московской губернии оказались на высоте своего положения.

Полидоров.

ЛЮБЕРЦЫ В ФЕВРАЛЕ.

I.

Недалеко от Москвы затерялось небольшое, крестьянское, полуторговое село Люберцы. Под'езжая к нему, вы не обратили бы на него никакого внимания, но ваш взгляд невольно останавливается на огромных, красных корпусах, раскинувшихся у подножия села.

Это Люберецкий завод.

В нем тысячи рабочих, пришедших с широких степей Тамбова, с безземельных краев Тулы и Рязани—день за днем тянут тяжелую, нудную жизнь, готовя сельско-хозяйственные машины для крестьян.

Машины для крестьян?—невольно лезла мысль в голову туляка, работающего на заводе, а почему, я, крестьянин, сын российских полей, вырабатывая эти машины не могу их иметь?

—Напрасная мечта!

Власть у царя и помещиков, а мы..... мы порабощены!

— Нет, этого не должно быть! думали на заводе. И люберецкие рабочие это исполняли на деле. Они как дети пролетарской семьи, во все времена рабочего движения высоко держали рабочее знамя и спускали его лишь тогда, когда силы их истощались, когда сатрапы самодержавия, как шакалы рыскали по заводу, и, вырывая передовых борцов, этим не на долго ослабляли революционную борьбу.

Но Люберецкий пролетариат знает и лучшие дни.

Он знает первые зори рассвета 1905 года, принимает самое активное участие во всем революционном движении, оживает от долгой спячки, в которую вогнало рабочий класс самодержавие, растет, становится великим, но........ он одинок.

его не поддержали ни солдаты, ни крестьяне и для него настали черные дни, дни ужасов и кошмара.

Жутко становится, когда слушаешь рассказы участников, переживших кровавую эпопею декабрьских дней и ясно представляешь себе картину.

Вот, как стрела мчится из Москвы поезд и сразу останавливается на станции.

На платформу из вагонов выбегают сотни молодых, здоровых, в коротких куртках мужчин—это дружинники.

Они прямо с баррикадных боев. Их лица черны от пороха, они полны боевого задора и готовы, кажется, снова ринуться в бой, но.... истощились рабочие боевые батальоны и им пришлось последним оставить баррикады на Пресне и отступить.

Их по пятам преследуют царские ищейки во главе с полковником Мином, но они спаслись, и теперь, собравшись на станции Люберцы спокойно обсуждают, что делать дальше.

Вот с поезда соскакивает машинист и быстро направляется к собравшимся на перроне.

Ну, товарищи!—говорит он—теперь мы спасены! Пред нами было два исхода: или помереть от рук царских палачей, или быть похороненными под обломками разбитых вагонов. Мы избрали последнее, чтобы не попасться в руки врага, а умереть героями. Я свой долг совершил.

Я заставил машину развить наибольшую скорость, мы летели как молния и остались живы и здоровы, а теперь с верой и надеждой в будущее рассыпимся во все уголки, чтобы встретится вновь, когда наступит рассвет.

Ну прощайте! Счастливый путь!

Они ушли. Ушли спасенными красным машинистом Ухтомским, который подчинил себе железного коня и взнуздав его заставил довести остатки сил боевого авангарда, которые еще нужны были для будущего.

А сам он остался в Люберцах.

Для чего? Дороги ли были ему дети, семья или он думал еще померяться силами с врагом? Ничего неизвестно.

Но известно стало лишь то, что приехавший на станцию Люберцы карательный отряд полковника Римана первым долгом стал искать машиниста Ухтомского.

Его нашли. Нашли и много других при помощи старосты села Люберцы Ильи Захарова (который расстрелян за это предательство Чрезвычайной Комиссией Москов. Каз. ж. д. в 1918 г.).

Тов. Ухтомский и много других товарищей было расстрелено и замучено полковником Риманом в те памятные, кровавые дни.

Рабочие это видели, и не только видели, но и сами пережили весь ужас реакции.

Никогда не мог пролетариат простить самодержавию и его палачам 1905 г. и Люберецкой карательной экспедиции. Он, затаив месть, готовился к отомщению, а также постепенно подготовлял к этому и подростающую молодежь.

А молодежь, слушая рассказы о геройстве рабочих борцов, ждала лишь дня, когда можно будет свести счеты с теми, кто бесконечно много создал страданий рабочему классу, и этот день пришел.

II

Только что забрезжило зимнее утро и в предрассветном морозном тумане резко выделились контуры завода.

Из узких переулков рабочего поселка длинной лентой потянулись рабочие и, ежась от холода и кутаясь в свои рабочие костюмы, один за другим скрывались в воротах завода.

Вот протяжно и гулко прогудел последний призывной гудок.

Зачокали газогенераторы, завертелись шкивы, запрыгали длинные ремни и завод ожил.

Завод ожил той особенной жизнью, которую может понять только рабочий, живущий его шумом, грохотом машин, непрерывном визгом железа и стали и шипением ослепительной, огненной, чугунной лавы. Среди этого непрерывного гула и стона железа—заглушающим живую человеческую речь и делающим человека автоматом—ковалась мысль и идея о светлом будущем, об обладании всем богатством, созданном в этих огромных заводах, на широких равнинах российских степей и сцементированных потом и кровью трудящихся. Это мысль, как огненная лава, сверлила мозги рабочих, она перерождала миросозерцание и психологию,

она выводила из пассивного оцепения, в которое стремилась ввести трудящихся буржуазия, она оживляла, делала устойчивыми, чуткими, заставляла смотреть на жизнь открытым взглядом во всем величии человека и принуждала выковывать то оружие, которым нужно было сразить всех создавших кабалу и цепи для народа.

Нужно было только время, чтобы так мыслил не отдельный рабочий, а весь рабочий класс и все трудящиеся. И это время пришло. Мысль сделала свое дело, а что не сумела доделать она, это доделали самодержавие и буржуазия, создавшие мировую бойню, а окончательно докончили старые кроты-революционеры, спрятавшиеся с пятого года в норах—корпусах и ежедневно подкапывавшиеся под самодержавно-буржуазный фундамент.

В это историческое утро завод особенно был беспокоен. У рабочих тисков и станков то и дело собирались группы рабочих и, побеседовав две-три минуты, расходились по огромным корпусам завода.

Я только что поступил на этот завод—и рабочих знал очень мало, связей прочных с ними не имел, а потому, видя особенное настроение и волнение рабочих, весь горел любопытством узнать о случившимся. А что нибудь случилось—это легко можно было заключить и догадаться, так как обычно рабочие перед стачкой или каким либо другим событием всегда волнуются, как пчелы в потревоженном улье. Так было в этот день—28 февраля 1917 г.

Я не выдерживаю и иду в уборную узнать новости, где обычно рабочие вели пропаганду на фабриках и заводах во время самодержавия.

Ко мне подходит один из рабочих и, желая, повидимому, поделится новостями, задает мне вопрос:

—Ты слышал? Нет?—как ты не слыхал?—когда уже весь завод знает!—В Петрограде переворот!—таинственно сообщает он мне на ухо.—Уже создано временное правительство!

Я спокойно выслушал сообщение, как-будто не придав особенного значения, а между прочим во мне клокотало невероятное чувство, которое я не мог ясно определить. Это радость от самого сознания, что приближается долгожданный рассвет, что кончилось кошмарное время и хоте-

лось думать, что это не только простая министерская борьба, к которой нужно относиться очень осторожно в силу опыта, приобретенного в 1905 году, хотелось верить, что это революция. Между прочим все было загадочно, узнать фактически случившееся не представлялось возможным.— Газет не было, а слухам или рассказам верить было нельзя.

Я спешу в контору, достаю газету и жадно глотаю строку за строкою, в которых говорится о совершившихся событиях.

Все ясно. Тот день, которого так долго ждал рабочий класс, котораго ждали все старые борцы и революционеры, разбредшиеся по широкой Руси—настал.

Теперь нужно было действовать, нужно собирать свои силы и создавать рабочую организацию, чтобы противопоставить другому движению, в особенности черносотенно-буржуазному.

Рабочий класс небесполезно провел тяжелое время реакции—он сумел выкристаллизировать из своей среды своих стойких и энергичных борцов, так было и на Люберецком заводе в этот момент.

Едва политические события распространились среди рабочих, как т. Балмасов, Калинин и Федулов, остановив мастерские, во главе с тысячной массой рабочих, с развивающимся красным флагом вышли из завода.

—Товарищи! Теперь свобода! Самодержавие рухнуло и трон свалился в пропасть. Не знаю как развернется движение, но независимо от этого, наша задача, как передового авангарда революции, постараться овладеть аппаратом власти и разоружить ее верных слуг, жандармерию и полицию.— Так говорил тов. Федулов, призывая рабочих к борьбе.

—Вступая в революционную борьбу, нам приходится оглянуться и назад и вспомнить тех, кто проложил нам эту дорогу.

Вспомнить тов. Ухтомского, Смирнова, Киселева, замученных царскими сатрапами.

—На могилы! На кладбище!—раздался тысячеустный крик. Шапки долой! Запевайте вечную память!

Ве...е...е...чная па...а...мять!

Раздалось многоголосное пение гражданской панихиды о тех, кто мужественно боролся в пятом году и лег костьми, оставив нам свои заветы.

Как один обнажили лохматые головы—и все рабочие, захваченные пением, сильным воодушевлением и под'емом отдались революционному экстазу.

И с неумолкаемым пением „Марсельезы", „Вы жертвою пали", заполонив собою огромную и широкую улицу (Люберцы)—рабочие направились на могилу тов. Ухтомского.

—Клянемся на этой могиле отомстить царским палачам, замучивших вас!—говорит тов. Виктор.

—Клянемся!!! Долой буржуазию!!!—раздается не крик—нет!—раздается вековой стон, вырвавшийся из грудей рабочих и трудящихся.

—Пропустите, пропустите!

Толпа раздвигается и к могиле вся в слезах приближается женщина.

—Это жена товарища Киселева, расстреленного Риманом. Она вся в слезах и от волнения не может сказать ни одного слова.

Ей хочется сказать спасибо.... спасибо.... пришедшим на эту дорогую ей могилу, хочется выразить много, много, но... слезы заполняют глаза и спазмы сжимают горло.

—Не надо, не надо, товарищ!—это наш долг, долг людей за интересы которых пострадали здесь лежащие—говорит тов. Виктор, успокаивая вдову и труженицу.

Отдав последнее прости убитым—рабочие тронулись обратно и, разоружив по пути жандармерию, полицию и вооружившись этим же оружием, направились на Старо-Горкинскую и Раменскую фабрики, на более отсталые в революционном движении, чтобы снять работавших там рабочих и привлечь их к общему движению.

Прошло два дня. Рабочие, собравшись на первое многолюдное собрание, выбрали Комитет из 7 лиц и вручили ему всю полноту власти. Последний распорядился арестовать всех жандармов и полицию и направить их в Москву; сорганизовал в 35—40 человек милицию исключительно из рабочих, которые распространили административное управление почти на весь Ухтомский район.

По прошествии первого революционного экстаза и согласно обращения революционного Комитета, рабочие на шестой день революции приступили к работам.

Но к работам приступили с неохотой, так как не было уверенности в окончательных достижениях рабочим классом; кроме того внушало сомнение и рабочим и старым революционерам Временное правительство с Милюковым и его стремление посадить на престол вместо царя Николая—Михаила.

Но, так или иначе, необходимость заставляла перейти к нормальным условиям жизни, а в ее движении начать глубокую работу в подведении итогов, а также оформление и введение в жизнь тех задач, которые вкладывали рабочие и политические партии в борьбу с буржуазией и самодержавием.

Рабочее движение в России, как в 1905 году, так и в последующие годы, в виду тяжести самодержавно-монархического аппарата и гонений на рабочий класс, всегда опиралось на одиночек рабочих, осознавших свои классовые интересы и вступивших в политические организации, или отдельных рабочих, разделявших политическую программу, а, следовательно, и бравших на себя всю работу по подготовке и осуществлению программных требований и задач.

Так было и на Люберецком заводе.

Не успели пройти первые возбуждения и улечься революционные страсти, а уже нами назначается организационное собрание Рос. Соц. Дем. раб. партии (большевиков) для ознакомления рабочих с программой партии, ее тактикой, взглядом на аграрный вопрос — в противовес социалистам революционерам, а также и о различии тактики с.-д. (меньшевиков).

Я как сейчас помню вечер 8-го марта.

Темная и тесная комната штаб квартиры полна табачного дыма. Едва мерцающий свет лампы бросает свои блики на два—три десятка рабочих, расположившихся в различных позах и положениях. Это первое организационное собрание большевиков.

Ночь. Некоторые, уставши за день, начинают дремать, да и об'яснение программы партии, которую мне пришлось читать, многим кажется непонятным и тяжелым, а потому соб-

рание проходит без особенного под‘ема, но все же ячейка была заложена, мысль отдельных рабочих взбудоражена и можно было надеяться на вхождение некоторых рабочих в партию. В этот же вечер была избрана, а вернее всего нам самим пришлось об‘явить и предложить инициативную группу, на которую возложена была организация партии и вербовка членов.

С этих же дней началась вестись и запись в члены Профессионального Союза Металлистов, которую мне пришлось провести почти одному, так как из инициативной группы, кроме тов. Федулова С. И., остальные члены как тов. Болмасов Я. А., так и В. И. Монин были с очень малым практическим и политическим стажем.

Нужно заметить, что параллельно организации большевиков, как тогда называли нас (С.Д.-Б.), одновременно начала организовываться и партия Соц. Революционеров. Среди них оказались тоже, если не фактически членами, то очень разделявшие ее программу, а потому естественно между нами началось партийное соревнование. Как на первых общих собраниях, так и по заводу между нами шла словесная борьба, сводящаяся к желанию завоевать симпатии рабочих и склонить их голосовать за наши резолюции и вступать в члены нашей партии.

Доступ в партию почти был открытым, но мы все же, на основе прежней практики, принимали только по рекомендации кого либо из записавшихся, более всего из популярных членов в данный момент. Что же касается вербовки членов С.-Р-ами, то в виду отсутствия у них старых членов в комитете, новые члены его принимали на основе следующего принципа.

—Ты крестьянин?—спрашивают члены комитета кого—либо, работающего на заводе.

—Крестьянин!—отвечает спрашиваемый.

—Земли хочешь?

—Хочу!

—Ну тогда вступай к нам в партию.

—А мне кажется, что я больше к большевикам подхожу?—ответит иной рабочий.

—Ну что же иди! но ты не получишь тогда земли.

Характерно, что С.-Р. ни разу не прочли своей программы, ни разу не раз'яснили ее рабочим, и всю работу вели как то стихийно и шаблонно.

Если по какому либо вопросу мы собираем свое собрание, то и они делали тоже; если мы привозили литературу, то напротив нашей продажи и они устраивались со своей, если мы предлагали на общем собрании рабочих свою резолюцию, то они тоже выдвигали свою.

Такая тактика, ярко бросавшаяся многим в глаза резко изменила к С. Р. отношение и мы начали не только завоевывать симпатию, но и доминировать над положением, несмотря на то, что у С.-Р. насчитывалось около 350 членов, а у нас большевиков около 200 человек из общего количества рабочих в 1200 человек.

Но чем дальше, тем борьба начинала между нами обостряться сильнее. Свои силы были нами почти использованы, масса усвоила основные принципы расхождения, а потому естественно требовала более глубокого рассмотрения волнующих вопросов революционного движения.

Мы начали поэтому устраивать чтение лекций и приглашать лекторов из Окружного Комитета для освещения животрепещущих вопросов.

Эти лекционные собрания почти всегда превращались в диспуты, так как С.-Р. обычно на эти же дни приглашали своих членов из Москвы и между нами шли партийные сражения.

Особенно ярко запечатлелось у меня одно из таких собраний.

Мы назначили лекцию о тек. моменте тов. Овсянникова Н. Н., а С.-Р. назначили почти такую же лекцию профессора—богослова Гавронского. Нам не хотелось оставить рабочих без лектора, но вместе с тем не хотелось и оставить Гавронского овладеть аудиторией, и хотелось сразить его на этом словесном поле борьбы.

Николай Николаевич сразу решает вопрос: ты иди сражаться с Гавронским, говорит он мне, а я буду читать лекцию рабочим, но постараюсь кончить пораньше и поспеть к вам.

Меня обуял ужас. Пойти возражать Гавронскому, профессору—богослову, вооруженному с ног до головы науч-

ными обоснованиями—мне, рабочему, не получившему почти никакого образования—казалось невероятным и невозможным.

Перед мною встал вопрос: а если он посадит меня в „калошу"? Ну тогда пропало все: пропала наша организация, да и я потеряю всякий авторитет в массе.

Но выхода не было,—нужно было итти.

Кончил Гавронский свою речь—как выражение сочувствия—раздался гром аплодисментов.

Ну, думаю, пропало мое дело.

Иду на трибуну, набираюсь смелости и развязности и начинаю критиковать речь профессора. Гавронский начинает волноваться, вставлять реплики, возмущается отдельными фразами—ну, думаю, дело не совсем проиграно, если профессор волнуется. Кончаю речь—аплодисментов еще более.— Здесь я вздохнул и воссиял—мы победили. К счастью, подоспел и тов. Овсянников, который не остался в долгу и тоже отчитал по своему богослова. Характерно, что в этот день мы выдержали не одну битву, а две, и в обеих одержали победу.

Оказывается, что на эти же собрания, из каких-то краев (конечно, из М. К. меньшевиков) приехал и меньшевик Лейкин. Никто его не приглашал, меньшевиков у нас с первых же дней абсолютно не было, а потому его появление тем более нас удивило.

Но тем не менее мы допустили его к партийному турниру и пожелали видеть и слышать, какое впечатление произведет на рабочих появление в наших краях меньшевиков. Нужно сказать, что Лейкин своей драматической фигурой и своей напыщенной с пафосом речью не только не привлек рабочих, а скорее развлек их. И его положение действительно было из неважных, ему пришлось критиковать эсэров, а также поругивать и нас, болшевиков, а потому он очутился в положении лайки, огрызающейся направо и налево.

Этим лишь и ограничилось участие меньшевиков на нашем заводе. Но случай столкнул еще раз нас с Лейкиным.

Наша организация Люберецкого завода распространяла свое действие и влияние также и на две находящихся

около нас фабрики: это Раменская и Старо-Горкинская мануфактуры.

Мы с тов. Большаковым В. С, решили поехать на Раменскую фабр. и создать там нашу организацию. Приезжаем туда к двум агентам большевиков тов. Карпухину Ф. Ф. и Головкину и просим их собрать сочувствующих большевикам, а также и всех желающих вступить в организацию, а сами направляемся в одну из чайных напиться чаю и обсудить положение.

Чайная постепенно начала наполняться рабочими. Приходит т. Карпухин и предлагает нам приступить к открытию собрания для доклада о партии большевиков и ее организации. Только—что я открыл собрание, на которое меня выбрали председателем, а тов. Большаков хотел начать свой доклад, как откуда-то появляется Лейкин и просит дать ему слово для доклада о партии меньшевиков.

Мы были удивлены. Какая наглость, ворваться на организованное нами собрание и на нем стараться организовать свою ячейку.

—Тов. Лейкин!—это недобросовестно, нечестно! начали мы усовещевать его.

Вам нужно организовать ячейку?—то, пожалуйста, идите, собирайте и организуйте!—но нам не мешайте!..

Но не тут-то было! Лейкин, видимо, окончательно решил или помешать нам, или воспользоваться нашей подготовкой к организации и из чайной не выходил.

Тогда мы решили выйти и, найдя другую квартиру, предложить рабочим, которые сочувствуют большевикам, пойти с нами, а сочувствующим меньшевикам—остаться с Лейкиным.

Мы ушли. В чайной осталось пять—шесть человек. Это, видимо, не удовлетворило Лейкина и он снова поплелся с нами, но так как мы пошли уже на частную квартиру, то туда проникнуть Лейкину не пришлось. Но этим эта история еще не окончилась. Сорганизовав ячейку большевиков в 16 человек и желая использовать свой приезд, так как день был праздничный, мы предлагаем т. Карпухину собрать общее собрание рабочих.

Лейкин тут как тут и настаивает на своем выступлении на общем собрании рабочих.

Мы соглашаемся и заранее распределяем порядок выступлений.

Лейкин просит дать слово ему первому, думая, что он сразу может захватить аудиторию рабочих, а мы не возражая против этого полагаем, что последним нам лучше придется разбить доводы и остаться победителями.

Приходим на собрание. Театр набит до предельной возможности рабочими; партер, амфитеатр и ярус жужжат, как пчелы перед роем. У нас с тов. Большаковым волнующее настроение. Одержим ли победу на многолюдном, пятитысячном собрании и завербуем ли симпатию Раменских рабочих. В то время среди рабочих наблюдалось настроение не в пользу большевиков, вместе с тем чувствовалось широкое проникновение лозунга: „Война до победного конца".

Вот выступает Лейкин—никакого впечатления. Он не захватил массу, не сумел к ней подойти, не мог последовательно развить тему, а своим интеллигентным оборотом речи, создал скорее отрицательное впечатление.

Порядковая очередь была моя.

Какую, думаю, взять тему? Взять о текущем моменте?—Будет говорить Большаков, да и Лейкин порядочно на ней останавливался: дай, думаю, возьму из нашей рабочей жизни. Когда-то и я был ткачем, а аудитория исключительно из текстильщиков, поэтому будет, пожалуй, ближе и психологии и пониманию.

Выступаю. Переношусь в историю жизни ткачей и прядильщиков восьмидесятых и девятидесятых годов, описываю ужасы и страдания людей, вся вина которых состоит лишь в том, что они родились не в роскошных дворцах, а в бедных покосившихся избенках, и сравниваю с тем, что достигнуто в борьбе рабочим классом за это время и, что должно быть создано в конечных целях, если власть будет находиться в руках трудящихся.

Вся аудитория превратилась в гробовое молчание, все затихло, замерло—я даже удивился такому вниманию многотысячной массы.

Вдруг!—среди собрания начинаются всхлипывания, а потом раздаются рыдания.—Это плачут старухи и утирают скатившиеся слезинки ветераны старики фабрики, сгорбив-

шиеся под тяжестью труда и времени у своих станков. Верно всколыхнул старые воспоминания тяжелых переживаний.

Я кончил.—Зал дрожит от рукоплесканий. Ну, думаю, теперь мы оставим здесь верную армию большевикам и заложим крепкий фундамент нашей партии.

Тов. Большаков обрушился на правительство Керенского, на его спутников—мелкобуржуазные партии С. Р. и меньшевиков и так наэлектризовал рабочих, что по окончании его речи, находившиеся на трибуне рабочие схватили его и меня, а за компанию и Лейкина, и начинают нас качать.

—Чорт возьми!—говорит мне тов. Большаков своим охриплым голосом—А за что же Лейкину честь такая?—Его бы не следует!

Мы победили. Заложенной нами ячейке стало легче работать и масса совершенно переменила свой взгляд на большевиков.

До нашего приезда, рабочие, наслышавшись обывательских слухов и рассказов, представляли большевиков ничем иным, как бесшабашными „сорви голова", продажными негодяями и мерзавцами, игравшими в руки наших врагов, а каких—они не представляли себе ясно, а потому у них и складывалось такое представление.

После данного собрания раменские рабочие не раз обращались к нам в Люберецкий Комитет, за помощью. А эта помощь была нужна, так как хозяин Раменской Мануфактуры Милютин уже к концу марта назначил к расчету около 500 рабочих.

Мы с тов. Большаковым, заручившись мандатами на всякий случай от Окружного Комитета—вместе с Фабричным Комитетом явились защитниками интересов рабочих и требовали, чтобы ни один рабочий расчитан не был.

После двухдневного по этому поводу разговора с фабричной администрацией—нам удалось почти отстоять вопрос о не расчете рабочих. Рабочие во все время наших переговоров были в сильном волнении, ожидая результатов создавшегося положения.

Мы, наконец, им сообщили, что переговоры кончены, а потому можем сообщить и о результатах.

Собралось такое огромное количество рабочих, что театр, вмещающий около 2000—3000, не мог поместить всех желающих и нам пришлось устроить митинг на воле.

Тов. Большаков, в виду отсутствия удобного места для трибуны, залезает на огромный тополь и оттуда приспособляется произнести речь. Я делаю то-же самое и, примостившись кое как, дожидаюсь своей очереди. Тов. Большаков кончает свое сообщение о благоприятных результатах и переговорах—рабочие в восторге шлют нам, находящимся на тополе, свою пролетарскую благодарность, выражая ее в аплодисментах.

Я воодушевляюсь и, желая рабочим указать, что все дело в организации и сплоченности, призываю вступать в профессиональные Союзы, и совершенно позабыв, что мы находимся на воздушной трибуне, так уперся на сук на котором мы стояли, что он у нас треснул. Мы повисли в воздухе, очутившись в трагическом и комическом положении.

Рабочие прыснули от смеха. И лишь благодаря тому, что мы держались руками за сучья, мы кое-как выбрались из неприятного положения.

Но выйдя из своего неловкого положения и снова устроившись, мы благополучно окончили митинг и навсегда закрепили за большевиками положение.

Движение шло своим чередом. Наша партия укреплялась все более и более.

Душою всех движений того времени и застрельщиками всех событий являлись мы—большевики. Мы провели многотысячное шествие 12-го марта,—как праздник революции, а также готовились и к первому празднику 1-го мая. Этот день по своему историческому значению и исключительному положению пролетариата—в 1917 году был всеми действительно отпразднован так, как только может праздновать пролетариат.

Десятки развевающихся знамен, тысячи рабочих и крестьян слились с отрядами солдат старой армии и вместе составили огромное шествие. Тогда пролетариат праздновал свою первую весну, еще не омраченную тяжелым ходом революции, а потому он ликовал и радовался обласканный

солнечными майскими лучами, как освободившийся от долгой зимней спячки—самодержавия.

До майских дней наша работа сосредоточивалась исключительно на внутренней партийной организации и укреплении нашей программы и тактики, а также и на междупартийной борьбе.

Но после майских дней, наша работа стала принимать более государственно-политический характер.

Так, 25-го мая, на общем собрании рабочих мы провели своих кандидатов, а именно: тов. Монина В. П., Калугина А. В., Смильгина С. К. как большевиков в первый Исполком Московского уездного Совета рабочих депутатов, а вместе с ними тов. Бахарева и Московкина, хотя и официально числившихся в других партиях, но разделявших нашу тактику.

Эти выборы имели свое историческое значение в том, что тов. Монин, Калугин и др. вместе с тов Сапроновым, Лизаревым и Вебером (отцом) составили ударный кулак большевиков и все время доминировали в М. У. Сов. Раб. Депутатов, несмотря на то, что там меньшевиков и эс-эров было больше, чем большевиков.

После этой кампании момент выдвинул принять горячее участие в проведении выборов в волостную земскую управу.

Здесь работа была уже гораздо труднее, так как приходилось соприкасаться с крестьянской массой, с которой мы связаны были довольно слабо. Но вместе с тем мы разослали по всем деревням своих агитаторов, дали им директивы каким образом держаться с крестьянами по выборам и мы, нужно заметить, имели довольно большой успех.

Создать нам Волостную Земскую Люберецкую Управу из одних большевиков не удалось, но вместе с тем мы свой список провели целиком. Вместе с этим пришлось готовиться к выборам и в Московскую Земскую Управу.

Здесь борьба началась ожесточеннее.

Мелкобуржуазные политические партии на этих выборах развернули широко свою кампанию и всего в Уездную Управу было выставлено до 10 списков кандидатов различных партий и групп.

В тот момент главным образом борьба шла между двумя списками, списком — С.-Р., за которыми шли кулачье и зажиточное крестьянство совместно с мещанско-

обывательской, торгашеской публикой, а также частью и интеллигенции с ее попутчиками—приказчиками и служащими, и списком — большевиков, которые опирались целиком на рабочих и беднейшее крестьянство. Борьба шла самая ожесточенная, какая только может вестись на выборах при наличии сильного противника и желании его победить. Тем более, что эта борьба протекала в тот момент, когда шовинизм поддерживаемый С.-Р. и меньшевиками расцвел полностью, идеология масс была неустойчивой и склонялась большею частью к мелкобуржуазным партиям, а потому затрудняла нашу задачу. Но это-то и давало нам более энергии, смелости и задора выставлять противника во всем его политическом безобразии и изменческих действиях по отношению к пролетариату и революции.

Итоги были сверх всякого ожидания—и мы по своему политическому положению в Московской Уездной Земской Управе заняли второе место после С.-Рев.

На ряду с государственной работой на очереди встал момент борьбы с предпринимателями, фабрикантами и заводчиками.

На Люберецком заводе всегда шли недоразумения между рабочими и администрацией, а потому в момомент легкости и возможности этой борьбы, рабочие неоднократно волновались, пред'являя ряд требований.

Нам, большевикам, не хотелось эту борьбу делать разрозненной, а хотелось провести ее в общем профессиональном масштабе, тем более что у нас рабочие в большинстве состояли членами Проф-Союза Металлистов, а последним подготовлялся план всеобщей стачки города Москвы и губернии.

Наконец рабочие, разжигаемые С.-Р., кончили работу и пред'явили администрации требования. Нам и Заводскому Комитету пришлось помириться с фактом, а, следовательно, взять на себя и все руководство стачкой.

К счастью, на другой же день—это было 6-го июля—Союз Металлистов об'явил всеобщую стачку, пред'явив обществу фабрикантов и заводчиков общие профессиональные требования. Это облегчило нашу задачу в борьбе с администрацией завода, принадлежавшего Американской Компании, которая и слушать не хотела об удовлетворении требований без санкции общества фабрикантов и заводчиков.

Но к нашему неудовольствию эта профессиональная стачка была прекращена по решению Союза почти на второй день. Мы, большевики, очутились очень в пренеприятном положении в силу того, что рабочие не хотели по требованию Союза вставать на работу, не добившись всех требований, а между членами Заводского Комитета, по партийности разделявшимся на С.-Р. и большевиков, создались разногласия.

Я и тов. Балмасов Я. А. настаивали на подчинении профессиональной дисциплине, а остальные члены С.-Р. во главе с Калининым М. В. настаивали на продолжении стачки до полного удовлетворения.

Что делать?—задал я вопрос тов. Балмасову. Вести стачку в разрез с постановлением Союза до удовлетворения всех требований рабочих—является сомнительным и почти безрезультатным, так как администрация не удовлетворит их в силу своей заводской дисциплины впредь до окончания переговоров Союза Металлистов с Заводоуправлением; вести зная, что она провалится и этим вводить рабочих и в заблуждение и в материальные убытки—тем более недопустимо, преступно и идет вразрез с нашей тактикой.

Отказаться вести?—Значит заставить отвернуться от партии массу и поставить себя под удар меча—еще было тяжелее.

Положение было безвыходное, но мы остались при своем мнении и решили все же попытаться на общем собрании рабочих склонить последних к возобновлению работ.

Горячие лучи солнца так накалили воздух, что стоять не было возможности, но стоять приходилось, так как рабочими, собравшимися в огромном количестве обсуждался вопрос: начать работы или нет.

Масса обменивается мнениями, но общее настроение рабочих—не работать.

Калинин, как Председатель Комитета, разжигая страсти и играя на нервах рабочих заявляет:

—Не будь я Калинин, если не добьюсь всего.

Рабочие неистово аплодируют.

Мы с товарищем Балмасовым одиноки.

Он надеется на меня, а я на него.

Во мне происходит внутренняя борьба: плыть по течению—нельзя, итти против—потерять авторитет партии и свой. Но все же беру слово и предлагаю встать на работу во имя профессиональной дисциплины.

Долой!... раздается несколько недружных голосов по моему адресу.

Поднимите руки, кто желает встать на работу!—два, три десятка из тысячи собравшихся.

Все провалилось думаю я, но быстро меняя мнение, я соглашаюсь вести стачку, хотя знаю, что она и безрезультатна, но при условии, что вся вина при неудаче ляжет на тех, кто призывает к ее продолжению.

Около двух недель продолжалась стачка и нам не удалось вырвать ни одного требования, кроме того, что уже было согласовано Союзом Металлистов с обществом фабрикантов и заводчиков.

С этого момента рабочие абсолютно разочаровались в Соц. революционерах. Потерял всякий авторитет и Калинин и мы остались одни победителями на политическом горизонте.

Правда, нам еще много мешала сорганизовавшаяся небольшая группка анархистов, но мы не обращали на нее никакого внимания, так как члены ее Павловский и Фомин погрязли в беспросветном пьянстве, и в конце концов эта группа анархистов, сделав неудачный „экс“, была частью арестована, а частью разбежалась и этим кончилось ее бесцветное существование. Последующие политические развертывающиеся события протекали под нашим влиянием, в виду потери авторитета С.-Р.; а потому в день 3-го июля—неудачного стихийного движения большевиков в Петрограде и пущенной клеветы о нашей продажности Германии, в день 18-го июня—неудавшегося наступления войск, посланных Керенским в бой во имя Англо-французского капитала, в день 12-го августа, когда собралась черная стая воронов и стервятников, жаждавших растерзать трупы пролетариата и справить по нем тризну,—во все эти дни рабочие Люберецкого завода без возражений и с сильным под'емом выносили свои резолюции протеста против Правительства Керенского. Прошедшие грозы политической борьбы в конце

концов разразились сильной бурей — Корниловским восстанием. Рабочий класс окончательно убедился тогда, что пред ним стоит серьезная задача тяжелой борьбы с Керенским, все более и более клонившимся в сторону установления буржуазной республики.

Люберецкие рабочие почувствовали надвигающуюся опасность и как один откликнулись на наш призыв организации Красной Гвардии, в которую и вступило около 200 человек или около 15—20% всех рабочих.

У нас шла лихорадочная работа по обучению рабочих, упражнения с оружием, а вместе с тем шла и усиленная заготовка оружия. Начало октября нам приходилось работать в совершенно необычной обстановке.

Политические события, обостряясь все чаще и чаще, заставили нас и рабочих быть готовыми в каждый момент к отражению нападающего врага.

Начиналась предвыборная компания в Учредительное Собрание и мне, как члену Окружного Комитета, пришлось об'ехать много фабрик и заводов Московской губернии и везде констатировать, что пролетариат что-то ожидает и стоит на пути великих событий.

История не заставила долго ждать.

20-го октября Окружной Комитет выносит постановление, согласно решения Ц. К. (Больш.) взять власть в руки рабочих и крестьян, а 25-го октября уже на улицах Москвы гремят пушки, и гремят пулеметы.

Восстали юнкера и кадеты, верные слуги „социалистов“ и буржуазии, не желая подчиниться власти блузников и мужиков, полилась кровь трудящихся, заливая Московские мостовые. Но эта кровь переполнила чашу терпения трудящихся, переполнила море страданий прошлого и навсегда в своих волнах потопила российскую буржуазию.

25-го октября окончательно спала пелена тумана с горизонта и, в безбрежной синеве небес, показалось яркое солнце, осветившее поле, усеянное громадным количеством трупов погибших в борьбе с самодержавием и Временным правительством. Среди них можно было увидать труппы и Люберецких рабочих, как Ухтомского, Смирнова, Киселева,

Зубарева, Кириллова и Захарова, сраженных во имя интересов коммунизма, как в дни 1905 года, так и в дни Октября.

А среди этого мертвого царства, еще с неостывшими, дымящимися винтовками, стояли рабочие и крестьяне, охраняя крепость Советской республики и приветствуя восходящее солнце.

Солнце взошло. Это был октябрь.

И. Миритеев.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1.

МИЛИЦИЯ.

(Заседание МК 14 апреля 1917 г.)

Тов. Штернберг. К-т Об. О-ций реорганизует милицию, которая должна будет представлять из себя нечто вроде „Красной Гвардии". Это должно быть кадром народных войск. Надо, чтобы члены партии имели туда доступ и дали возможность попасть и другим товарищам. Вношу следующие предложения:

1. Вступать товарищам в Красную Гвардию.

2. Через Совет Р. Д. обратиться в К. О. О. с предложением, чтобы предпочтение отдавалось, если не членам партии, то рабочим.

3. Необходимо учреждать заводские дружины, которые явились бы как бы охранителями завода. Таким образом фабриканты должны были бы приобретать оружие.

4. Организовывать партийные дружины или стрелковые общества и принять все меры для приобретения оружия.

Тов. Голенко. Людей легко добыть, если понадобится, трудно найти оружие.

Тов. Штернберг. Часть оружия будет в руках товарищей, если они войдут в „Красную Гвардию".

Тов. Знаменский. В основание „Красной Гвардии" должны войти партийные дружины, а в милицию входить незачем.

Тов. Штернберг. Оружие не будет в наших руках, если мы не войдем туда. Вступив в „Красную Гвардию", мы приобретаем в руки оружие, пролетариат может стать ее ядром и при желании забрать все в свои руки.

Тов. Сибиряк. „Красная Гвардия" пусть существует сама по себе, а мы должны образовывать свои дружины. Предприниматели не дадут нам денег и от „Кр. Гвардии" мы не получим оружия, или получим очень мало. В 1906 г. у нас были партийные дружины, а оружие добывали.

Тов. Голенко. Фабриканты, конечно, не дадут денег на приобретение оружия. Купить его нельзя. Остается только взять его в „Кр. Гвардии".

Тов. Сибиряк. В 1906 —7 г.г. мы вывозили оружие изза границы. Теперь сделать это легче, были бы только деньги. А для этого надо распространять идею создания партийных дружин; энергично приняться за дело, иметь своих руководителей. Я только что из Богородска, там рабочие с удовольствием дают деньги на что нужно, и на оружие.

Тов. Штернберг. Оружие можно привезти из Японии или из Америки.

Тов. Ангарский. К-т О. О-ций решил организовать „Красную Гвардию". Но оружия, видимо, у них не будет доставать на всех, пользоваться им придется по очереди, и храниться оно будет у лиц, которым будут доверять.

Тов. Сибиряк. Руководство будет в руках буржуазии, оружия она не даст или даст очень мало. Чтобы не разбрасываться и не разбивать наши силы, надо целиком заняться созданием своих партийных дружин.

Тов. Ангарский. Нужно и то и другое. Надо организовывать свои дружины, но не разумно не входить в „Красную Гвардию".

Ставятся на голосование все предложения т. Штернберга и принимаются большинством всех против одного.

2.

МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ.

(Из Протокола Заседания Моск. Комитета в расширенном составе совместно с представителями районов 9 августа 1917 года).

От имени Ц. К. доклад делает т. Ногин.

Ц. К. решил в Совещание войти для прочтения своей декларации. Были заслушаны доклады с мест, из которых выяснилось, что демонстрация без разрешения Сов. Р. Д. не пройдет, но однодневная забастовка пройти может, тем более, что и Центр. Бюро Профсоюзов высказалось за однодневную забастовку.

Была принята следующая резолюция:

Межрайонное совещание признает необходимым в виде протеста против Моск. Совещания, призвать московский пролетариат к однодневной забастовке и в день совещания устроить в Москве ряд массовых митингов протеста.

В целях успешного проведения забастовки поручить представителям партии в предстоящих совещаниях Исп. К-тов районных советов Раб. Деп. и правлений профессиональных союзов настаивать на необходимости призывать от их имени к устройству однодневной забастовки трамвая, освещения, наборщиков буржуазных газет, служащих первоклассных ресторанов, а водопроводы и предприятия снабжения населения продовольствием не должны прекращать своих работ.

В случае, если правления професс. союзов не присоединятся к забастовке, собрание признает организацию таковой трудновыполнимой. В последнем случае собрание считает вынужденным ограничиться в день созыва Московского Совещания устройством целого ряда митингов протеста.

3.

ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ОТ 25-ГО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

Председатель—*тов. Влас.*

Порядок дня:

1. Боевой центр Совета.
2. Боевой центр Партии.
3. Отношение к Президиуму Совета.
4. Текущие дела.

1.

Боевой центр Совета.

Тов. Ярославский. Было делегатское собрание Военного Бюро и в центре приняли резолюцию: пятерка избирается на пропорц. основаниях от фабр.-заводск. комитетов и от ротных комитетов.

Тов. Землячка. Можно создать семерку пропорционально: один от штаба, один от Красной Гвардии. Семерка эта выбирается в связи с событиями в Калуге.

Тов. Смирнов. Создать боевой центр при Совете, чтобы нас было большинство, нас было бы 4, штаб свяжет со всеми частями. Необходимо это провести сегодня.

Тов. Владимирский. Ввести еще из професс. союзов и представителей из гарнизонов, но центр не ждет этих представителей, а приступает к действию.

Тов. Илья. Нужно предположить, что и Рябцев и меньшевики пойдут с нами, но если этого не будет, и наш орган окажется висящим в воздухе, будет ужасная борьба в солдатской среде. В первую голову нужно поставить перевыборы; пока у нас не обеспечено большинство в С. С. Д., мы не гарантированы от того, что наша пятерка будет бездеятельна.

Тов. Пятницкий. Эти два вопроса нельзя отделить. Раз нет Сов. С. Д., мы выдвигаем пятерку, которая бы действовала в городе, но—никакого влияния на солдат. Теперь на повестку дня ставится вопрос о соединении обоих Советов Р. и С. Д. Предлагает представительство от Всеросс. железнодор. союза, с примечанием, если это возможно, пригласить и телеграфистов.

Тов. Владимирский. Ждать большинства в С. С. Д. нельзя. Когда массы за нами идут, мы должны действовать и перевыборы снять, так как это производит теперь путаницу во время действий. В первый момент не приглашать железнодорожного союза, а только тогда, когда боевой орган проявит себя.

Тов. Лихачев. Аппарат нужно немедленно создать. С перевыборами уйдет много времени; по мере событий и перевыборы пойдут, так как сила за нами. Необходимо сейчас выработать проект боевого органа, вначале он будет несовершенным, но по мере действий он оформится.

Тов. Землячка. Высказывается против железнодорожного союза, так как он с-р, и это было бы очень вредно. Перевыборы нужно произвести немедленно, теперь самое удобное время. Ротный центр может сыграть роль Сов. Солд. Деп.

Тов. Илья. Обязательно нужно одновременно с кампанией организации боевого центра вести кампанию за перевыборы. Организовать другой центр невозможно, силы должны сплотиться вокруг Сов. Солд. Деп.

Тов. Шлихтер. В области такое положение, что массы едва-едва удерживаются от выступлений. Еще 4 дня тому назад говорили о создании центра и теперь опять разговоры. Каждый час дорог и центр немедленно нужно создать.

Тов. Смирнов. Сегодня переизбрать нельзя, а центр нужно создать немедленно. М-ки и с-р. пожалуй, не войдут. Настроение частей вполне удовлетворительно. Немедленно нужно организовать Военно-революц. центр, создать советскую пятерку. Револ. центр должен созвать полковые комитеты.

Принято: Поручить сейчас же Сов. фракции создать немедленно боевой центр на пропорц. основах из 3 б-ков, 1 м-ка, 1 с-р., 1 Кр., 1 от штаба. Соотношение сил 4 и 3. Работа военной организации продолжается. Поручается Военн.

бюро поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без Совета не подчиняются.

Намечены т. т.:

1. Смирнов.
2. Ломов.
3. Муралов.
4. Рыков.
5. Будзынский.
6. Усиевич (в качестве кандидата).

2.

Боевой центр партии.

Постановлено: Составляется 7, 2 из МК., 2 из Обл. Бюро, 1 из Окр. К-та, 1 из проф. союзов, 1 из Военн. Бюро.

МК—т.т. Пятницкий и Владимирский.

Из профсоюзов—т. Козловский.

Из Военн. Бюро—т. Ярославский.

Секретарь *М. К.*

ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЩЕ-ГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 3-ГО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

1.

Отчет конторы Социал-Демократ.

Тов. Подбельский. Делает отчет (отчет при сем прилагается). Тираж газеты достигает 45.000 экземпляров. Условия издания газеты очень тяжелые. Контора своих денег не имела. Газета же должна была существовать только на пожертвования. Указ о запрещении посылать газету в действующую армию сильно понизил тираж, сильно затруднена посылка Социал-Демократа в провинцию. Газеты посылаются багажом и доподлинно известно, что целые пачки газет сжигались, уничтожались и не доставлялись на места. Особенно сильно пал тираж после событий 3—5 июля. Из некоторых городов получались письма, даже телеграммы с просьбой приостановить временно присылку Социал-Демократа. Перестали распространять газеты даже железнодорожные киоски. Таким образом, тираж газеты понизился до 30.000.

Корниловские события сильно подняли интерес к Социал-Демократу. Дошло даже до того, что газет не хватало. И несмотря на то, что запрещение посылать газеты на фронт еще не снято, тираж поднялся до 45.000 экземпляров. Однако, газета не удовлетворяет, а не удовлетворяет потому, что газета наша маленькая, не имеет своих непосредственных ни телефонных, ни телеграфных сообщений из Петербурга. Волею неволею рабочим приходится прибегать к буржуазной печати. Чувствуется насущная потребность в большой, хорошо-осведомленной газете. При большой газете, можно с уверенностью сказать, что тираж дойдет до 100.000 экземпляров. Свою типографию теперь, в военное время, купить

очень трудно. Машины приходится выписывать из-за границы, и может пройти 6—7 месяцев, пока это осуществится. Есть подходящая частная типография, в которой может печататься большая газета. Бумага уже куплена и с типографией уже ведутся переговоры. Теперь вопрос в деньгах. Денег нет. Приходится занимать из типографского фонда. Московский Комитет решил позаимствовать из типографского фонда на расширение газеты. Для этого нужна санкция общегородской конференции.

Тов. Мызикин. В отчете не указано, в каком количестве распространяется коллективная подписка, в каком отдельная, а это очень важно выяснить. Если газету так трудно распространять, обязательно нужно наладить собственный аппарат распространения газеты.

Тов. Пятница. Предлагает открыть прения по вопросу о расширении газеты.

Предложение принято, при чем предоставляется право одному высказаться за расширение газеты, а другому против.

Тов. Емельян. Каждый день из районов приходят резолюции, печатать их за недостатком места невозможно. Нельзя осветить ни солдатскую жизнь, ни крестьянскую. Кроме того, есть много молодых сотрудников, статьи которых лежат по целым неделям только потому, что нет места. Нет места для сообщения очень важных событий. Для того, чтобы можно было все печатать и для того, чтобы отвлечь широкие массы от буржуазных газет обязательно нужно расширить газету. Ввиду того, что типографию теперь купить невозможно, нужно типографский фонд пустить в оборот расширения газеты.

Тов. Мызикин. (вопрос) Почему нет облигаций, которые на одной из общегородских конференций решили выпустить.

Тов. Пятница. Предлагает в день выхода большой газеты открыть специальный фонд расширения газеты, типографский же фонд продолжить.

Тов. Илья. Предложение: Заслушав доклад о Социал-Демократе, предлагаем заимствовать из типографского фонда на расширение газеты до образования специального фонда расширения газеты.

Тов. Ангарский. 2 фонда внесут ужасную путаницу. Ни в один, ни в другой фонд поступлений не будет. Нужно оставить фонд типографии, и из этого фонда каждый раз, когда нужны деньги, заимствовать.

ПОСТАНОВЛЕНО:

1) Обязать Московский Комитет разработать план облигации.

2) Из фонда типографии заимствовать денег для расширения газеты.

3) Открыть фонд расширения газеты, сохранив и фонд типографии.

Принята резолюция:

Заслушав доклад конторы „Социал-Демократ", и утверждая его,—конференция предлагает фракциям большевиков в Советах потребовать немедленной отмены запрещения пересылки „С.-Д." на фронт.

Тов. Латыш. Просит членов Конференции производить по районам сборы в пользу латышской газеты „Социал-Демократ".

Членские взносы.

Тов. Пятница. Конференция должна отменить свое старое постановление о норме членских взносов. На шестом съезде нашей партии постановлена следующая норма членских взносов—1% с заработной платы. Принимая за единицу район, ЦК постановил, что каждый район вносит 10% в ЦК. Таким образом, районы, по старому, вносят в Московский Комитет 50%, из которых 40% остается в МК, 10% МК посылает в ЦК. В виду того, что в кассе Московского Комитета совершенно нет денег, доводится до сведения представителей районов, что обязательно нужно аккуратно вносить отчисления в Московский Комитет.

МК отчисляет в Обл. Бюро 15% с членских взносов, получаемых из районов; *постановлено* подтвердить новую норму членских взносов и проводить ее с 1-го октября.

Тов. Пятница—заявление—Все районы обязательно должны дать полные отчеты для того, чтобы Московский Комитет мог к ближайшей конференции представить подробный отчет.

2.

Кандидаты в Учредительное Собрание.

Тов. Лихачев. Вопрос этот срочный. Обязательно сегодня нужно наметить кандидатов. Московский Комитет руководствуется след. принципом: нельзя ослабить организации на местах и послать все крупные силы. Учредительное собрание может иметь значение только тогда, когда оно опирается на широкие массы. Нужно посылать таких, которые могли бы составить крепкое ядро и отстаивать наши интересы. Московский Комитет выдвинул следующих кандидатов:

1) Ленин, 2) Скворцов, 3) Белорусов, 4) Бухарин, 5) Ногин, 6) Игнатов, 7) Смидович, 8) Борщевский, 9) Муралов.

Тов. Антонов. Кандидаты выставлены в таком порядке, что пройдут только интеллигенты. Из опыта же известно, что интеллигенция оппортунистична и последние скорее могут свихнуться, чем рабочие. Не отрицая, что интеллигенция нам нужна, все же настаиваю, что в Учредительное Собрание нужно провести 90% рабочих, так как мы партия классовая, партия рабочих.

Тов. Григорий. Предлагает выставить всех 15 кандидатов, так как возможно передвижение. Кандидатуру т. Ленина он предлагает снять.

Тов. Землячка. Кандидатура тов. Ленина снята быть не может. Это имя, которое мы должны выдвигать всюду в противовес буржуазным проискам.

Кандидаты выставляются в список как для работы, так и для украшения. Лучшим украшением списка будут рабочие, потому и мы должны главным образом выдвигать рабочих.

Тов. Пятница. Тов. Ленин обязательно должен быть выставлен, как демонстрация.

Т. Антонов неправильно поставил вопрос: нет различия между интеллигентами и рабочими—мы члены одной партии. При выдвигании кандидатур нужно руководствоваться принципом полезности.

Выставляются следующие кандидаты:

Ленин, Бухарин, Скворцов, Есин, Знаменский, Фрадкин, Игнатов, Смидович, Подбельский, Белорусов, Борщевский,

Ангарский, Телешев, Сахаров, Пискунов, Ярославский, Обух, Стуков, Осинский и т. д.

По поводу кандидатуры т. Белорусова поступило след. заявление тов. Алешина из Симоновского подрайона:

Во время майских событий в 1915 году, когда товарищи всеми силами старались удержать массы от выступлений, тов. Белорусов массы вывел и призывал к погрому.

Некоторые товарищи это подтвердили.

Поступило предложение: В виду заявления некоторых товарищей о компрометирующем поступке тов. Белорусова, мы предлагаем кандидатуру его снять, предложив ему привлечь к товарищескому суду товарищей заявивших. Подписи: Илья, Аванесов, Знаменский, Подбельский.

Кандидатура тов. Белорусова снимается.

Кандидаты голосуются;

Прошли в нижеследующем порядке:

1) Ленин, 2) Скворцов, 3) Бухарин, 4) Игнатов, 5) Ярославский, 6) Смидович, 7) Сахаров, 8) Ногин, 9) Ломов 10) Борщевский, 11) Пискарев.

Остальных 4 х кандидатов Общегородская конференция поручает доизбрать Моск. Комитету.

ПРОЕКТ УСТАВА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*).

Цели военной организации.

Ввиду своеобразных условий ведения партийной работы в войсках при МК РСДРП образуется особая военная организация для объединения пролетарских и революционно-демократических элементов армии, в целях проведения в их ряды идей и лозунгов революционной социал-демократии.

Военная организация строится на следующих началах.

I. В воинских частях и учреждениях создается ряд планомерно построенных организационных ячеек в виде:

а) местных групп части (или учреждения) с исполнительным коллективом;

б) районных собраний (за пределами казармы) с их исполнительными организациями.

II. Для осуществления представительства организации распределения силы и средств, направления и объединения ее работы, Общим Собранием представителей Организации избирается военное бюро в составе не менее 13 лиц.

Для выполнения повседневной работы Военному Бюро предоставляется:

а) выделить из своей среды исполнительную комиссию в количестве не менее 3 лиц (секретаря, ответственного организатора и ответственного агитатора).

б) Создавать вспомогательные учреждения временного или постоянного характера.

Примечание 1-е: В виду текучего состава организации, как исключение допускается временная кооптация чл. бюро.

---

*) Принят в апреле 1917 г.

Примечание 2-е: Делегаты на собрание представителей избираются группами частей по расчету один на 5 организованных и не менее одного представителя от каждой самостоятельной группы.

III. В целях достижения тесного единения и согласованных выступлений все члены военных организаций входят в состав пролетарских районов.

IV. Поскольку это обусловливается особенностями характера условий ее работы, В.О. согласно § 3 Устава Партии является во внутренней своей деятельности автономной.

Примечание: Выпуск листков и брошюр для распространения среди солдат от имени В.О. допускается лишь по одобрению их текста МК.

V. Настоящие положения Организации, а равно и имеющие последовать со стороны Общего Собрания Военной Организации изменения их, представляются на рассмотрение МК и утверждение общегородской конференции.

ОТ ВОЕННОГО БЮРО ПРИ МК БОЛЬШ.

Товарищи! Если в городе буржуазия в борьбе с нами, революционными социалдемократами, большевиками, пускает в ход клевету на наших вождей, то в деревне враги народа совершенно не разбираются в средствах борьбы с нами и обманутые и одураченные крестьяне считают нас разбойниками, ворами, приверженцами Николая Кровавого. Между тем приближаются выборы в Учредительное собрание и уже происходят выборы в Земства.

Товарищи солдаты, у вас все связи с деревней, вы должны притти ей на помощь.

Товарищи рабочие, у вас тоже много связей с землей и крестьянством.

За работу же, товарищи!

Но как же могут поработать для деревни товарищи солдаты и рабочие, живущие в Москве?

Много солдат и рабочих ездят в отпуск домой в деревню и там им приходится бороться с непониманием наших мыслей, вести агитацию и даже устраивать организации среди крестьян.

Но один в поле не воин.

Товарищи, едущие в деревню, часто не знают, какую литературу нужно взять с собой или просто не имеют средств для приобретения нужной литературы.

Необходимо объединиться товарищам по губерниям для того, чтобы планомернее поставить распространение нашей литературы в деревне. Необходимо собраться землякам и потолковать между собой, необходимо устраивать земляческие собрания и организовывать землячества.

В Питере и Кронштадте товарищи рабочие и солдаты давно уже поняли необходимость большевистских землячеств

и там землячеcкие собрания бывают очень часто; на этих собраниях выясняется, кто из земляков едет и в какую деревню. Едущие покупают литературу, дают адреса родственников, передают с ними письма и проч., а приехавшие товарищи рассказывают, что делается в деревне и составляют корреспонденцию для нашей газеты и т. д. Такие то землячеcкие собрания и будет устраивать Московская Военная Организация Р. С. Д. Р. П.

Извещения о собраниях будут помещаться в „Социал-Демократе“.

Август 1917 года.

ОТЧЕТ ВОЕННОГО БЮРО ПРИ МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ БОЛЬШЕВИКОВ О СНАБЖЕНИИ ФРОНТА ЛИТЕРАТУРОЙ*).

В действующую армию отправлено бесплатно газет, листков и брошюр с 24 марта по 1 мая:**)

„Социал-демократ"	30375	экз.
„Правда"	7972	„
„Солдатская Правда"	2000	„
Майский Листок.	15000	„
Солдаты и рабочие	17000	„
Почему нет хлеба	12000	„
О дороговизне.	5000	„
Программа Р. С. Д. Р. П.	2900	„
Брошюр и книг.	12380	„

С 1 мая по 11 июня.

„Солдатская Правда"	61525	„
„Социал-демократ"	32000	„
„Правда"	6930	„
Брошюр и книг	37126	„
Программа партии	3774	„
Солдаты и рабочие (л)	20000	„
Фридрих Адлер (л)	12000	„
Журнал „Спартак"	678	„
Польских газет и брошюр	242	„

В среднем в мае и июне выдавалось на фронт бесплатно ежедневно до 3000 экземпляров газет и более 1000 экземпл. брошюр и книг. Наибольшая часть этой литературы пере-

---

*) Помещен в Социал-демократе, июнь 1917 г. № 92.

**) 1917 г.

дана непосредственно солдатам с фронта, делегированным своими организациями для приобретения литературы в Москве. Значительная часть литературы отправлена с маршевыми ротами Московского гарнизона.

Снабжались также литературой и солдаты, возвращавшиеся на фронт из отпусков и направляемые в Военные Бюро партийными рабочими. Менее всего отправлялось литературы посылками, так как последние редко доходили по своему назначению. Запросы и требования, предъявляемые солдатами с фронта письменно, Военное Бюро удовлетворяло выпиской газеты „Социал-Демократ".

Число солдат с фронта, посетивших Военное Бюро за время с 24 марта по 11 июня, и снабженных литературой достигало 838 чел.

У Военного Бюро имеются связи с войсковыми частями на всех фронтах.

В провинцию, в воинские части и в деревню чрез солдат отправлено газет и брошюр с 1 мая по 11 июня:

„Солдатская Правда"	7035	экз.
„Социал-Демократ"	3635	„
Брошюр	1452	„
Программа Р. С. Д. Р. П.	197	„
Журнал „Спартак"	25	„

ПОЛОЖЕНИЕ О МОСКОВСКОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ, ПРИНЯТОЕ В ЗАСЕДАНИИ ИСП. К-ТОВ С. Р. И С. Д. ОТ 3/IX—17 Г.

1. Красная Гвардия учреждается для защиты завоеваний революции и охраны порядка в городе на-ряду с милицией и войсками, а также для усиленной охраны заводов от злоумышленных покушений.

2. Выступления, действия и формирование Красной Гвардии состоят в ведении и под руководством Исполнительных Комитетов Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Для непосредственного руководства действиями и формированием Красной Гвардии при Исполнительном Комитете учреждается Центральный Штаб, в состав которого входят представители Исп. К-тов С. Р. и С. Д. по фракциям в равном числе по 3 от каждой, всего в числе 24. Два представителя от Центр. Бюро профсоюзов и начальники районных дружин.

Примечание 1: Центральный Штаб избирает из своей среды президиум (по одному от фракции) и представляет на утверждение Исп. К-та Начальника Гвардии.

Примечание 2: До формирования дружин и утверждения их начальников в Штаб временно входят взамен начальников дружин по одному представителю от Исп. Районных К-тов. По мере образования дружин представители Районных Исп. К-тов отзываются и замещаются начальниками дружин.

Примечание 3: Штаб может посылать Комиссаров для организации Красной Гвардии в районнах и предпри-

нимает все необходимые шаги для приобретения оружия.

Примечание 4: При Штабе действуют специальные Комиссии: Инструкторская и др. и Автомобильный Отдел.

Дружина.

Образование дружин приурочивается к районам. Начальник дружины избирается прямым, равным и тайным голосованием всех дружинников и утверждается Центральным Штабом. Штаб Районной Дружины состоит из сотников и представителей Районного Исп. К-та по 3 человека от каждой фракции. Районный Штаб выбирает из себя Президиум по 1 представителю от фракции. Дружина разделяется на сотни, сотня на десятки. Сотники и десятники избираются общим собранием и утверждаются Штабом Дружины. Штаб сотни состоит из десятников.

Примечание. В случае нарушения установленного распорядка, или экстренной нужды, начальники дружин и сотен могут быть смещены Центральным Штабом и на эти должности временно командируются лица по назначению Центрального Штаба.

Дружинники, их права и обязанности.

1. Для зачисления в дружину требуется обязательное письменное ручательство соответственной партийной организации района.

2. Дружинникам принадлежит право избрания начальников.

3. Право товарищеского суда (выборный Суд дружины или сотни).

4. Заведывание административно-хозяйственной частью Дружины, сотни, десятка при посредстве выборных комитетов.

5. Дружинники обязаны беспрекословно исполнять все приказы начальника, касающиеся службы.

6. При выходе без уважительной причины из Дружины, дружинники обязаны предупредить о том за две недели.

7. Дисциплинарные взыскания, коим могут быть подвергнуты дружинники, суть: а) товарищеский выговор, б) исключение из Дружины—решает Суд сотни и утверждается Дружинным Штабом.

в. Исключение из завода—решается Судом Дружины и утверждается Центральным Штабом, г) общий бойкот по постановлению Центрального Штаба.

Примечание. В случаях, не терпящих отлагательства переименованные в пунктах „а и „б" взыскания, могут быть налагаемы единоличной властью Начальника Дружины с непременным условием представления на утверждение соответствующих учреждений.

Оружие.

Оружие выдается на руки дружинникам только для обучения и оперативных действий. За выданное на руки оружие возлагается личная и денежная ответственность на дружинника и в случае его несостоятельности, круговой порукой партии, рекомендовавшей дружинника. За продажу или умышленную порчу оружия налагается высшая мера взыскания из пунктов „б", „в" „г". То же и относительно патронов.

Оплата.

Дружинники никакого денежного и натурального довольствия не получают. Сотники и начальники дружин получают вознаграждение по определению Центрального Штаба, утвержденному Исп. К-тами С. Р. и С. Д. Дружинники в исключительных случаях, когда, например, заняты в нарядах и караулах, получают плату в размере своего среднего заработка.

Средства.

Средства слагаются: из фонда Красной Гвардии, составляемого отчислением из заработка московских рабочих и случайных поступлений.

Служба.

Прохождение службы производится по уставу строевой службы применительно к воинскому (с сокращением), а также Уставу Гарнизонному и Полевому. Начальники Дружин,

сотен, десятков отвечают за дисциплину, порядок и прохождение службы своих частей. Центральный и Дружинный Штабы имеют мобилизационные планы и производят учебные сборы и тревоги. Оружие, не состоящее на руках, хранится в депо Центральных и Дружинных Штабов.

Делопроизводство и отчетность.

1. Делопроизводство и отчетность ведется особо приглашенным делопроизводителем.

2. В Центральном Штабе образуется особая канцелярия, возглавляемая секретарем.

Контрольная Комиссия.

Исп. К-т Центральных С. Р. и С. Д. выделяет из своей среды постоянную Контрольную Комиссию, независимо от Штаба Гвардии и представителей всех фракций обоих Советов (по одному) для ревизии наличности оружия, денежных сумм, состава и деятельности Гвардии.

Копия.

СПИСОК (НЕПОЛНЫЙ) КАТОРЖАН БОЛЬШЕВИКОВ, ОСВОБОЖДЕННЫХ В ФЕВРАЛЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ ИЗ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

1. **Дзержинский, Ф. Э.**
2. **Рудзутак, Ян Андреевич.**
3. **Бреслав, Б. А.**
4. **Прухняк, Эдуард Андр.**
5. **Фигатнер, Яков.**
6. **Формейстр.**
7. **Лус, Ян.**
8. **Надельштейн.**
9. **Рыкунов, Мих.**
10. **Маршан.**
11. **Килевич.**

ПОПРАВКИ К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ РАБОТАМ.

За отсутствием своего периодического органа, Московское Губбюро Истпарта лишено возможности своевременно публиковать исправления ошибок и неточностей, которые попали в его исторические работы и которых избежать совершенно невозможно, особенно в мемуарной литературе. В интересах же исторической объективности является крайне необходимым дать место для возражений и поправок спорных исторических фактов после, конечно, тщательной проверки этих поправок.

Поэтому Губбюро Истпарта вынуждено в настоящем сборнике исправить целый ряд неточностей, попавших в предшествующие его сборники „Октябрьские дни в Москве и районах“ и „Октябрьская революция в Москве“. Такого же порядка придется придерживаться и впредь, покуда у Губбюро Испарта нет своего периодического органа.

В Московское Губбюро Испарта.

В сборнике „Октябрьские дни в Москве и в районах“, издательства кооператива МКРКП помещена статья т. Стукова под названием „Шантажисты“. В этой статье, рисуя роль Викжеля (Центр. Исполн. К-та Железнодорожного Союза) в октябрьские дни в Москве, т. Стуков приводит текст переговоров по прямому проводу двух членов Викжеля—Вомпе и Бальбатова. Основываясь на тексте указанного переговора, т. Стуков придает ему такое освещение, что де Вомпе, руководя политикой Викжеля в Питере, а Бальбатов, выполняя директивы, даваемые Вомпе в Москве,—сыграли вместе с Викжелем роль шантажистов в октябрьские дни и проявили в лучшем случае не платформу единого социалистического фронта, а безусловное сочувствие Рудневу и Рябцеву (читай: „сочувствие контр-революции“).

Соглашаясь целиком с оценкой Викжеля, как организации, сыгравшей в октябрьские дни объективно контр-революционную роль (об этом тов. Вомпе посвящена целая брошюра, написанная им ещё осенью прошлого года и взятая Истпартом для издательства),—мы категорически протестуем против той роли, которую нам насильственно вменяет т. Стуков и которая в корне не соответствует действительности.

Прежде всего мы отмечаем, что Стуковым изложен текст переговоров в таком виде, что он дает совершенно извращенное представление.

Согласно имеющегося подлинника ленты текст коей печатается ниже тот разговор по аппарату, который отнесен Стуковым к Бальбатову, значится переданным согласно этой ленты двумя лицами: Добытиным и Бальбатовым (членами Викжеля). Но по существу разговора, дело обстояло так.

Кондуктор Добытин (сочувствующий с.-р.,) явился для переговоров по аппарату, как официальный представитель Викжеля, я же, Бальбатов, получил от Военно-Революционного Комитета Железнодорожников поручение следить за переговором и информировать Районный Комитет Железнодорожников об этих переговорах. С другой стороны, я, Бальбатов, не мог передавать то, что было в разговоре, а именно:

1) Переход на сторону комитета Общественного спасения, 2) впуск белых войск в Москву, 3) принятие советом железнодорожных депутатов платформы Викжеля. Первые два заявления не могли быть мною, Бальбатовым, сделаны и по моему революционному прошлому и по моей партийной принадлежности в дни Октябрьской революции (в партии большевиков с 1905 года и работа под контролем Райкома), а третье заявление я не мог сделать, так как находился в курсе настроения Совета и не мог передавать того, чего фактически не было (подтвердить могут т.т. Пятницкий, Зимин, Аронштам и др.).

Я же, Вомпе, признавая первую часть разговора за свой разговор, отрицаю как мою передачу—весь второй абзац, (к сожалению, не удалось найти ленту подлинного разговора), который, очевидно, выхвачен из другого какого-нибудь разговора и также не соответствует действительности, как и

вмененный Бальбатову переговор. Не допускаю я и мысли чтобы мною могло быть принято приведенное заявление Добытина без категорического с моей стороны протеста и принятия соответствующих мер в октябрьские дни, что соответствовало бы той политической линии, которую я проводил с первых дней февральской революции.

Не отрицаю того обстоятельства, что в первые дни Октябрьской революции я разделял иллюзию возможности образования единого социалистического фронта (в чем повинны даже и некоторые весьма видные большевики). Но вся моя деятельность и отношение, начиная с первых дней февральской революции, к характеру революции, коалиции, советам и пр., самым категорическим образом опровергают то освещение, которое придается моей роли в Викжеле указанной статьей Стукова. Состоя председателем Исполкома Ник. дор., я совместно с несколькими товарищами еще в июльские дни 1917 г., провел на дорожном съезде резолюцию о „всей власти советам" и вел широкую агитацию по всей дороге против коалиции и Временного Правительства. Входя в рабочую группу Викжеля, я вел борьбу против меньшевистско-эсэровской политики последнего и не только не руководил его деятельностью, как это освещается статьей Стукова, но совместно с рабочей группой путем ультиматума раскола вынудили Викжель признать советскую власть и войти в ВЦИК после октябрьского созыва.

Мое отношение к Комитету Спасения родины и революции в самый разгар октябрьских событий определялось, как к организации контр-революционной, с которой ни на какое соглашении итти нельзя. Мною был устроен скандал по поводу рассылки по сети председателем Викжеля телеграммы Комитета Спасения, и я добился, чтобы эта рассылка была разъяснена, как акт личного действия. Мною было возбуждено расследование о деятельности председателя Гл. Дор. К-та М. В. Р. Жел. дор., передавшего по аппарату также телеграммы К-та Спасения, мною совместно с другими товарищами был ошельмован на пленуме Викжеля (30 или 31 октября 1917 г.) Скобелев и Фирсов, которые от имени К-та Спасения склоняли Викжель на свою сторону, и сорвано их предложение и т. д. и т. п. Все мое отношение к К—ту Спасения могут подтвердить бывшие члены Вик-

желя Зампред Цектрана Грунин, член Петробюро Цектрана Лапьер, председатель Кавбюро ВЦСПС Сенюшкин и др.

На основании изложенного просим напечатать данное опровержение в ближайшем номере Вашего сборника.

П. Вомпе, чл. РКП партбилет № 122504.

С. Бальбатов, чл. РКП партбилет № 136616.

В разъяснение одного недоразумения.

В сборнике „Октябрьские дни в Москве и районах", изданном Московским Губернским Бюро Комиссии по истории Октябрьской Революции и РКП, имеется статья т. И. Стукова под заголовком „Отдельные моменты великих дней", под названием „Шантажисты", в которой он публикует разговор между Питером и Москвой, якобы ведшийся между т. Бальбатовым и т. Вомпе. Мне приходилось встречаться с двумя вышеназванными товарищами по работе с августа—сентября 1917 г. до середины 1919 г., а с тов. Вомпе я работаю и по сей день.

Так как т. И. Стуков бросает им тяжкое обвинение в том, что они в октябрьские дни держались, как „шантажисты", ссылаясь на „документ", то я считаю своим долгом написать несколько строк, как о т.т. Бальбатове и Вомпе, так и о документе, на который ссылается т. Стуков.

В октябрьские дни я установил телефонную и телеграфную (по аппаратам Морзе и Бодо) связь с Питером. Как это происходило? Московские Викжелисты меня к аппарату не допускали, а член Викжеля, тогда с.-р. Гар вызвал Питер и там к телефону подошел тоже член Викжеля и тогда тоже с.-р. Стамо. Через Гара я спрашивал, и Стамо отвечал. Когда я кончил говорить, Гар и Стамо продолжали свой разговор. О чем? О чем могли говорить между собою 2 эсэра тогда? Когда я после говорил с Питером с телефонной станции Ярославского вокзала, то тут же неразъединяясь, после меня говорили другие. Если бы кто-нибудь там в Питере или в Москве записывал разговор, то он мог бы быть перепутан, и я очутился бы в роли с.-р. или „шантажиста".

Не лучше дело обстояло и с телеграфом. На Николаевском вокзале, на телеграфе атмосфера для нас—большевиков была очень скверная. Когда я, тов. Мостовенко и Кизельштейн говорили с Питером в октябрьские дни с т.т. Рязановым, Рыковым и, кажется, с т. Троцким, то тут же стояли несколько членов Викжеля, которые вмешивались в разговор, и после нас наверно продолжали говорить уже о своих делах со своими сторонниками. При враждебности телеграфистов к нам и при тех условиях, в которых приходилось разговаривать, телеграфная лента даже не дает гарантии, что разговор велся именно теми лицами, которые указываются в ленте, а не другими, которые тут же стояли при разговоре. Тем паче, разговор, который, просто напечатан на машинке, и о котором идет речь у тов. Стукова.

Тов. Бальбатов был связан с Железнодорожным Районом. В первые октябрьские дни он находился в помещении Райкома, которое находилось рядом с помещением Викжеля. Я от него требовал, чтобы он неотступно находился в Викжеле, дабы он мог нас информировать о том, что там делается. Но московские члены Викжеля хотели и старались отделаться от него, как от коммуниста.

Тов. Стуков на основании „документа" приписывает тов. Бальбатову такую нелепицу: „Была объявлена эта резолюция Районному Комитету, Совету Рабочих Депутатов Железнодорожников, которая также была принята и в Совете Р. Р. Д. Ж." и немного ниже: „Если же они (Военно-Революционный Комитет) откажутся (принимать резолюцию Викжеля О. П.), то мы им объявим, что мы переходим на сторону (Комитета) общественной безопасности и те войска, которые задержаны по дороге, мы будем пропускать в Москву".

Районный Комитет и Районный Совет Железнодорожников ни разу не собирались в октябрьские дни—существовали ВРК и Пятерка в Районе. Бальбатов об этом хорошо знал. Да и не могли Районный Совет и Районный Комитет принимать ультиматум от Викжеля. Этакую нелепицу не мог сообщить т. Бальбатов, ибо ему было известно, что никогда боевые органы ж/д. Района не согласятся с позицией Викжеля. Кроме того, разве мыслимо, чтобы рабочий, член партии с 1906 года, который бывал на партийных

конференциях в нелегальные времена, был в ссылке на поселении (кажется вместе с тов. Свердловым в Туруханске) и выступал, как большевик в середине июля 1917 г. на Учредительном съезде железнодорожников, где большевиков травили (их было 3 большевика на 700 делегатов)—передавал по аппарату этакий черносотенный разговор. Для меня ясно, что ему приписывают разговор, который вели кто-либо из с.-р. или меньшевиков.

Тов. Вомпе я знаю с конца августа 1917 года.

Когда мы начали организовывать союз мастеровых и рабочих для завоевания Викжеля извнутри, то он был одним из первых членов Викжеля, который нам пошел навстречу и оказывал всяческое содействие. Исполнительный Комитет Николаевской ж/д., во главе которого стоял т. Вомпе, еще до Октябрьской революции стоял за Советскую власть, несмотря на то, что большевиков в Исполкоме было мало.

На Чрезвычайном съезде железнодорожников в декабре 1917 года, он и еще несколько левых интернационалистов произвели раскол во фракции Новожизненцев и они голосовали вместе с нами против Учредилки. Последующая его работа, до вступления в нашу партию и после его вступления в нее убеждает меня в том, что тов. Вомпе не мог вести весь разговор, как он напечатан в вышеназванном сборнике на стр. 21-й.

На протяжении больше, чем пяти лет, я, работая с т.т. Вомпе и Бальбатовым имел возможность наблюдать их работу как в партии, так и в союзе. Это именно и заставляет меня писать эти строки.

Осип Пятницкий.

16/X—22 г.

Копия подлинной ленты переговоров по прямому проводу между представителями Викжеля.*)

Я член Викжеля Добытин и Бальбатов что угодно Москве у нас сегодняшний день выйти никуда нельзя везде стреляют резолюцию Вашу мы передали в Комитет общественной безопасности Гару который там ее объявил и которая единогласно принята у нас же было объявлено в этой резолюции районному Совету железнодорожников которая также принята сейчас принимаются меры связаться с революционным комитетом большевиков и в ультиматной форме объявить эту резолюцию и потребовать их соглашения если же оне откажутся то мы им объявим что мы переходим на сторону общественной безопасности и те войска которые задержаны по дорогам мы будем пропускать в Москву теперь но так как революционный комитет почтовым ведомством отрезан то нам поручено двум членам Кравцу и Платонову принять все меры для выяснения и по район оказывает этому содействие к трем часам дня мы получим от них какой нибудь результат вы же говорите что в двенадцать часов вы были получит сообщение а поэтому мы просим вас принять экстренные энергичные меры к скорейшему окончанию кровопролитию так как за вчерашний день убитых и раненых в Москве 700 человек а сегодня сейчас только возвратился из Московской Городской Управы товарищ Гар который даже с ужасом не может описать того что происходит в городе везде расставлены броневики тяжелая и легкая артиллерия а поэтому просим принять все меры чтобы закончить это кровопролитие в три часа мы будем вести переговоры с ним подождите дело следующем поменьше бы вы там говорили побольше дело делали здесь кровь льется а вы там занимаетесь выработкой плана забастовки я вам говорю то что мы здесь переживаем а по этому это не глупости а дело.

---

*) Перепечатано с подлинника без всяких изменений.

От Московского Губбюро Испарта.

В сборнике „Октябрьское восстание в Москве", издание Московского Губбюро Испарта, под ред. тов. Овсянникова, автор статьи „В Сущевско-Марьинском районе" И. Ходоровский, на стр. 121 называет себя председателем Военно-Революционного Комитета Сущевско-Марьинского района. По этому поводу в Губбюро Испарта поступали многочисленные заявления от бывших членов Ревкома и от активных работников Сущевско-Марьинского района, опровергающие вышеуказанное утверждение тов. Ходоровского.

В настоящее время Губбюро Испарта получило письмо от бывшего члена Ревкома Сущевско-Марьинского района, которое в интересах исторического беспристрастия считаю необходимым опубликовать.

„Настоящим удостоверяю, что в дни Октябрьской революции в 1917 г., т.-е. с 26 октября до 3-го ноября председателем Ревкома Сущевско-Марьинского района г. Москвы был тов. Кузнецов (анархист).

Бывший член Ревкома района от воинских частей дома Курникова *Г. Яцковский.*

24/VII—22 г.

Член РКП (п. б. № 199157).

Член Губбюро Испарта *С. Черномордик.*

По заявлению тов. Шляпникова.

В нашем сборнике „Октябрьские дни" было перепечатано из газеты „Красная Пресня", № 2 воспоминание о Всехсвятском подрайоне тов. Я. Е. Шляпникова.

Тов. Шляпников просит нас исправить следующие ошибки.

Членами революционного комитета Всехсвятского подрайона были товарищи: Бабкин, Бученков и Шигаев, а не Галкин, Гаченков и Шингарев, как было напечатано в „Красной Пресне", а затем перепечатано в сборнике „Октябрьские дни".

Губбюро Испарта.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТАТЬИ.

II. ПРИЛОЖЕНИЯ.

III. ПОПРАВКИ К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ РАБОТАМ.

